С. АНИСИМОВ

ПУТЕШЕСТВИЯ П.А.КРОПОТКИНА

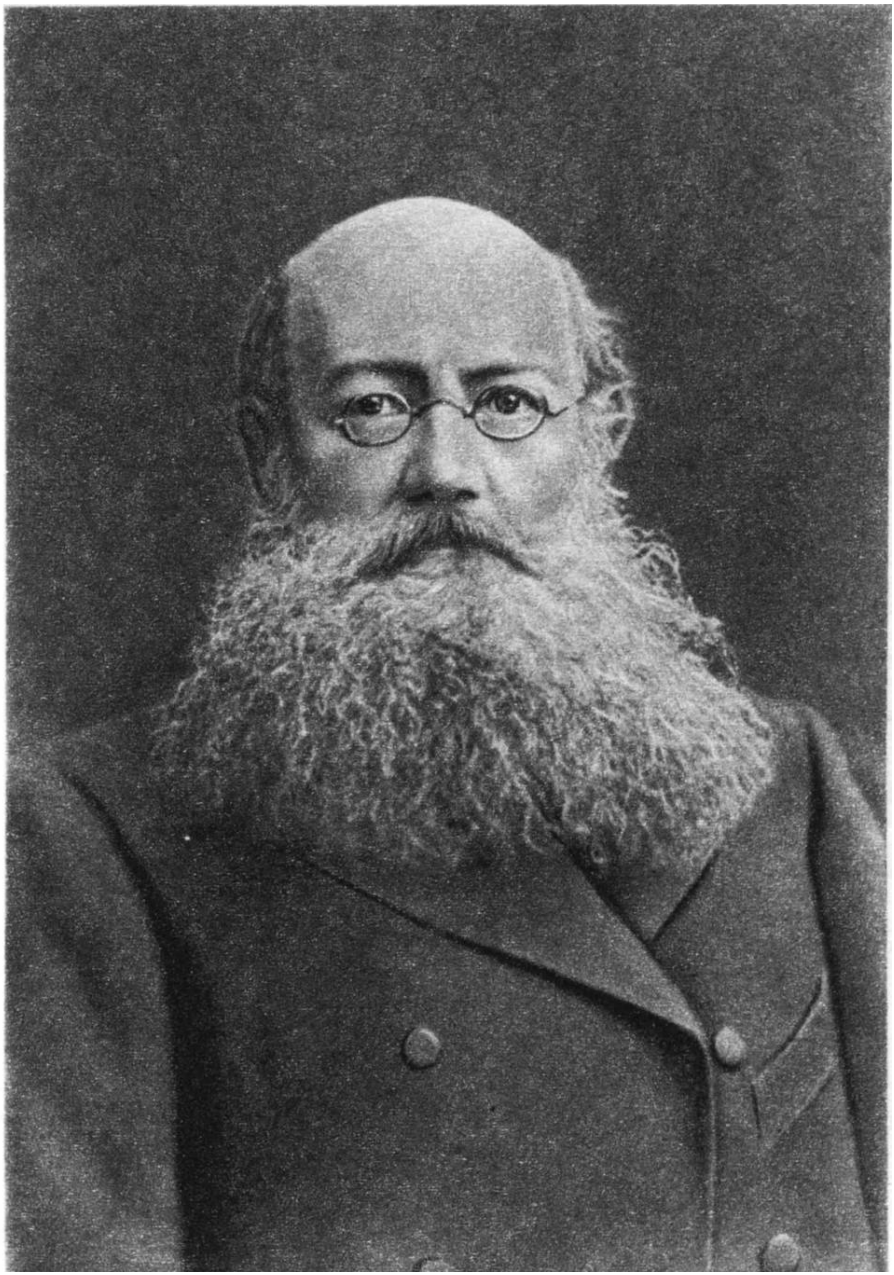
ДЕТГИЗ 1952

SHOUT
SHARE
IT

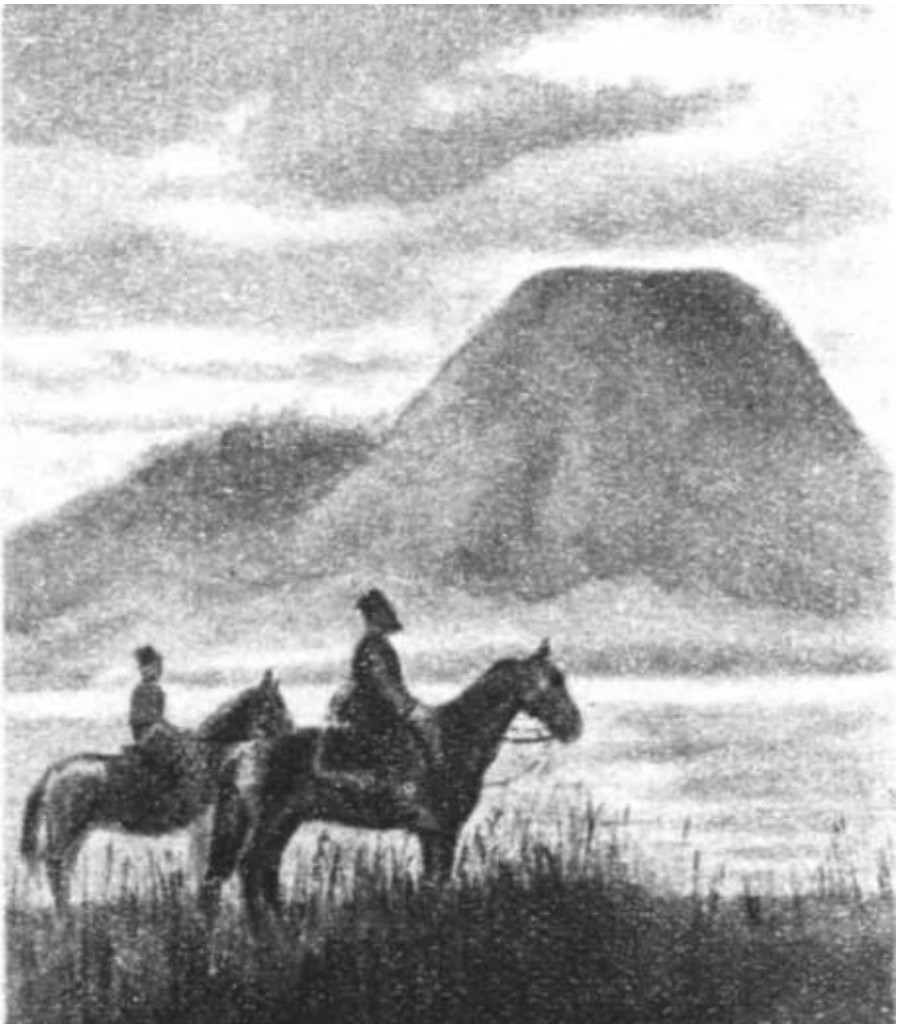
Annotation

Для среднего и старшего возраста

•



С. АНИСИМОВ
ПУТЕШЕСТВИЯ П. А. КРОПОТКИНА
в 1862-1867 годах



Государственное Издательство Детской Литературы

ВВЕДЕНИЕ

В июне 1862 года в Петербурге, в Зимнем дворце, в одном из парадных залов, собрались выпускники всех офицерских школ столицы. Они представлялись царю в форме тех полков, куда каждый из них решил поступить.

Среди молодых офицеров выделялись выпускники пажеского корпуса. Они щеголяли белыми, синими и красными мундирами царской гвардии.

Царь Александр II, медленно проходя со своей свитой через зал, милостиво и рассеянно всем улыбался. Вдруг он остановился, и лицо его выразило недовольное изумление: перед ним

стоял его
камер-паж князь Петр Кропоткин. Юноша отрастил себе бороду,
на нем был простой мундир черного сукна с красным воротником,
даже без петличек, папаха из собачьего меха и серые шаровары.
И это аристократ, первый ученик пажеского корпуса, которого
он при встречах обычно награждал милостивыми улыбками,
старался привязать и приблизить к себе! Что с ним случилось?
Дежурный генерал-адъютант, заметив взгляд царя, торопливо
пояснил ему, что это утвержденный образец формы амурского
казачества.
Царь спросил Кропоткина:
— Так ты едешь в Сибирь? Что же, твой отец знает об этом?
— Да, ваше величество, — ответил Кропоткин.
— И тебя не страшит ехать так далеко? — спросил царь.
— Нет, я хочу путешествовать, работать, а в Сибири так много
дел, — скрывая волнение, говорил Кропоткин.
Александр II взглянул на него пристально» задумался на
минуту и сухо сказал:
— Что ж, поезжай. Полезным везде можно быть.
* * *
На решение Кропоткина отказаться от придворной карьеры и
оставить Петербург друзья смотрели как на блажь.
Они жалели его, сначала отговаривали, но, зная настойчивый
характер Кропоткина, оставили его в покое.
И все же после приема в Зимнем дворце, вернувшись в корпус,
один из ближайших друзей Кропоткина, тоже выпускник, Замыц-
кий, взял его под руку, отвел в сторону и взволнованно стал
шептать:
— Петр! Передумай, пока не поздно. Я понимаю: тебе не по
душе вся эта мишура, придворная пустота, суета, низкопоклонство.
Но ведь твой отец проклянет тебя.
Кропоткин хмуро ответил:
— Пойми, я много раз говорил тебе, что хочу стать
путешественником, быть там, где не ступала нога

человеческая, наблюдать
девственную природу, видеть новые края и людей, исследовать и
описывать их...
— Передумай, Петя, пока не поздно. Как бы тебе не раскаяться.
— Ты знаешь, — так же тихо ответил Кропоткин, — я все давно
передумал. Теперь я хочу поехать к отцу — может быть, он все-
таки поймет...
* * *
В этот же день Кропоткину передали телеграмму от отца:
«Если бросишь императорский двор, уедешь в Сибирь — прокляну».
Кропоткин еще с самого детства разошелся с отцом. На всю жизнь остались в его памяти страшные картины расправы с крепостными в доме отца.
В третьем классе корпуса он отказался получать от отца даже карманные деньги, потому что они были добыты несправедливо,
трудом крепостных рабов. Но, собираясь начать новую жизнь в далекой Сибири и мысленно прощаясь со всем прошлым, ему
стало жаль честолюбивого старика. Он хорошо знал своего отца,
этого служаку времен Николая I — жестокого крепостника и упрямца. Он решил перед отъездом в Сибирь непременно побывать дома.
Кропоткин знал, что едет на много лет в далекую Сибирь, и сборы отняли у него больше недели.
Надо было выправлять документы во всяких канцеляриях, полу-
чить прогоны, а самое главное — достать в Генеральном штабе
все карты Восточной Сибири и Дальнего Востока, какие там были.
Но и эти военные карты были такие же, как и те, что он видел раньше. На них были показаны к востоку от реки Енисея сплошные
низменности или белые, ничем не заполненные пятна. Это означало,
что из ученых-исследователей там никто не был. Но эти же пятна

и радовали пытливого юношу, который собирался путешествовать.

По ним он «прочел», что может совершить новые большие открытия. И его еще неудержимее и сильнее влекло теперь поскорее посмотреть эти не ведомые никому места и описать их.

«Еду туда, где белые пятна на картах, куда ни чорта лысого не носило», писал Кропоткин своему старшему брату Александру, с которым вместе вырос и дружил всю жизнь.

Яркая, шумная жизнь в столице, с оперой, придворными балами, концертами, оставалась позади. Нелегко было вырваться из круга привычных отношений и друзей. И Кропоткина по временам одолевали грусть и раздумье. Однако он твердо решил, что не останется при дворе, не поступит в гвардию, не отдаст свою жизнь придворным балам и парадам. Кропоткин давно мечтал поступить в университет, жить вольной студенческой жизнью и учиться, учиться и учиться. И теперь, когда перед ним встал вопрос: университет или Сибирь с путешествиями в неведомые страны, он решил отложить университет на будущее.

Отец, узнав, что его сын, камер-паж Петр Кропоткин, едет на Амур, телеграфировал, чтобы доложили о его несогласии на отъезд сына великому князю — начальнику военно-учебных заведений.

И Кропоткина вызвали для объяснений.

Петербург точно клещами держал его, но юноша твердо стоял на своем решении. И все же молодого офицера волновали телеграммы отца, в которых старик категорически воспрещал ему уезжать из Петербурга,

* * *

Как в жизни иногда бывает, совсем посторонний случай помог Кропоткину разрешить спор с отцом.

В центре Петербурга, на Апраксином рынке, против пажеского корпуса, неожиданно вспыхнул грандиозный пожар.

Пажи-выпускники с большим трудом отстояли свое здание от

огня. В корпус

приехал великий князь Михаил, которого, согласно требованию

служебного устава, Кропоткин, как фельдфебель, сопровождал при

Прогоны — плата за проезд на почтовых лошадях.

обходе здания. Великий князь неожиданно строго спросил

Кропоткина:

— С чего это ты вздумал ехать на Амур? Ты имеешь там

родных? Знает ли тебя генерал-губернатор?

Кропоткин ответил, что ни родственников, ни знакомых в

Сибири у него нет.

— Как же ты едешь тогда? — спросил с удивлением князь. —

Они пошлют тебя в какую-нибудь глухую станицу — что ты там

будешь делать? Я лучше напишу генерал-губернатору и попрошу

его оставить тебя при штабе.

Кропоткин был уверен, что после такого предложения великого

князя отец не будет больше противиться его поездке. Так оно и

вышло. Это было летом 1862 года.

Прошел всего год после освобождения крестьян. Кропоткин

встретил манифест с восторгом. Он испытывал пылкие

верноподданнические чувства к царю и с волнением ожидал новых реформ.

Но все надежды были обмануты. Манифест о свободе, как он

вскоре понял, оказался новым видом кабалы для крестьян.

Жизнь в столице в это время приняла мрачный характер. Пожар

Апраксина рынка правительство приписало революционерам.

Начались жестокие гонения на интеллигенцию. Казачьи патрули

разъезжали вокруг дворца и по улицам столицы. Петропавловская

крепость наполнилась политическими заключенными. Был арестован

и вождь революционной демократии писатель Н. Г. Чернышевский.

Уезжая из Петербурга, Кропоткин начал вести дневник, на

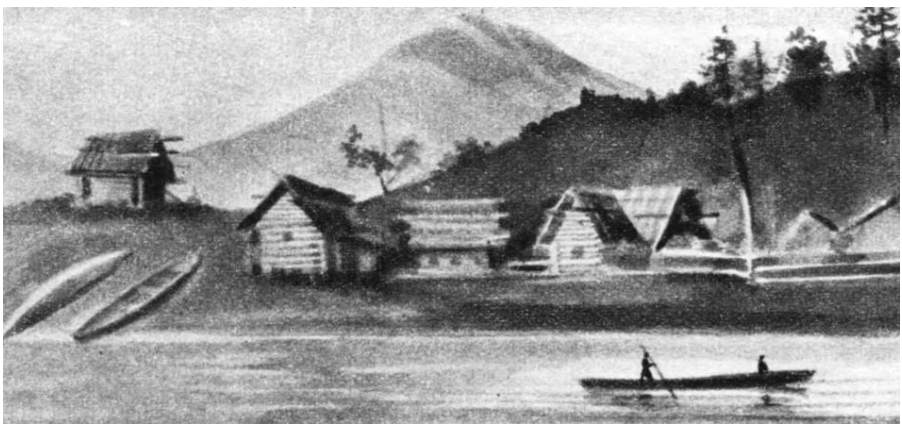
первой странице которого написал свое любимое стихотворение поэта

Огарева:

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным
И в возрасте зрелом, со старостью смежном, —
Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Из Сибири и с пути Кропоткин писал корреспонденции в газеты и часто делился своими впечатлениями в письмах к брату Александру.

Весь этот материал и отчеты проведенных им экспедиций легли в основу данной книги.



ГЛАВА ПЕРВАЯ
СО СПЛАВОМ ПО ШИЛКЕ И АМУРУ

Кропоткин доехал до Иркутска 5 сентября, когда уже начались заморозки. Корсаков — генерал-губернатор Восточной Сибири — принял его ласково. Он и слышать не хотел о том, чтобы послать Кропоткина, как хотел юноша, в казачий батальон в низовья Амура. Корсаков оставил на зиму молодого способного офицера при своем штабе для специальных поручений. И только весной следующего года Кропоткину удалось совершить свое первое путешествие со сплавом по реке Амуру. Тогда впервые начали осуществляться его мечты о путешествиях по неисследованным местам.

* * *

Приамурье по Айгунскому договору с Китаем в 1858 году вошло в состав Российской империи.

Теплый климат и плодоносные берега Амура уже в течение двух столетий манили к себе сибиряков.

Еще в XVI и XVII веках забайкальские казаки плавали по Амуру, строили на его берегах свои остроги (укрепленные городки), оседали там, распахивали землю. Оттуда они спускались и поднимались в своих плоскодонных лодках по всей этой великой реке и собирали ясак (дань) с бродячих эвенков и дауров, живших по берегам Амура. С Амура казаки отправляли в Москву ясак многими «десятками сороков соболей».

Казачьи атаманы пытались не раз проникать и в Маньчжурию, на правый приток Амура — на реку Сунгари.

В Китае царствовали тогда императоры маньчжурской династии. Деятельность казаков на Амуре их мало беспокоила, но свои земли в Маньчжурии они зорко охраняли.

В Иркутске, готовясь к путешествию, Кропоткин со свойственной ему настойчивостью и терпением знакомился в архивах со старыми документами и отыскал там немало сведений о том, как наши казаки и крестьяне-землепроходцы осваивали для русского народа эти далекие земли.

В 1643 году плавал по реке Сунгари атаман Поярков, который сообщил первые сведения о ее берегах. «По Шунгалу (Сунгари),- писал Поярков, — сидят шунгалы, а выше мунгалы, кочевые-скотские ».

После Пояркова знаменитый казачий атаман Хабарове 1651 году проплыл мимо устья Сунгари на своих ладьях и тоже кратко сообщил о гогурах и дучерах — обитателях ее устья. Хабаров писал, что они занимаются исключительно рыбной ловлей.

Атаман Хабаров построил вблизи устья Сунгари острожек и на нем зазимовал.

В 1652 году, как он сообщал, ему удалось создать здесь опорную базу, которая превратилась в станицу.

В следующем году другой казачий атаман, Степанов, решил подняться вверх по Сунгари.

Недалеко от устья он высадился со своими казаками между селениями дучеров, построил небольшой городок и безбедно прозимовал.

В 1658 году Степанов решил спуститься вниз по Амуру, но когда он плыл на своих дощаниках с казачьим отрядом в пятьсот человек, на него недалеко от устья Сунгари напала флотилия из сорока пяти маньчжурских лодок с пушками. Силы маньчжуров в несколько раз превосходили казачий отряд. В начале битвы часть казачьих дощаников повернула к берегу, и казаки разбежались.

Схематическая карта маршрутов путешествий Кропоткина.

Только сорок семь человек спаслись. Сам Степанов погиб в этой битве.

Кропоткин выяснил, что еще с XVII века берега Амура и его притоков, с плодородным привольем и теплым климатом, привлекали к себе забайкальских казаков и крестьян.

Однако официально обширный Амурский край до половины XIX века еще не принадлежал России. Историческая заслуга присоединения Приамурья принадлежит офицеру русского флота Г. И. Невельскому.

Еще в морском корпусе умный и любознательный юноша Невельской заинтересовался нашими далекими окраинами Восточной Сибири. Он знал, какое большое значение придавали Петр I и его сподвижники дальневосточным землям и Амуру как водному пути и выходу к Тихому океану.

Значение Амура оценила и Екатерина II. Она писала: «Если бы Амур мог нам служить как удобный путь для продовольствия Камчатки и вообще наших владений на Охотском море, так тогда обладание оным было бы для нас важным».

Сообщение с русскими владениями на Дальнем Востоке было затруднено.

Грузы туда переправлялись через Якутск на лошадях и оленях или морским, почти кругосветным путем.

Занимаясь вопросом об Амуре и Сахалине, Невельской перечитывал труды и отчеты известных мореплавателей Лаперуза, Брауртона и Крузенштерна, побывавших в этих далеких' морях.

У Крузенштерна в отчете о плавании к берегам Сахалина говорилось весьма неопределенно, что Сахалин, вероятно, был островом еще в недалекие времена. И Невельской пришел к выводу:

Крузенштерн сам не уверен в своих представлениях, и в этой ошибке его повинна карта Лаперуза, которой он пользовался.

Чтобы опровергнуть представление прежних мореплавателей, Невельскому нужны были неоспоримые доводы, а для этого необходимо было самому побывать у Сахалина и в устье Амура.

Невельской знал, что бездарное царское правительство собиралось уже отказаться от Амура и Сахалина, как «бесполезных для России»; поэтому нужно было самому предпринять, не медля, плавание к далекой восточной окраине.

Рассчитывать на экспедицию при создавшихся обстоятельствах не приходилось, и Невельской добился, чтобы его назначили капитаном небольшого грузового судна, которое предназначалось для

перевозок между портами в Охотском море.

Когда в Петербурге перед выходом в дальнее плавание Невельской поделился своим замыслом исследовать берега Сахалина и устье Амура с начальником морского штаба, тот категорически запретил ему это делать.

Но Невельской не отказался от своего намерения. В 1849 году, заручившись поддержкой Муравьева, генерал-губернатора Восточной Сибири, он обошел Сахалин на своем судне вдоль западного берега, открыл пролив, названный Татарским (в то время вся область нынешнего Приморья и Приамурья называлась Татарией), и установил, что Сахалин — остров и что устье Амура годно для морских судов.

В Петербурге открытия Невельского не только не оценили по заслугам, но, узнав о нем, требовали разжалования Невельского в матросы «за дерзкое ослушание».

С трудом удалось Невельскому избежать расправы и добиться «помилования».

В 1850 году он снова отправился на Дальний Восток, предпринял новую экспедицию в устье Амура, где зазимовал.

Не найдя удобного порта, Невельской поднялся на сто километров вверх по Амуру и заложил здесь город и порт Николаевск (ныне Николаевск-на-Амуре). Он поднял российский военный флаг и объявил местным жителям, что весь Приамурский край до корейской границы и остров Сахалин составляют российские владения.

Открытие Невельского вскоре получило известность за границей.

Правительство боялось, что добровольный уход России из Приамурья может быть расценен иностранными государствами как признак ее слабости, оно вынуждено было пересмотреть свое решение и присоединить к России весь Приамурский край.

Во Владивостоке в 1891 году был поставлен памятник Г. И. Невельскому. «Отцу дальневосточного края», гласит

надпись

на памятнике.

Но одно официальное объявление о присоединении этого

огромного, необъятного края к России еще не решало практически

вопроса о Приамурье. Задача состояла в том, чтобы освоить эти

земли, заселить их.

До приезда Кропоткина в Сибирь пост генерал-губернатора

Восточной Сибири в продолжение четырнадцати лет занимал граф

Н. Н. Муравьев. Он тоже понимал, какое огромное значение может

иметь для России этот плодородный, богатый край и выход к

Тихому океану, то-есть все левое необъятное побережье Амура и берег

Японского моря, вплоть до залива Петра Великого, что составляет

значительную часть нынешнего советского Дальнего Востока.

План Муравьева состоял в том, чтобы построить по рекам

Амуру и Уссури сеть станиц с полувоенным, полуземледельческим

казачьим .населением на протяжении трех с половиной тысяч

километров.

Когда Муравьев доложил об этом в Петербурге, близорукое

царское правительство ополчилось против этого плана: у военного

министра не было лишних воинских частей, у министра финансов

не было свободных денег...

Тогда Муравьев стал действовать на собственный страх и риск,

использовав те скудные средства, которые могла доставить слабо

населенная тогда Восточная Сибирь.

Помогло в этом деле Муравьеву давнее стремление русских

землепроходцев и забайкальского казачества овладеть

плодородными землями по Амуру. Муравьев распорядился установить также

правильное пароходное сообщение между Сибирью и берегами

Дальнего Востока.

В течение четырнадцати лет Муравьев настойчиво осуществлял

освоение края. За это он получил звание графа Муравьева-Амурского.

Для колонизации берегов Амура нужно было много людей. Сибирь не могла их дать. И тогда Муравьев по своему усмотрению освободил тысячи уголовных каторжан, которые работали на землях, составлявших личную собственность царя, восстановил их в гражданских правах и расселил по Амуру. Но людей все же нехватало. Муравьев дал приказ освободить еще около тысячи каторжан прямо из тюрем и решил их устроить в низовьях Амура как вольных переселенцев и тоже восстановил их в гражданских правах.

Освобожденных из заключения посадили на плоты, снабдили необходимыми запасами продовольствия, сельскохозяйственными орудиями, семенами и отправили вниз по рекам Шилке и Амуру осваивать для русского государства новые земли.

Многие поселенцы жили с семьями, так как обычно крестьянки добровольно следовали в Сибирь за своими ссыльными мужьями.

Но были и холостые. Для того чтобы холостые могли тоже создать себе семью, Муравьев отдал приказ освободить женщин-каторжанок и послать их тоже на новые места по Амуру.

«Я видел этих новоселов, — писал Кропоткин, — лет шесть спустя. Деревни их были бедны, поля пришлось отвоевывать у тайги, но в общем мысль Муравьева осуществилась».

У Муравьева был еще один разряд колонистов — это солдаты из штрафных батальонов. Он освободил из них две тысячи человек и распределил в качестве «приемных сыновей» в казачьих семьях.

Некоторые из них поселялись и жили своими хозяйствами в деревнях Восточной Сибири.

Но николаевская палочная дисциплина была плохой школой. «Сынки» убегали от «отцов» и предпочитали присоединяться к

бездомному, бродячему населению.

Вместе с колонизацией Амура были организованы два новых казачьих войска — Амурское и Уссурийское — в добавление к забайкальскому казачеству.

Колонистам на новых местах приходилось тяжко. Посаженные кое-как на берегах Амура поселенцы—освобожденные каторжники и «сынки» — жили впроголодь. В особенности было трудно новым переселенцам в низовьях Амура и в Уссурийском крае. Под пашню приходилось расчищать девственный лес. И климат не радовал. Летом дули восточные ветры — муссоны, шли проливные дожди, которые часто затопляли поселки и пашню. Тучи перелетных птиц выклевывали хлеба.

Многие переселенцы впадали в отчаяние, бросали хозяйство и разбредались кто куда.

Чтобы поддержать переселенцев, нужно было ежегодно отправлять в низовья Амура караваны барж с изрядным количеством продовольствия: посылали муку, соль, солонину и другие продукты.

В городе Чите, на реке Ингоде, ежегодно перед половодьем строили до полутораста барж. С наступлением весеннего паводка они загружались продовольствием, и начинался сплав. Сначала шли по Ингоде, которая, сливаясь с Ононом, образует Шилку, дальше — по Шилке и затем от ее устья вниз по Амуру.

Огромная флотилия делилась на отряды и шла под командой гражданских чиновников и казачьих офицеров.

Кропоткина назначили помощником начальника сплава.

Двадцатилетний Кропоткин, как и другие казачьи офицеры, должен был охранять караван от расхищения.

Ему было поручено возможно скорее, с первым паводком, доставить из города Сретенска, который стоит на Шилке, несколько груженных продовольствием барж в определенное место на верхнем Амуре, а затем догнать весь остальной караван.

Команду для сплава Кропоткину пришлось набирать самому.

Никого, кроме «сынков», завербовать на сплав не удалось. Ни один
из взятых в команду ничего не понимал в речном плавании.
Поначалу очень мило понимал в этом деле и сам Кропоткин.
Ранним утром в день отправки Кропоткин был вынужден
собирать нанятую им команду по кабакам. А когда следовало уже
сниматься с якоря, некоторые «сынки» были настолько пьяны, что
их пришлось выкупать предварительно в реке, чтобы хоть немного
протрезвить.
Кропоткин тут же, на ходу, стал обучать команду и сам
осваивать все приемы сплава.
При всей неопытности команды, дело днем шло неплохо.
Баржи несло быстрым течением, их нужно было только держать
посредине реки. Намного труднее подводить на ночь суда к берегу.
Для этого приходилось работать огромными веслами, нужна была
сноровка.
Но вот однажды, когда стемнело и наступила пора причалить
неуклюжим, тяжело нагруженным баржам к берегу, оказалось, что
одна баржа, уплыв далеко вперед, наткнулась на камень у
подножия высокого утеса и основательно засела. К тому же вода
быстро спадала: уровень реки, поднятый ливнями, понижался. Десять
«сынков», находившихся на барже, конечно не могли ее снять.
В первые минуты, когда молодой, неопытный Кропоткин узнал
об этом, он не мог сразу решить, что делать, но понял, что даже
объединенными усилиями всей своей команды не снять засевшую
баржу.
Тогда, не медля, он отправил гонца с письмом к своему
приятелю, казачьему офицеру, жившему в Сретенске, опытному
сплавщику, а сам в лодке поплыл за помощью в ближайшую казачью
станицу.

К утру явилось около сотни казаков и казачек. Но под утесом было так глубоко, что невозможно было наладить даже сообщение с берегом, чтобы разгрузить баржу. Когда же попытались сдвинуть ее с камня, то в днище обнаружилась пробоина, через которую сразу хлынула вода и начала размывать драгоценный груз — муку и соль. В отчаянии Кропоткин смотрел, как рыбы, попавшие через пробоину, плавали среди затопленных мешков.

Есть очень простое средство, употребляемое в таких случаях: пробоину затыкают кулем муки, которая быстро всасывается в отверстие: мокрый слой муки образует корку, и она не дает воде проникнуть через всю муку. Но ни Кропоткин, ни казаки и никто из «сынков» этого не знали.

Кропоткин поднялся из трюма на палубу, все еще не зная, что можно предпринять.

Легкий голубой туман висел в этот ранний час над красавицей' Шилкой. И тут вдруг Кропоткин увидел: по реке сверху плывет к ним баржа. Она показалась ему сказочным видением.

Обрадованный, он не верил своим глазам. Действительно, помощь пришла!

Оказалось, что приятель Кропоткина, поняв из его записки, что баржа погибла, приплыл на пустой барже, чтобы спасти хотя бы уцелевший груз.

Пробоину скоро заткнули, воду вычерпали, груз перенесли на новое судно — и на следующее утро продолжали плавание.

Дальше караван двигался к назначенному месту уже без приключений.

Каждый день по вечерам Кропоткин разыскивал сравнительно невысокий берег для причала, куда без риска подводились баржи.

На ночь разбивали бивуак. На берегу быстрой, прозрачной реки пылали костры. Горные лесистые берега окружали эту

мирную
картину.
Для страстного любителя природы, каким был Кропоткин,
нельзя было подыскать лучших условий путешествия, и оно доставляло
ему много радости. Не было ни дыма, ни грохота, ни шума,
обычного на пароходах. Баржи двигались в полной тишине. Вся забота
сводилась к тому, чтобы держать баржу на стрежени, то-есть на
самом быстром течении. Для этого изредка приходилось только
поворачивать громадное кормовое весло.
Сначала плыли по Шилке, которая в нижнем течении широка и
прозрачна. Она течет здесь в гористых берегах, поросших лесом.
К прозрачной полноводной реке спускаются горы с живописными,
лесистыми склонами.
А в нижнем течении Шилки, на протяжении примерно двухсот
километров, отвесные скалы встают прямо над водой, не оставляя
даже узкой прибрежной полосы. Сообщение по берегу тут крайне
затруднено, и ездить можно только верхом по горной тропе.
На каждой стоянке Кропоткин не просто любовался природой, а,
оставив «сынков» заниматься хозяйством, неутомимо лазил по
скалам и отбивал геологическим молотком куски горных пород,
чтобы потом определить их состав и сделать подробное описание
пути.
Молодой исследователь бродил по лесу и собирал растения
для гербария, измерял скорость течения, делал промеры глубины
фарватера, вычерчивал карту маршрута, записывал характер
берегов.
Когда приходилось останавливаться в селениях, живой и
общительный Кропоткин отправлялся знакомиться с переселенцами и

казаками. Все наблюдения он систематически записывал.

На барже, у себя в каюте, Кропоткин не терял ни минуты даром: писал этикетки, наклеивал их на образцы горных пород, определял растения, вел дневник.

* * *

В условном месте Петр Алексеевич Кропоткин благополучно сдал свои баржи. Дальше, вниз по Амуру, он поплыл в почтовой лодке. Ему предстояло нагнать остальной караван.

Почтовая лодка — как кибитка. Ее середина закрыта навесом. На носу большой ящик с землей, где разводится огонь. На лодке у него было трое гребцов. Чтобы догнать караван, нужно было плыть днем и ночью.

Днем все гребли поочередно, и Кропоткин брался грести наряду со всеми, а ночью он отправлял всех спать, садился сам на корму и старался держать лодку посредине реки, чтобы не сесть на мель или не сбиться с пути, не угодить в боковую протоку. Своей вахты он не оставлял до рассвета.

Эти ночные дежурства были для него полны невыразимой прелести и красоты. На небе сияла луна, черные горы и леса отражались в заснувшей прозрачной воде.

Когда Кропоткин отправлялся в путешествие, все советовали ему взять с собой хотя бы револьвер и казака-ординарца для охраны, но он категорически отказался от этого. На почтовой лодке с командой из трех «сынков» он плыл без оружия, совершенно не опасаясь, что его могут ограбить.

Всегдашняя доброжелательность к людям и забота о «сынках сразу же создали самые хорошие отношения между Кропоткиным и подчиненными.

«Гребцы мои были из «сынков», — писал Кропоткин брату, — прогнанных когда-то сквозь строй, а теперь бродяживших из города в город и не всегда признававших права собственности. А между тем я имел на себе тяжелую сумку с порядочным количеством

серебра, бумажек и меди. В Западной Европе такое путешествие
по пустынной реке считалось бы опасным, но не в Восточной
Сибири. Я сделал его преблагополучно, не имея при себе даже
старого пистолета».

В Благовещенске Кропоткин нагнал начальника всего сплава —
своего приятеля офицера Малиновского. Дальше они шли
вместе в большой лодке, оснащенной парусами. Мощный Амур
восхищал Кропоткина.

«После впадения Сунгари, — вспоминал позднее Кропоткин, —
Амур по величине можно сравнить только с реками Миссисипи в
Америке и Янцзыцзян в Китае.

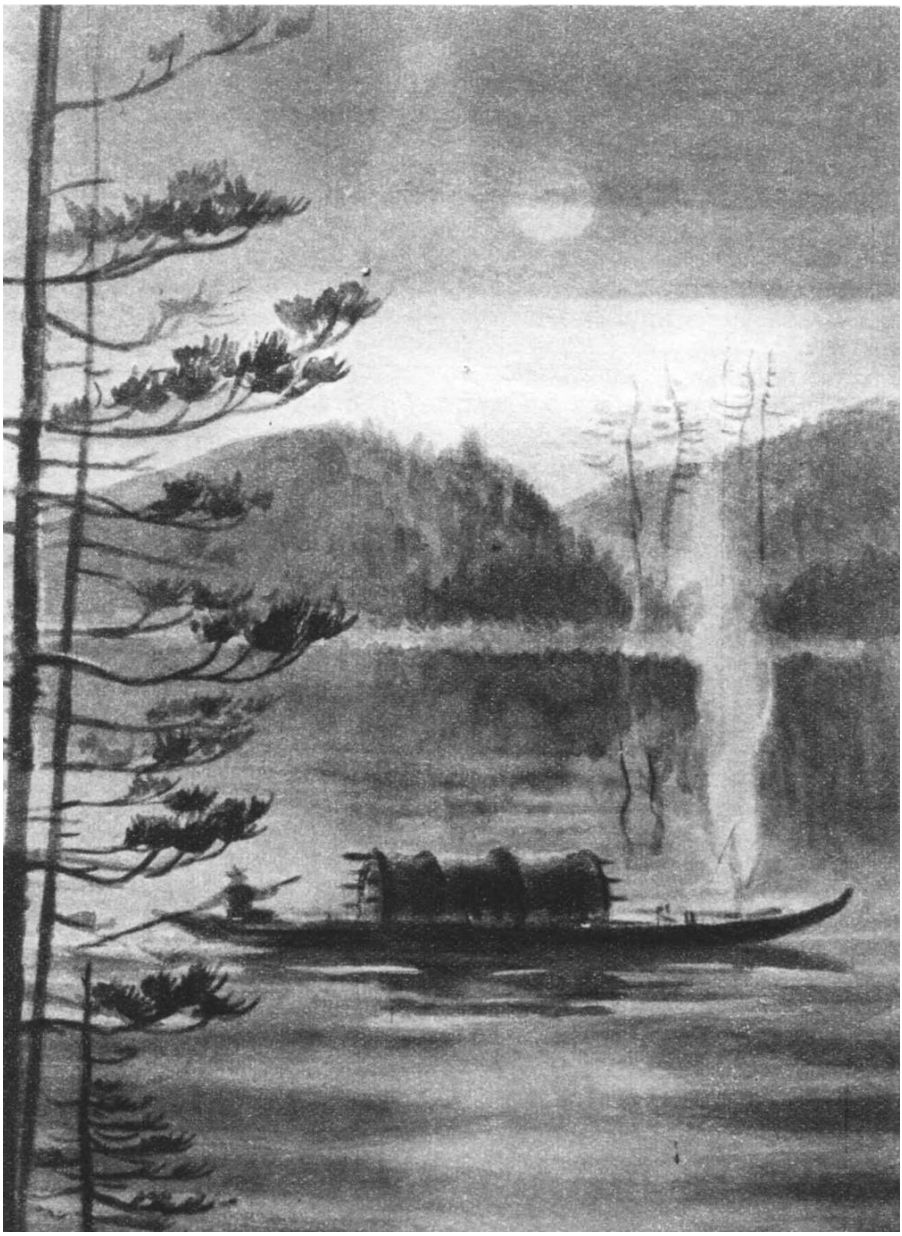
В непогоду по реке ходили громадные волны, и плавание
становилось опасным. Начались обычные здесь летом муссоны —
непрерывные ветры с Тихого океана — и шли проливные дожди. Вода
в Амуре сильно поднялась. Река была изменчива. Она заливала
острова, поросшие тальником, многие островки совсем смывала и
образовывала новые на другом месте. Ширина Амура в низовьях
достигает трех километров, а местами водная ширь разливается
километров до семи. По берегам реки тянутся цепью озера, иные
из них летом сливаются с Амуром».

* * *

Однажды, когда Кропоткин с начальником сплава
Малиновским спокойно плыли в своей большой крытой лодке (это было
километрах в четырехстах ниже Хабаровска), внезапно начался
шторм, заревела буря. К счастью, лодку успели отвести в протоку,
и они укрылись от бури под высоким берегом.

Неугомонный исследователь, несмотря на сильный ветер,
отважился вылезти из лодки и выйти в тайгу, чтобы собрать

растения
для гербария и образцы для своей геологической коллекции. Но
стоило ему отойти от берега всего на несколько сот шагов, как он
понял безрассудность своей затеи. Ярость бури была так велика,
что валились огромные деревья, вывороченные с корнями.
Кропоткин с величайшим трудом, пригибаясь к земле, а где и ползком,
смог вернуться обратно.
Двое суток бушевала буря, и двое суток нельзя было и думать
двигаться дальше, пока хоть немного не утихнет ветер. И
Малиновский и Кропоткин очень беспокоились за судьбу порученного



им каравана. Ясно было, если шторм захватил баржи в плавании,

а не у берега на якоре, не на причале, им не сдоброрвать: ударов о

крутой каменный берег баржи не могли бы выдержать.

Но делать было нечего, приходилось отсиживаться в укрытии и ждать, когда утихнет буря.

Наконец, на третий день, буря несколько ослабела, и они

тотчас
же тронулись. При боковом ветре лодка под парусами шла быстро,
и, по расчетам Малиновского, они должны были уже нагнать два
отряда барж, если баржи уцелели. Кропоткин с Малиновским
двигались вниз по течению день, второй, а каравана все не было
видно. У одного из крутых берегов они увидели плывущие бревна, но
ни людей, ни других следов крушения не обнаружили. Малиновский
был в отчаянии.
— Все пропало, все пропало! — шептал он, сидя неподвижно
на палубе с утра до вечера.
Кропоткин мучился не меньше Малиновского. Друзья
потеряли сон и аппетит и выглядели так, словно перенесли тяжелую
болезнь.
Стоя часами на палубе, Кропоткин всматривался в берега.
Поселения здесь были редки, людей почти не встречалось, и никаких
вестей о караване не было. К довершению беды, неожиданно
началась новая буря.
Наконец они с трудом добрались до какой-то деревушки и тут
узнали, что ни одна баржа мимо не проходила, но после бури по
реке плыло много обломков.
Известие было страшное: несомненно караван погиб.
Пропало не меньше сорока барж с грузом в сто тысяч пудов.
Последствия этого события могли быть гибельными. Это означало
неизбежный голод в низовьях Амура в следующую весну.
Близилась уже осень; навигация вскоре должна была
прекратиться; телеграфа вдоль Амура тогда не существовало, и не было
возможности сообщить о катастрофе.
Кропоткин готов был сделать все, что только было в его силах,
для предотвращения бедствия, для спасения низовых станиц от
грозившего им голода.
Надо было прикимать срочно какое-то решение. Кропоткин

договорился с Малиновским, что сам он отправится назад, вверх
по реке, определит потери и после этого вернется любым путем в
Читу — в лодке, по берегу верхом или на попутном пароходе.
Словом, он должен был торопиться всеми способами — ехать днем и
ночью, лишь бы только поскорее предупредить власти в Чите о
необходимости выслать вниз новый караван с провиантом.
сМожет быть, еще удастся осенью сплавить запасы из Читы на
верховья Амура, а оттуда ранней весной отправить их в низовья по
первой воде» — эта мысль не давала покоя Кропоткину. С голодом
можно будет справиться, если хлеб прибудет на несколько недель
раньше.
Малиновский взял на себя другую задачу. Он отправился вниз,
к устью Амура, в город Николаевск, чтобы закупить хлеб в Японии
и доставить его в низовые станицы на Амуре.
До Читы расстояние было больше трех тысяч километров. На
пароход с низовья вряд ли можно было рассчитывать. Выяснилось,
что он мог притти не раньше чем через две недели. А время
нельзя было терять. За этот срок Кропоткин должен был побывать
еще на месте крушения каравана. Необходимо было определить
размер аварии, выяснить, спасена ли хоть какая-нибудь часть
груза. Только после этого он мог в Хабаровске сесть на пароход.
И вот Кропоткин, не теряя ни одного дня, поплыл на лодке в
обратный путь, несмотря на то что опять началась буря. Однако
на этот раз ветер был низовой, попутный и даже помог плыть
вверх по Амуру. Кропоткин плыл без остановок днем и ночью,
меняя гребцов в каждой деревне. Лодки были жалкие, маленькие,
часто ветхие. Двое гребцов сидели на веслах, и один работал
кормовым веслом. Сам Кропоткин тоже греб в очередь с остальными

гребцами. Для безопасности приходилось держаться у самого берега.

Передвигались, конечно, медленно, но все-таки работали безустали круглые сутки. Первые дни шли благополучно. На пути пришлось пересекать несколько довольно широких протоков Амура. Плавание в таких местах было очень рискованным: маленькую лодку могли затопить волны. Однажды, когда переправлялись мимо устья протоки почти в километр шириной, лодка едва не погибла.

Бурная погода не прекращалась, волны вставали огромными буграми. Лодка проваливалась между ними словно в водяную пропасть. Двое сидевших на веслах крестьян, бледные как полотно, с посиневшими губами, в ужасе шептали молитвы. Они собирались вот-вот бросить весла, лодку и пуститься, до берега вплавь. Но Кропоткин ни на минуту не терял самообладания. Он подбадривал гребцов, а сам не переставая вычерпывал ковшом воду. Его поддерживал смелый подросток лет пятнадцати, который сидел за кормовым веслом. Паренек ловко скользил между волнами, когда они опускались, а когда огромная волна поднималась перед носом лодки и грозила ее затопить, он резким движением весла направлял лодку на гребень.

Самая тяжелая работа лежала на Кропоткине. Волны все врег\
мя перехлестывали через борт, а он с отчаянной быстротой вычерпывал воду. Однако, к своему ужасу, он видел, что вода набиралась быстрее, чем он успевал вычерпывать ее. И вот в лодку хлестнули подряд два больших вала, все залило, и лодка вот-вот должна была погрузиться.

Один из гребцов сделал Кропоткину знак, чтобы он отстегнул тяжелую сумку с деньгами, которая висела у него через плечо (всем казалось, что неминуемо придется бросаться вплавь), но Кропоткин только отмахнулся и продолжал вычерпывать

воду.

Желанный берег был уже близок, и по днищу лодки заскребла речная

галька. У всех вырвался вздох облегчения, и гребцы дружно

причалили к берегу.

Долго отдыхать не пришлось. Гребцы знали, почему торопился

Кропоткин, и сами согласились, подкрепив силы и обсохнув у

костра, продолжать путь, несмотря на опасность.

«Двум смертям не бывать, а одной не миновать», говорили они,

налегая на весла.

Так плыли они днем и ночью, еле успевая передохнуть, и

наконец, через несколько дней, добрались до места крушения барж.

Картина была тяжелая: буря разбила сорок четыре баржи. Спасти

удалось очень небольшую часть каравана. В водах Амура погибло

около ста тысяч пудов муки.

Нужно было предотвратить голод во что бы то ни стало. С этой

мыслью Кропоткин немедленно отправился в дальнейший путь.

Опять без отдыха плыл он вверх по Амуру, меняя гребцов.

Парохода решил не ждать, тем более что точных известий, когда он

придет, не было. Призрак голода в низовых станицах на Амуре стоял

в воображении Кропоткина, и он плыл и плыл... И вот, наконец,

ему посчастливилось: на водной шири Амура вдали показался

пароход. Он медленно двигался, словно полз вверх по течению,

но все-таки шел несравненно скорее весельной лодки и вскоре

нагнал ее.

Не обошлось и тут без новой беды. Когда Кропоткин причалил

к пароходу и влез на борт, то узнал, что капитан парохода

«допился до чортиков» и прыгнул через борт. Машину остановили,

спустили лодку и капитана спасли. Однако, несмотря на

«купанье»,

он не вытрезвился и лежал у себя в каюте в белой горячке.

И команда и пассажиры были в растерянности и просили

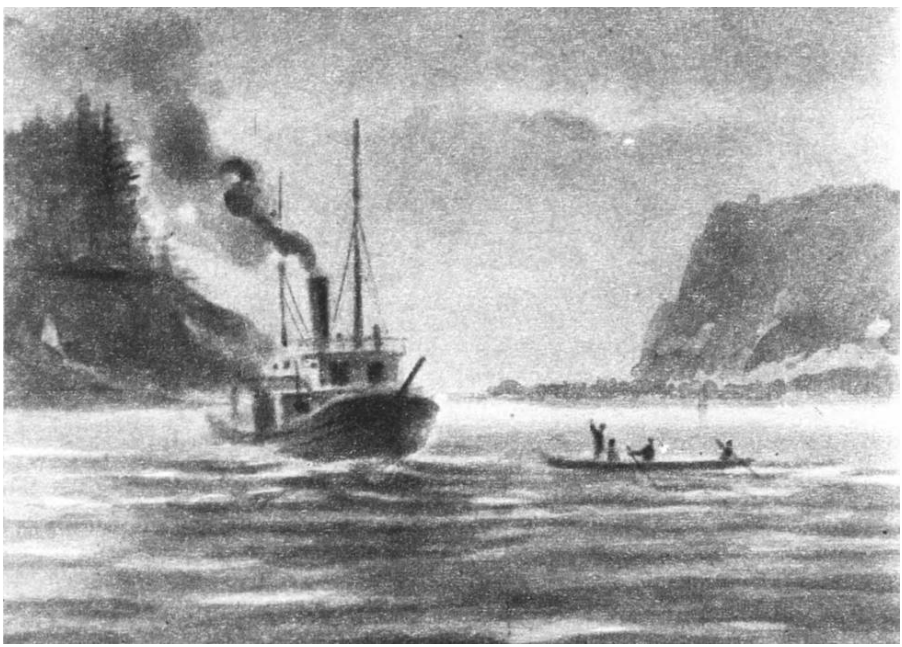
Кропоткина принять на себя роль капитана. Другого выхода не было,

и он согласился.

К счастью, на пароходе был опытный лоцман, хорошо

разбиравший карту фарватера. Он отлично справлялся со своим делом.

А на капитанском мостике с раннего утра до поздней ночи проха-



живался Кропоткин и командовал в рупор. Когда надо было

приставать к берегу за дровами, неопытному капитану приходилось

решать новые задачи, но природная сметливость выручала

Кропоткина.

В то время пароходы на ночь надолго становились на якорь.

И тут Кропоткин проявил себя как хороший организатор. Он собрал

команду и объяснил ей, почему он так торопится. Кочегары

согласились трогаться в путь с первыми проблесками рассвета, как

только прояснятся очертания берегов.

Кропоткин благополучно довел пароход до Хабаровска и сдал

его Амурской компании.

От Хабаровска шел другой, более скорый пароход. Кропоткин
мог бы плыть на нем и несколько отдохнуть от усталости. Но уже
через день-два спокойного плавания мысль о голоде в низовьях
Амура начала терзать Кропоткина. Ему казалось, что и
быстроходный пароход шел вверх очень тихо, а Кропоткину надо было с
Амура добраться еще до Читы. Конечная цель его путешествия
была далеко.

И Кропоткин не выдержал: у устья реки Аргуни он сошел с
парохода и поехал верхом по горной тропе в сопровождении казака.

Ему предстояло пересечь одно из самых диких мест Восточной
Сибири. Надо было сделать триста километров по Газимурскому
хребту. Опять он ехал днем и ночью, иногда подремывая в своем
седле, и только около полуночи останавливался где придется в
лесу, чтобы развести костер, немного согреться и просушить иной
раз намокшую одежду. Он подкреплялся одним чаем с сахаром и
сухарями, запас которых всегда был в его переметной сумке за
седлом.

Едва начинался рассвет, Кропоткин и его казак-ординарец были
снова в седле.

До конца навигации оставались считанные дни, по реке уже
двигалась шуга (мелкие льдины). Важно было выиграть хоть день,
хоть два, хоть несколько часов.

Никакие разумно направленные усилия в жизни не пропадают
даром, и случилось так, что, еще не добравшись до Читы,
Кропоткин встретил на Каре забайкальского губернатора. Его
сопровождал приятель Кропоткина полковник Педашенко — умный,
энергичный человек. Он распорядился немедленно отправить в низовья

Амура новый транспорт с продовольствием. Таким образом, низовые станицы на Амуре были обеспечены продовольствием.

Но и на Каре Кропоткин не отдыхал. Надо было торопиться с докладом в Иркутск.

Скорость, с которой Кропоткин сделал длинный и трудный путь до Иркутска в три тысячи километров, всех поразила. Оказалось, что он первый привез весть о катастрофе.

Приехав в Иркутск, он отсыпался почти целую неделю, так что по молодости лет ему даже стыдно было в этом признаться.

Кропоткину хотелось приняться снова за прерванные научные работы и готовиться к новой экспедиции. Но дело со сплавом оказалось незаконченным.

КУРЬЕРОМ В ПЕТЕРБУРГ

Когда через неделю Кропоткин явился к генерал-губернатору, Корсаков спросил его:

— Вы хорошо отдохнули? Можете ли вы выехать завтра курьером в Петербург, чтобы лично доложить о гибели барж с провиантом?

В наше время трудно себе представить, что тогда значило «скакать» курьером в Петербург. В осеннее бездорожье нужно было сделать дней за двадцать около четырех тысяч восьмисот километров на лошадях до Нижнего Новгорода (ныне Горького), а уж оттуда ехать до Петербурга по железной дороге.

Надо было мчаться день и ночь на перекладных в кибитке или в коробке по мерзлым выбоинам.

Кропоткин в следующую же ночь тронулся в путь, не совсем понимая, зачем его так спешно послали.

В Барабинской степи и на Урале путешествие превратилось в настоящую пытку. Бывали дни, когда колеса кибитки ломались на каждом перегоне между станциями. Реки только что начали замерзать. Переправа через Обь и Иртыш была небезопасна: густо шел лед. Казалось, что вот-вот он затрет лодку, в которой переправлялся Кропоткин.

Но вот он добрался до реки Томи, которая только накануне стала. Ямщики отказались наотрез переправить Кропоткина

на

западный берег, и ему пришлось настойчиво убеждать их в

необходимости немедленно двинуться. После долгих переговоров ямщики

стали требовать от Кропоткина расписку.

— Какую вам расписку? — удивился Кропоткин.

— А вот напишите нам бумагу: «Я, мол, нижеподписавшийся,

сам свидетельствую, что утонул по воле божьей, а не по вине

крестьянства».

Кропоткин поговорил с ямщиками и обещал такую расписку

вручить им на другом берегу. Ямщики рассмеялись, повеселели и

согласились его переправить. Дело было очень опасное. Шли по льду

гуськом: впереди — молодой парень, пробуя пешней прочность

льда; его держал на длинных вожжах в некотором отдалении

Кропоткин с сумкой и бумагами через плечо; а его, в свою очередь,

тоже на длинных вожжах и тоже в отдалении, держали ямщики.

Кропоткин применил тут прием альпинистов при переправе через

ледники с трещинами, которые часто бывают засыпаны снегом и

не видны.

Путешествие «курьером» продолжалось двадцать четыре дня.

Почти все это время Кропоткин провел в повозке, не выходя из

нее и ночью. Рано утром он прибыл в Петербург и в тот же день

выполнил поручение и сдал бумаги.

Только в Петербурге он понял, почему именно его послали

курьером с докладом о крушении барж. Зная сибирские нравы,

высшие сановники, ведавшие в столице сибирскими делами, могли

не поверить в гибель барж, решили бы, что провиант распродан и

похищен, и завели бы долгое и тяжелое по своим последствиям

дело. Необходимо было, чтобы сам Кропоткин, как очевидец,

свидетельствовал об этом печальном событии.

По приезде в Петербург, сдав дела, Кропоткин отправился в

тот
же день на бал к родственникам, где танцевал до самого утра.
Путешествия по Сибири закалили и изменили Кропоткина. Он
уже не был тем полуизнеженным аристократом, камер-пажом
российского самодержца, каким был совсем недавно. В Сибири
жизненный опыт Кропоткина неизмеримо обогатился. Ему пришлось
столкнуться и познакомиться с самыми различными людьми: с
генералами, сановниками, офицерами, казаками, переселенцами,
бродягами, бывшими преступниками. Он видел поселенцев в их
повседневной борьбе за существование среди девственной природы на
Амуре.
Тысячи километров пути, которые он проделал на перекладных,
на пароходах, в лодках и верхом, были суровой школой и хорошей
тренировкой. Он приобрел выносливость, которой все изумлялись.
Путешествия показали ему, как мало нужно человеку, когда он
выходит из условного круга привычек.
Петербург в этот приезд совсем не понравился Кропоткину.
Несмотря на все развлечения, он даже не допускал мысли о том,
чтобы остаться в столице.
Свидания со старыми товарищами и друзьями были приятны,
но интересы, которыми они жили, показались ему совсем пустыми.
Его манили назад в Сибирь всё те же юношеские мечты о
путешествии в неведомые страны. Он успел уже много пережить,
повидать и обдумать. Кропоткина манили к себе неисследованные
обширные края, где он будет вести научные наблюдения. У него
скопился ценный материал для опубликования в печати. И он уже
не сомневался, что ему удастся обогатить науку.

Вернувшись в Иркутск, Кропоткин собирался составить карту Амура по всему пройденному пути, дать новое географическое описание этой великой азиатской реки. Его рассказы в Петербурге друзьям и знакомым об Амуре и Восточной Сибири производили большое впечатление и передавались из уст в уста.

СНОВА В СИБИРИ

Недолго пробыв в Петербурге, Кропоткин вернулся в Иркутск.

Опять ему пришлось от Нижнего Новгорода ехать на лошадях.

Это зимнее путешествие протяжением около пяти тысяч километров показалось ему совсем легким и приятным по сравнению с предыдущим, осенним.

Мороз стоял не особенно сильный, дорога была отличная.

Кошевка легко неслась по накатанной дороге. Пассажир лежал в

кошевке, закутанный в двойную меховую полость, и на плечи ещё

накидывали доху. От холода не приходилось страдать даже при

сорока или пятидесяти градусах мороза. На всех станциях

перепрягали лошадей. Кропоткин как курьер путешествовал без задержек,

с остановками только на час для обеда. И через девятнадцать дней после выезда из Петербурга он был уже в Иркутске. За сутки он проезжал в среднем километров триста.

Тройка небольших сибирских лошадей быстро мчала легкую кошевку. Дорога шла или по замерзшим рекам, или по широким просекам среди заснеженной тайги, сверкавшей на солнце серебряным убором. Огромные старые пихты и ели протягивали к дороге спои вечнозеленые ветви, отягченные снежными шапками. Стояла спокойная, безветренная тишина яркого сибирского зимнего дня или светлой, лунной ночи. Во время пути Кропоткину несколько раз удалось наблюдать удивительные картины изменчивой игры северного сияния — «сполохов», как его называют северяне. Это было в безлунные ночи. Ниже Полярной звезды начинали вдруг струиться бисерные нити зелено-голубых лучей. Они двигались, как колеблющийся прозрачный лучистый занавес.

Нельзя было оторвать глаз от сияния, которое охватывало чуть не половину неба. Оно расширялось, играло перламутровыми тонаг ми. Картина менялась с каждым мгновением. Вдруг появлялись розовые лучи. Потом так же постепенно сияние переходило в светлые, едва заметные зелено-голубые бисерные нити и так же незаметно угасало, как начиналось.

В Иркутске он с удовольствием вспоминал эту девятнадцатидневную дорогу без остановок на ночлег. За один год он сделал два конца — от берегов Тихого океана до Финского залива и обратно - - на баржах, лодках, верхом, в повозках и на санях и лишь небольшую часть пути на пароходе и по железной дороге.

Так начал Кропоткин свои путешествия.

При встрече с русскими людьми, осевшими на берегах Амура, он узнал, как велика их тяга к этим краям и землям. Но то, чем

был увлечен и что хорошо понимал двадцатилетний юноша
Кропоткин, было совсем чуждо в то время петербургским сановникам
и высшим государственным деятелям. Кропоткину стало ясно, что
интересы и мечты забайкальских казаков после присоединения
Амура к России сосредоточились вокруг нового, невиданного ими
края. От первых семей, поселившихся в верховьях Амура,
родственники получали известия, что они там хорошо устроились. Как
всегда бывает, доходили и иные слухи: сообщали о больших
трудностях, переживаемых на Амуре первыми поселенцами. Но жители
сурового Забайкалья знали, что по берегам Амура земли
плодородные и страна на Амуре благодатная. Только путь туда далек
и очень труден. Шли по горным, почти неизведанным тропам,
доступным только в летнюю пору года. После дождей, в непогоду,
они становились опасны и почти непроходимы.
Всем было ясно, что разыскать прямой, короткий путь к
Амуру — задача нужная и неотложная.
Должность чиновника особых поручений по казачьим делам
при штабе генерал-губернатора не удовлетворяла и тяготила
Кропоткина. Молодого исследователя увлекала мечта о новом
путешествии, и, вернувшись из Петербурга, он начал готовиться к
географическим исследованиям Маньчжурии.
Ему казалось недопустимым, что у порога Амура лежит
громадный край, «так же мало известный, как какая-нибудь африканская
пустыня».
* * *
Готовясь к далекому путешествию, Кропоткин не отказывался
и от служебных поездок по Сибири. Как-то ему пришлось
остановиться в одном из станков' на гористом берегу Иртыша, в пади,
то-есть в узком, расширяющемся к берегу ущелье. Поселок состоял
всего из пяти дворов. Они жались тесно друг к другу, одной
семьей, как все сибирские деревни. Кропоткина поразили там

высоченные старые сибирские кедры. Их было всего пять, по числу
дворов. Когда-то в этой пади был, очевидно, первобытный
кедровник. Пять сохранившихся великанов были живыми свидетелями
былого. Величественно стояли кедры, как мощные колонны в четыре
обхвата. Они тянулись к небу без ветвей до высоты примерно трех-
четырехэтажного дома. А вверху стройная крона поднималась к
небу, точно зеленая папаха. Высота этих кедров превышала раза в
три самые высокие деревья, которые когда-либо видел Кропоткин
в дворцовых парках окрестностей Петербурга или в помещичьих
имениях, где были столетние липы и трехсотлетние дубы. Поражали
грандиозность, стройность и мощь этих удивительных красавцев.

Все пять были похожи один на другого, как родные братья. Крона
каждого из них покрывала целиком весь двор. Двухэтажные избы
выглядели под ними, как избушки на курьих ножках.

Был жаркий июльский день, жгло солнце, а под кедрами
было прохладно, уютно. Хозяйка накрыла под кедром стол и
принесла самовар. Угощая Кропоткина, она с соболезнованием
спросила:

— Куда же это тебя несет, сердешный?

Слуга Кропоткина, простоватый парень, успел похвастать перед
хозяйкой княжеским званием своего барина и рассказать про его
«глупость», как он оценивал отъезд из Петербурга Петра
Алексеевича, оставившего придворную карьеру.

Кропоткин улыбнулся, поднял глаза к вершинам кедра и
сказал:

— А вот приехал к вам посмотреть этих удивительных
красавцев. Таких нигде не видел, а может быть, и не доведется никогда
увидеть.

— А мы их и не замечаем, — простодушно ответила хозяйка. —

Разве вот осенью, когда приходит время сбивать шишки с орехами,

тогда много хлопот принимаем из-за них. Вот погляди, сколько

шишек, — закинув голову, показала она на крону. — Поди-ка, достань их!

Петр Алексеевич заинтересовался: в самом деле, как достать

орехи, висевшие на тонких разветвлениях огромных ветвей? Снизу

достать нельзя, по ветке к ним не долезешь — не выдержит, сломается...

Хозяйка вынесла моток бечевки с подвязанной к концу гирькой

и объяснила, как сбивают кедровые орехи. Оказалось, надо

забросить маленькую гирьку, подвязанную на тонкой веревке, через ка

кую-нибудь из нижних ветвей толщиной в обхват, а то и больше.

Гирька повиснет, спустится, и за нее на веревке подтянут толстый

канат с петлей. По канату поднимаются на кедр, а там, ползая по

горизонтальным толстым ветвям, сбивают орехи длинным шестом

или чурками вроде тех, какими играют в городки. Только успевай

собирать шишки.

— Хлопотная это штука, — говорила хозяйка. — Наши парни

умаются больше, чем на полевой работе. А ведь надо сбить орехов

пудов десять, а то и все двадцать.

— Что же вы с ними делаете, зачем вам так много нужно? — спросил Кропоткин.

— Как «что»? Грызем, на муку мелем, масло бьем.

— Двадцать пудов одной семьей не сгрызешь.

Хозяйка засмеялась наивности своего гостя:

— Как не сгрызть! Зима долгая, вечера длинные. Вот мы,

бабы, по вечерам из всех пяти дворов соберемся, зажжем лампу,

поставим блюдо с орехами, сколько можно насыпать в него, и играем

на деньги. Ставим по двугривенному, а когда разохотимся, то

и

больше. Сидим кругом и грызем. Ядрышки жуем, а скорлупу

каждая на свою тарелку складывает. И так, пока все блюдо не съедим.

Тогда берем весы и взвешиваем скорлупу. У кого скорлупы

больше, тот выигрывает и забирает всю ставку. Иной раз часа два

грызем — кто скорей. А то, в праздник, глядишь — сядем и за второе

блюдо. И тут бывает, что поставим уже на кон по рублю. Это у нас

«сибирский разговор» называется. Уж никто не скажет ни одного

слова, чтоб не отстать. Орешки в рот так и летят, и скорлупу выбрасываем, как белки.

— И подолгу так «разговариваете»? — спросил Петр Алексеевич.

— Как случится. Пока мужики не разгонят или пока самим не надоест.

О «сибирском разговоре» без единого слова Петр Алексеевич рассказал в письме к брату. Потом ему не раз приходилось этот

«разговор» наблюдать даже среди городских сибирских дам —

в Чите и в Иркутске.

Пять этих кедров-красавцев на пустынных берегах Иртыша Кропоткин зарисовал к.себе в альбом.

Тогда же ему страстно захотелось посмотреть на нетронутый кедровник.

Он стал расспрашивать, как туда можно пробраться.

— Ну что же, если охота, сворачивай с пути, — посоветовала хозяйка, — бросай лошадей, садись в каюк и плыви вниз по Иртышу. Тут уж не так далеко, всего верст пятьсот до кедровника

будет. Если не спешишь, оставь тут у нас вещи, повозку, а сам плыви.

Кропоткин так и сделал.

За селом Самаровским, при слиянии Иртыша с Обью, начинался

первобытный кедровник.

Больше чем на сотню квадратных километров простирался этот

замечательный кедровый лес. Стволы во много обхватов, как колонны дворца, шли вглубь, в необозримое пространство.

Под ними

даже в полдень, при солнце, стоял легкий, прозрачный сумрак.

Тишину нарушали только белки, щелкавшие кедровые орехи.

Певчих птиц в кедровнике совсем не было, его населяли тетерева и

глухари.

Под ногами неперегнившим слоем лежала сухая, опавшая хвоя,

как толстый мягкий ковер, в который нога уходила по щиколотку.

В таком кедровнике вас охватывало ощущение всемогущей силы природы.

Казалось, вечно стояли здесь кедры и будут так и стоять.

Ничто не сможет нарушить их могущества и величия. Даже самые

сильные бури не проникали в чащу этого старого кедрового леса,

и только по самым верхушкам гигантских деревьев мог играть

ветер.

Спокойствие кедровника нарушали только грозы с ливнями Гроза проносилась, и в зеленом сумраке кедровника вновь наступала торжественная тишина.

Все могущество, незабываемую красоту и очарование лесов Сибири Петр Алексеевич Кропоткин впервые ощутил в этом первобытном кедровнике.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАНЬЧЖУРИИ

Говорят, на ловца и зверь бежит. Для того, кто упорно ищет случая, он почти всегда оказывается налицо. И Кропоткину такой случай представился.

Забайкальские казаки из станицы Цурухайтуй, которая находится в юго-восточной части Забайкалья, не раз обращались к генерал-губернатору с просьбой установить прямое сообщение с Благовещенском и со всей средней частью Амура через Маньчжурию.

Генерал Корсаков, как администратор края, и сам понимал, какое большое хозяйственное значение могло иметь не только для них, но и для всего населения на Амуре установление здесь быстрого и удобного сообщения.

Казаки были особенно заинтересованы в этом, потому что в Благовещенске, они знали, был спрос на скот, а у них имелись большие стада рогатого скота и косяки лошадей.

Монгольские купцы обычно покупали у станичников в Цурухайтуе скот за бесценок и перегоняли его на средний Амур через горный хребет Большой Хинган. Торговля была широкой и прибыльной для монголов. От купцов казаки знали, что, двигаясь прямо на восток от Цурухайтуя, можно было вскоре выйти на

старую
китайскую дорогу, которая пересекает Большой Хинган. Эта дорога
приведет в город Мэргень в Маньчжурии, который стоит на реке
Нонни, притоке реки Сунгари. А уж от Мэргеня до Амура шел
хороший, удобный колесный тракт.
Зимой казаки-забайкальцы снова возобновили свои ходатайства
перед генерал-губернатором, но Корсаков колебался принять
решение. Предприятие было опасное: незадолго перед этим русский
топограф Ваганов, направленный в эти места топографическим
отделом штаба Корсакова, был убит. Но Кропоткина неудачи
предшественников не испугали.
Собираясь в это путешествие, он знал, что будет пионером
великого дела, понимал его громадное политическое и экономическое
значение для русского народа. Он чувствовал, что идет
прокладывать трассу для будущей великой магистрали между
Атлантическим и Тихим океанами, хотя тогда, восемьдесят лет назад, о
железной дороге в этих местах еще никто не думал.
Помимо всех трудностей путешествия по неизвестным местам,
экспедиция была рискованная и по политическим причинам.
В Айгуньском договоре 1858 года России с китайскими
богдыханами значилось, что русские могут торговать с Китайской
империей и с Монголией, а Маньчжурия в этом договоре совсем не была
упомянута.
Как это случилось, было неизвестно. На этом основании
китайские власти утверждали, что у русских нет права торговли в
Маньчжурии.
Забайкальских купцов китайские власти пропускали за взятки,
но для официальных лиц, для русских чиновников, въезд в
Маньчжурию был закрыт. Тем рискованнее было проникнуть туда
офицеру казачьих войск, да еще из штаба генерал-губернатора.

И все же, несмотря на сильные колебания Корсакова,

Кропоткин вызвался совершить экспедицию из Цурухайтуя прямым

направлением на Благовещенск, с тем чтобы освоить путь и

исследовать на этом пути Маньчжурию.

Ни один европеец еще не посещал этих мест. Лишь два иезуита

при императоре Кан-Си в конце XVIII века проникли сюда с юга

и прошли до Мэргеня. Они определили тогда его положение. Весь

же громадный край к северу, шириной в семьсот пятьдесят и

длиной в девятьсот километров, был совершенно неизвестен.

Кропоткин предложил Корсакову простой, хотя и очень риско-

ванный план: он проберется в Маньчжурию вместе с

забайкальскими казаками-торговцами под видом иркутского купца.

Кропоткин был человеком самых разносторонних талантов.

Были у него и большие артистические способности. Еще в раннем

детстве, побывав однажды в балете, он вместе с братом

Александром с увлечением исполнял роль в фантастическом представлении

на домашнем детском празднике. Любовь к театру не оставляла его

и позже. В первую же зиму в Чите и в Иркутске он организовал

любительские драматические кружки и выступал на сцене. Ставил

пьесы Островского, и в них он с большим успехом играл роли

купцов-самодуров. Он так удачно перевоплощался в своих героев, что

одно время собирался даже целиком отдаться театральному

искусству.

И вот судьба предоставила ему случай сыграть роль не на

сцене, а в жизни, роль купца из забайкальских казаков —- торговца

скотом и всякой галантереей. Играть ее надо было не в течение

одного вечера, а целый месяц, в условиях не только трудных, но и

опасных. Но чем труднее было дело, тем оно казалось заманчивее

молодому Кропоткину.

Начал он с того, что приобрел костюм забайкальского купца и

стал носить его. Он выработал соответствующие манеры,

прислушивался к купеческому говору и перенял его. Надо было, чтобы не

только китайские власти, но и забайкальские казаки —

торговцы-гуртовщики, с которыми он должен был ехать — не могли

заподозрить его в переодевании. Дело было серьезное: раскрытие

офицерского звания на маньчжурской территории грозило

смертью.

Войдя в свою роль, Кропоткин накупил в Иркутске и взял на

комиссию различные товары. Затем он получил паспорт, в котором

значилось: «Иркутскому 2-й гильдии купцу Петру Алексееву с

товарищами».

Этот паспорт Петру Алексеевичу Кропоткину вручил сам

генерал-губернатор. При этом он сказал:

— Ни в коем случае не выдавайте меня и не называйте себя,

что бы с вами ни случилось, даже если китайские власти арестуют

вас и повезут в Пекин, а оттуда через Гоби до русской границы в

клетке на спине верблюда! (Так китайские власти обычно возили

арестованных через Монголию и Маньчжурию.)

Кропоткин, не задумываясь, принял эти условия.

Обширный неведомый край привлекал любознательного путеше-

ственника. Он считал эту экспедицию стоящей риска, на который

шел. Кропоткин был уверен в себе и знал, что выполнит поручение.

К путешествию по Маньчжурии Кропоткин готовился с большим

душевным подъемом. Получив официальное поручение, он в

библиотеке Географического общества и во всех местных архивах с

удвоенной энергией разыскивал сведения о крае, куда

направлялся, но найти ничего не мог» Даже у китайских геОграфов не было

никаких сведений о нем. Кропоткин отыскал только

китайские
карты очень древнего происхождения, запутанные, с неясными
обозначениями, на которых не были показаны даже водоразделы
между речными системами. Было неизвестно, какие реки куда
текут, куда впадают.
В письме к брату Кропоткин так рассказывал о приготовлениях
к отъезду: «Снарядим караван из 3—4 казаков, лошадей 12, заку-
пим товаров и поедем торговать. Я поеду тоже торговцем, и
сохрани бог подать вид, кто я, — могут не пустить, — знаешь, как
китайцы подозрительны, особенно если узнают, что я военный.
Потихоньку надо будет снять дорогу; для этого, может быть, дадут в
помощь топографа. Командировка, как видишь, в высшей степени
интересна, тем больше, что всякие сведения драгоценны, но нельзя
будет выдать себя, а потому надо быть очень осторожным, а
потому запасусь коробкой товаров, бусоль за пазуху, барометр в
карман— и марш. Одежда простого казака, буду приторговывать...
Вчера меня избрали в члены Сибирского отдела
Географического общества — избрали и ждут великих милостей. Рылся я
сегодня в библиотеке Главного штаба и ничего не нашел об этой
стране».
Кропоткин понимал, что его уже успели оценить как
исследователя, а «великими милостями» называл географические
открытия, которые он мог сделать в Маньчжурии.
«...Но, Саша, гут и поражает меня мое незнание мучительно.
Важно определить строение гор. А как я определю? Я шифера не
отличу от гранита или почти так. Растительность, как я ее опишу?
Срисую? Как?

Да, жалко, а можно бы было многое описать. Вести же коллекцию невозможно — поймут, что я не казак; тогда и казенной цели не достигнем. Спасибо, хоть съемку могу сделать, и то с трудом...

Нужен навык. Но это еще самое легкое, а строение гор и растительность— вот беда...

Вчера помешали кончить. Сегодня я получил «Азию» Риттера и пять карт этого края, то-есть ни одного лешего туда не носило,

' Бусоль — измерительный прибор с компасом.

ходили с Цурухайтуя на Пекин, но прямо на Айгунь никто не ходил, и для исследований никто не забрел в этот угол. На картах китайских все нанесено чрезвычайно нелепо и разнообразно, так что я не могу составить себе даже приблизительного понятия о том, как пойду, по каким рекам. Из Цурухайтуя мы выйдем в первых числах мая; для этого мне придется перебраться в Забайкалье по последнему льду на Байкале, то-есть в половине апреля, а потому скоро — прощай Иркутск.

Теперь же придется заниматься преимущественно этим делом.

Надо читать, что есть по крайней мере, о соседних странах».

Почти детский стиль письма и крайнее возбуждение говорят о душевном настроении молодого географа, о его увлечении.

Новый член Сибирского отдела Географического общества, двадцатидвухлетний юноша собирался в путешествие с великими надеждами не только увидеть новый край, но и дать описание неизвестной страны.

Вскоре он снова пишет брату: «Подготовка к будущей поездке составляет теперь главное мое занятие. Целые дни, кроме времени от двух до семи часов, я просиживаю над «Азией» Риттера и картой. Сведения об этой стране сообщаются только косвенные, дающие возможность судить о ней по аналогии, и то в таких крупных чертах, что можно с трудом их предугадать».

Из этого письма виден и самый метод научной работы Кропоткина. Он находчив и изобретателен. Ему ясно, что, не имея прямых сведений о северной Маньчжурии, он кое-что может узнать о ней, познакомившись с соседними странами.

«Я теперь читаю разные разности о Китае, Маньчжурии и Монголии, — пишет он. — Жизнь идет очень однообразно: утро за книгами о Монголии, Маньчжурии и т. п. вещах».

«А завтра, тоже с утра, черчение карт по спутанным маршрутам Ляне и т. п. дрянь», уже с раздражением и досадой добавлял Кропоткин.

Несмотря на огромное напряжение и усердие, с которыми готовился молодой географ к своей ответственной экспедиции, часто труд на поиски затрачивался даром, так как материалов почти не было. Даже при огромном терпении бесплодность труда утомляла, настроение снижалось, и он торопился как можно скорее выехать из Иркутска.

В эти же дни не успел он еще выехать в Маньчжурию, как получил второе предложение от Корсакова — совершить другую экспедицию по Маньчжурии, перерезать ее с севера на юг по реке Сунгари.

Это подняло упавшее было настроение географа, и в апреле он пишет брату: «Скоро я еду, дней через пять, шесть. Вообрази, какая здесь недостача в грамотных. Говорили, не поспею ли я раньше выйти, чтобы взять на себя историческую часть экспедиции, которая, кажется, пойдет на Сунгари (правый приток Амура)».

Энергия молодого Кропоткина неистощима. Еще не выехав в одну экспедицию, при этом очень рискованную, он соглашается отправиться в другую — по реке Сунгари. В ней он будет участвовать как историограф — так была определена в приказе его должность.

Чтоб выполнить эту задачу, ему тоже надо рыться в архивах, изучать новые материалы, но о Сунгари их оказалось много в архивах, и это радует Кропоткина.

К тому же он намеревается еще проплыть по Амуру до его устьев, до города Николаевска, поскольку ему не удалось в предыдущем году попасть в низовье реки.

* * *

Полтора месяца Кропоткин провел в суете сборов, в волнении и напряженной работе по подготовке к экспедиции. Наконец сборы закончились, и 9 апреля 1864 года он выехал из Иркутска в Читу.

Кропоткин ехал в Читу не спеша, чтобы за три дня переезда хоть немного отдохнуть. В Чите он рассчитывал пробыть не больше двух дней, чтобы ехать в станицу Чинданскую, на границе с Маньчжурией. Но оказалось, что реки еще не прошли, а лед на них был так слаб, что нельзя было и думать переправляться. Кропоткину пришлось задержаться в Чите на две недели, но и здесь он не терял даром времени.

Нужно было подобрать людей для экспедиции из казаков — торговцев-гуртовщиков. В Чите Кропоткин разузнал и проверил все, что его интересовало. Оказалось, что лучше всего начинать путешествие именно от станицы Цурухайтуй, как он и наметил это заранее, еще в Иркутске.

В начале 60-х годов русским правительством была объявлена свободная — без пошлин и налогов — торговля с Монголией и Китаем. За кобылу монголы давали десять кирпичей чая, который стоил тогда по рублю серебром, и рублей на десять китайки и других бумажных и шелковых материй. А сами они перепродавали этот скот в несколько раз дороже Из расспросов Кропоткин выяснил, что русские ходили только из Цурухайтуя до Хайлара и из Айгуня на Мэргень и Циника})

Кропоткин решил итти из Цурухайтуя через Айгунь к Благовещенску.

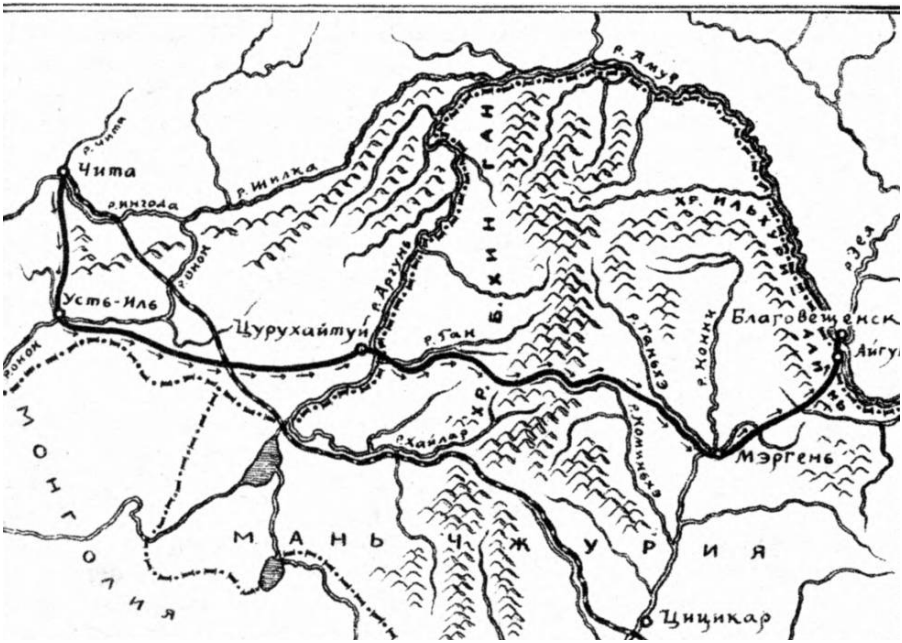


Схема маршрута путешествия Кропоткина по Маньчжурии.

По слухам, в этом направлении была дорога. Утверждали также, что в этих местах есть население, живут какие-то кочевые племена.

Прямым заданием экспедиции было установить, действительно ли здесь есть дорога и можно ли прогонять по ней скот (об этом настойчиво хлопотали казаки).

Себе же Кропоткин ставил задачу более широкую — получить всесторонние сведения об этой стране.

Трудно представить, как этот аристократ по происхождению, человек, выросший в княжеской роскоши, бывший камер-паж всероссийского самодержца, мог оказаться талантливым исследователем с такой всесторонней широкой подготовкой и бесстрашным п утешественн иком.

Но на самом деле было именно так. Еще мальчиком Кропоткин

глубоко полюбил природу. А в пажеском корпусе он начал мечтать
о путешествиях и серьезно готовиться к ним.
В его бумагах сохранилось письмо к брату Александру. Оно на-
писано на двух листах почтовой бумаги мелким, бисерным
почерком, который можно прочесть только в лупу. Он долго писал и
переписывал его, чтобы можно было послать письмо с одной
почтовой маркой в десять копеек.
С одной маркой можно было отправить, по тогдашним
правилам, только два почтовых листа, на вторую марку денег у него
не было. И вот Петр Кропоткин часами сидел и переписывал
письмо к брату — кадету Московского корпуса, — чтобы излить в нем
свои отроческие мечты и надежды.
Как уже упоминалось, и в пажеском корпусе и позже
Кропоткин был очень стеснен в деньгах и ограничивал себя только самым
необходимым, потому что принципиально отказался пользоваться
средствами богатого отца-крепостника. А занимать у товарищей,
хотя бы десять копеек на вторую марку, он не хотел.
Он оставил замечательный документ о своей настойчивости и
усердии и о юношеском страстном увлечении наукой.
В этом письме, под заголовком «Что нужно знать для того,
чтобы стать естествоиспытателем», содержалась программа
примерно двух факультетов — биологического и географического. И он
не только составил ее, но уже в средних классах корпуса Петр
Кропоткин начал систематически выполнять ее, занимаясь всеми
естественными науками.
Этот талантливый, волевой подросток уже понимал, какое
нужно иметь большое, всестороннее образование, чтобы стать
географом, путешественником, исследователем неизвестных стран.
В предпоследнем классе пажеского корпуса он пишет брату,
что надо непременно выучиться думать самому, а не просто учить
напамять и что в этом отношении его необычайно увлекает
физика.

Кадет Кропоткин читает учебник физики Ленца, который был тогда принят в корпусе, и ему кажется, что он уже устарел, так как в то время наука быстро двигалась вперед. Он советуется со своим талантливым преподавателем Чарушиным и под его влиянием начинает сам создавать краткий конспект лекций, стараясь найти в публичной библиотеке Петербурга все новое, что появлялось в специальных журналах.

Составление конспекта лекций с новыми дополнениями и открытиями, которых не было в учебнике, увлекало его.

«Как хороший педагог, — вспоминает Кропоткин, — Чарушин предоставил мне это всецело и сам читал лишь корректуры».

Таким образом, подросток Кропоткин уже написал новый учебник физики. Да еще какой учебник!

«Отдел о теплотехнике, электричестве и магнетизме, — вспоминает он, — пришлось писать заново, вводя новейшие теории, и, таким образом, я составил почти полный учебник физики, который отлитографировал для употребления в корпусе.

Нетрудно представить себе, как много усердия, страсти к делу должна была поглощать такая работа. Но в то же время она была творческая и создавала навыки оригинальной научной мысли, воспитывала характер.

Эти факты из его биографии очень показательны. Из них видно, какая огромная воля и какая действенная любовь к науке развились в этом подростке и юноше еще в средней школе.

Увлечение физикой было не случайно. Так же глубоко интересовался Кропоткин и другими естественными науками.

В предпоследнем классе корпуса он стал самостоятельно изучать химию и знакомился с ее основами с таким же интересом, как и с законами физики.

«Годы 1859—1861, — пишет Кропоткин, — были временем расцвета точных наук... То было время всеобщего научного возрождения. Непреодолимый поток мчал всех к естественным наукам, и в

России вышло тогда много очень хороших естественно-научных
книг в русских переводах. Я скоро понял, что основательное
знакомство с естественными науками и их методами необходимо для
всякого, для какой бы деятельности он ни предназначал себя. Нас
соединилось пять или шесть человек, и мы завели род химической
лаборатории... Руководствуясь учебником, мы проделали все
указанные там опыты».

Это происходило в доме старого отставного адмирала Замыц-
кого, в комнате его сыновей — товарищей Кропоткина по
пажескому корпусу.

«Должен прибавить, — писал Кропоткин, — что мы чуть не
подожгли дом и не раз отравляли воздух во всех комнатах хлором и
тому подобными зловонными веществами. Но старый адмирал
относился к этому очень добродушно».

Кроме физики и химии — этих основ естествознания, —
Кропоткина увлекала еще и математика.

«Высшая математика заняла тоже немалую часть моего
времени, — признается он. — Мы намеревались поступить в
Артиллерийскую академию или Инженерную. Для этого мы должны были
изучить аналитическую геометрию, диференциальное и начала
интегрального исчисления и брали частные уроки».

Сверх всего этого, в последний год пребывания в корпусе
Кропоткин очень увлекся астрономией.

«Никогда не прекращающаяся жизнь вселенной, — писал он, —
которую я понимал как жизнь и развитие, стала для меня неисчис-

лимым источником поэтических наслаждений, и мало-помалу
философией моей жизни стало сознание единства человека с природой —
как одушевленной, так и неодушевленной».

Из этих признаний очевидно, что уже к окончанию корпуса
Кропоткин стал убежденным материалистом и приобрел серьезные по
знания в области естественных наук. У него создалась привычка
следить с увлечением за развитием науки. Все новое в понимании
вселенной поражало его, как свидетельство всемогущества
человеческой мысли.

Работы великих ученых в те годы впервые открыли, что теплота
и электричество суть лишь различные формы движения. В своих
исследованиях они, так сказать, прикоснулись к самым атомам и

молекулам. Менделеев открыл периодическую систему химических
элементов. Дарвин своим «Происхождением видов» совершил
полный переворот в биологических науках.
Любознательности Кропоткина не было предела
«Я работал в это время в Публичной библиотеке, — вспоминает
он, — ходил в Эрмитаж, изучал там картины, одну школу за
другой, или же посещал казенные ткацкие фабрики, литейные,
хрустальные и гранильные заводы, куда доступ всегда открыт был для
всех. Иногда мы отправлялись компанией кататься на лодках по
Неве и проводили белые ночи, когда вечерняя заря встречается с
утренней и когда в полночь можно без свечи читать книгу, — на
реке или у рыбаков на взморье».
Еще одно замечательное признание относится к последним
годам пребывания в корпусе:
«При посещении фабрик я вынес тогда же любовь к могучим и
точным машинам. Я понял поэзию машин, когда видел, как
гигантская паровая лапа, выступавшая из лесопильного завода,
вылавливает бревно из Невы и плавно подкидывает его под машину,
которая распиливает ствол на доски; или же смотрел, как
раскаленная докрасна железная полоса, пройдя между двумя цилиндрами,
превращается в рельс. В современных фабриках машина убивает
личность работника. Он превращается в пожизненного раба данной
машины и никогда уже не бывает ничем иным. Но это лишь
результат неразумной организации, виновна в этом случае не
машина. Чрезмерная работа и бесконечная ее монотонность одинаково
вредны с ручным орудием, как и с машиной. Если же уничтожить
переутомление, ю вполне понятно удовольствие, которое может
доставить человеку сознание мощности его машины,

целесообразный характер ее работы, изящность и точность каждого ее
движения».
Можно удивляться тому, как Кропоткин организовывал свое
время. Ведь к его увлечению наукой и искусством нужно еще
добавить все обязательные занятия в корпусе, где он неизменно был
первым учеником, и поэтому был назначен камер-пажем
Александра II и нес обязательные дежурства в Зимнем дворце.
Занимался он и всеми видами физических упражнений: и
гимнастикой, и плаванием, и греблей — всем тем, что теперь
называется физкультурой. Он закалял свое здоровье и приучал себя к
исключительной выносливости.
«Музыка тоже играла важную роль в моем развитии, —
вспоминает Кропоткин. — Она являлась для меня еще большим
источником наслаждений и энтузиазма, чем поэзия... В то время опера
каким-то странным образом была связана с радикальным движением.
Революционные речитативы в «Вильгельме Телле» и «Пуританах»
всегда вызывали шумные овации, немало смущавшие
Александра II. В шестом ярусе, в курительной и на подъезде собиралась
лучшая часть петербургской молодежи, объединенная общим
благоговением к благородному искусству. Все это может показаться
теперь ребячеством, но тогда немало возвышенных идей и чистых
стремлений было заронено в нас поклонением перед любимыми
артистами».
Но Кропоткин не только посещал оперу. Вместе с его
товарищами, братьями Замыцкими, их матерью и сестрой он разучил
оперу «Руслан и Людмила» и многие вечера отдавался занятиям
музыкой, участвуя в дуэтах, трио и хорах. Петр Алексеевич очень
неплохо играл на рояле. Кроме того, на балах в Зимнем дворце он не

раз в качестве камер-пажа дирижировал танцами, которые тоже
любил.

К двадцати годам, когда Кропоткин окончил пажеский корпус,
он был уже разносторонне образованным человеком. В нем уже
была развита наблюдательность, и он собственными силами создал
для себя широкие возможности самообразования и развил свои
способности.

В своих путешествиях и научных занятиях он был всегда
энтузиастом. Он знал с ранних лет ту истину, что для успеха в
большом деле постоянно приходится выполнять «невозможное» с
общепринятой точки зрения.

* * *

Накануне отъезда из Читы молодому исследователю захотелось
побывать на берегу Ингоды, в том месте, откуда в
предшествовавшем году он отправлялся со сплавом.

Пошел он утром. День выдался солнечный, теплый. Был конец
апреля. На берегу шла погрузка барж; стоял обычный при этом
гул, движение и суета. Но вместо прогулки и отдыха Кропоткин
весь день истратил на то, чтобы определить скорость течения реки.

Об этом его просили сплавщики, с которыми он тут же
познакомился.

На другой день Петр Алексеевич выехал из Читы верхом; его
сопровождал один казак. Впервые он оделся так, как одеваются
все торговцы-гуртовщики, с которыми китайцы привыкли иметь
торговые дела: на нем был синий бумажный халат и высокая
монгольская шапка.

Реки уже очистились от льда; на полях и на берегу показалась
молодая трава. Кропоткин видел, как отчаливали баржи с
провиантом для низовых станиц на Амуре от острова при влиянии Ингоды

с Читой.

От лесистых берегов Ингоды путешественники повернули прямо на юг и пошли по горной лесной тропе. Чем дальше они продвигались, тем богаче становилась растительность, гуще была трава под ногами. Сосновый лес сменился березняком. Сказывалось продвижение на юг: горы стали ниже, их форма мягче. Лес постепенно исчез, и у деревни Усть-Иль перед ними уже расстилалась степь.

Отсюда к югу потянулась она на бесконечное пространство — здесь начинались грандиозные степи-пустыни Гоби.

Было приятно вырваться из гущи тайги на широкий простор.

Кропоткин проходил в направлении нашей границы с Маньчжурией, в нескольких километрах от нее. Вдоль самой границы в то время вместо пограничных столбов были сложены каменные маяки.

Их соединяли дорожки, протоптанные пограничными объездчиками.

По дороге попадались большие стада рогатого скота и большие табуны лошадей. Косяки кобылиц паслись жеребцом-«вожаком».

Конские табуны и косяки содержались здесь круглый год: летом на подножном корму, а зимой питались «ветошью» — прошлогодней травой. Заготовки сена здесь не производились из-за недостатка рабочих рук.

Хороший жеребец «грудит», то-есть собирает свой косяк и ведет его к пастбищу. На ночь укрывается с ним в какой-нибудь пади от ветра, а утром снова разыскивает для него пастбище.

В 60-х годах, когда путешествовал Кропоткин, земледелие у забайкальских казаков только начиналось. Он записал в дневнике:

«Близ караулов представлялось явление, давно здесь не виданное: приходилось иногда ехать между двумя рядами пашен...

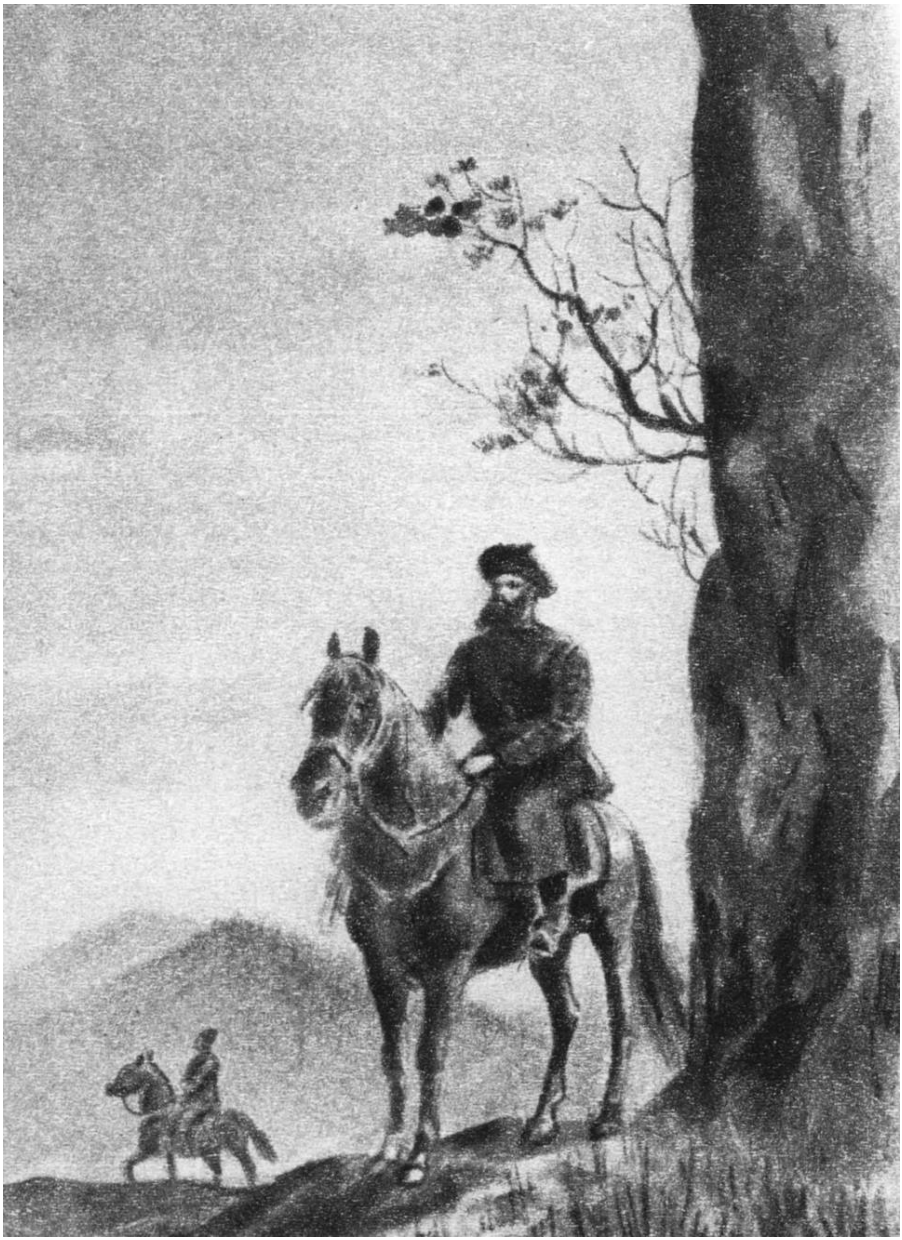
Действительно, здешние степи удобны для скотоводства и не

менее того

удобны для хлебопашества».

На этом пути Кропоткин ехал спокойно, не торопясь,

присматриваясь ко всему и изучая все, что он видел. Когда читаешь его



дневник, то поражаешься пытливости молодого путешественника.

Но он не разбрасывается, наблюдения свои приводит в

строгую
систему. Он их заносит в записную книжку по разделам: 1) к ледниковой теории, 2) отметки высоты, 3) определение астрономических пунктов, 4) строение поверхности — рельеф, 5) климат, 6) растительный мир — гербарий, 7) животный мир, 8) люди и быт, 9) образцы пород.

У него необыкновенно острый интерес ко всему: и к людям, и к природе, и к науке. Его интересует земля, и в то же время он следит и за звездами: по ним определяет астрономические пункты.

Он ведет съемку пути бусолью, беседует со встречными, обо всем их расспрашивает.

Красота природы тоже не проходит мимо его глаз. При этом любопытство у Кропоткина особого рода — это напряженное исследование. Он внимательно подмечает явления и оценивает их, сравнивает и делает ценные научные выводы.

Он все хочет видеть собственными глазами, проверяет все, что узнает от местных жителей, ничего не принимает на веру.

Все более или менее длительные вынужденные остановки Кропоткин посвящает изучению быта населения. Внимание его к человеку и к человеческому труду было исключительно, несмотря на то что он вырос среди людей, которые презирали труд.

Посевы, покосы, почва, все приемы скотоводства, все виды земледельческого хозяйства, все промыслы, торговля, жилище, домашний быт — все находит свое отражение в дневнике этого добросовестного молодого исследователя.

* * *

Добравшись до станицы Чинданской, Кропоткин остановился на несколько дней у бригадного казачьего командира.

Надо было освоиться в среде забайкальских казаков, прежде чем в Цурухайтуе собирать караван. Необходимо было окончательно войти в роль купца второй гильдии Петра Алексеева, как

значилось в его паспорте: изучить повадки, говор, проникнуться
местными интересами.
Он готовился к этому еще зимой в Иркутске, но здесь, в
станице Чинданской, было много нового, нисколько не
похожего на жизнь, которую он прежде видел. И быт иной, и народ
другой.
V бригадного командира и среди казаков все разговоры
сосредоточивались на Монголии, Китае и Маньчжурии. Говорили о
караванах, которые в том году должны были тронуться внутрь
Китая. Но вообще-то народ здесь был малоподвижный и не
особенно разговорчивый. Кропоткин даже жаловался на чинданцев:
«Нужен гидравлический пресс, чтобы выжать от них хоть
словечко».
Кропоткин, хорошо изучивший все ухватки местных торговцев,
репетировал со своим хозяином роль купца.
— Присаживайтесь, Петр Алексеевич, — говорил ему капитан,
когда на стол ставился пыхтящий самовар.
— Покорно благодарим-с! И здесь посидим, — отвечал
Кропоткин, садясь вдали на кончик стула, и принимался пить чай
«по-купечески»: дул на блюдечко, грыз кусочек сахара, с которым
выпивал три-четыре стакана.
Казаки, охранявшие границу, были своего рода казачьей
аристократией. Жили они в хороших домах, сытно, лениво. В своем
быту и хозяйстве они кое-что переняли от соседей — монголов.
Обилием блюд и приправ еда была похожа на китайскую. В каждом
казачьем доме были большие зеркала, в которые, может, никто и
не смотрелся, и висячие лампы, которые редко зажигались.
Казачки одевались хорошо; были среди них и франтихи, носившие даже
модные тогда кринолины. Среди загорелых казаков часто
попадался слегка монгольский тип лица, и любой казак хоть

немного говорил
по-монгольски.
В Цурухайтуе Кропоткин никак не мог примириться с бытом
своего хозяина, целые дни проводившего дома, не ударяя палец
о палец.
Как и монголы, казаки разводили громадные стада скота,
которые.пасли у них буряты, эвенки и казаки победнее. Лучших
пастухов, чем буряты и эвенки, трудно найти. Уменье
обращаться с лошадьми и вообще со скотом у них доведено до
совершенства.
Всем казакам была свойственна удаль в обращении с
лошадьми.
Как хорошего наездника и любителя коней, Кропоткина
привлекали огромные казачьи табуны, и в дневнике он подробно
описал укрюченье и клейменье лошадей перед отправлением их в
косяки.
«Выбрав свою жертву, — пишет Кропоткин, — укрючник во весь
мах несется за ней, врезываясь в середину табуна; табунный конь,
завидев укрюк (длинный шест с арканом на конце), несется что
есть мочи, но седок не отстает, следит за малейшим движением
коня, ловко маневрирует своим укрюком, наконец улучит минуту
и накидывает его. Конь не сдается, мечется во все стороны, но
укрючник крепко сидит в седле, иногда даже, для большей крепо-
сти, садится за седло и так носится за конем, пока не обгонит его
и не станет лицом к лицу, затягивая аркан. Тогда подскакивают
пешие, хватают коня за гриву, за хвост, удерживают его, пока
снимается аркан и пока, схвативши за хвост, ловким движением сразу
же не повалят коня. Тогда стоящие поблизости пастухи-буряты
наваливаются на свою жертву и накладывают клеймо или же

надевают узду, оседлывают, и когда седок забрался в седло, тогда конь
может уже сбивать сколько хочет, — седок засел крепко;
учащенными ударами нагайки он укрощает коня и ездит до тех пор,
пока не доведет его до совершенного изнеможения. Тогда конь,
после целого дня такой езды, поступает уже в число выездных лошадей».

Укрюченье лошадей было настоящим праздником в станице. На
таком празднике показывали свою ловкость и смелость лихие наездники.

Участвовали даже женщины. Между ними было немало таких
наездниц, которые не хуже любого мужчины на скаку поднимали с
земли какую-нибудь вещицу. И ездили они на обыкновенном мужском бурятском седле.

Так жили богатые казаки-собственники, державшие
пограничные караулы. В стороне от дороги, вдоль границы, во все стороны
виднелись юрты бурят и эвенков.

Пограничные казаки обратились в кулаков, эксплоатировавших
казаков победнее — и в особенности бурят и эвенков.

Казаки всячески теснили бедняков — ив отводе сенокосов и в
отбывании повинностей, — взваливали на них всякую работу, а
сами только поглядывали да распоряжались.

«Так живя,- пишет Кропоткин, — с тоски умрешь: необходимы
развлечения. Первое развлечение составляет осенью травля лисиц
и вообще всякая охота, весной — бега.

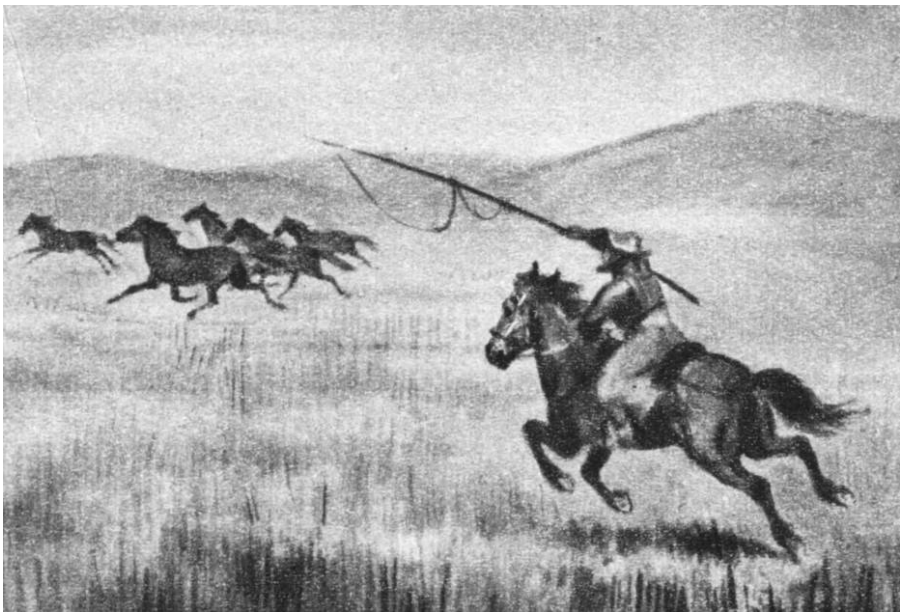
На бега является много охотников, и, кроме самих бегающих,
живое участие в беге принимают и зрители, которые ставят на
пари по нескольку голов скота из табуна, и иногда таким образом
проигрывается очень много.

Третьим развлечением были всякие «вечорки» и «попойки».

* * *

По пути от Чинданской до Цурухайтуя тянулись необозримые
степи. Сперва они имели совершенно ровную поверхность, потом

пошли более холмистые, но попрежнему безлесные степи. На высоких местах они покрыты маломощной почвой, а во впадинах превосходнейшим черноземом.



В падях по многим речкам Кропоткин встречал приисковые партии золотоискателей-старателей. Они появились в Забайкалье всего за год до экспедиции Кропоткина.

И он отмечает в дневнике по этому поводу: «Если разовьются золотые промыслы, то, конечно, хлеб, овес и т. п. станут здесь еще нужнее».

Пще восемьдесят лет назад у Кропоткина появилась мысль о необходимости широкого развития здесь фабрик и заводов.

«При этом не могу не высказать следующее, — писал он: — Забайкалье до такой степени богато сырыми продуктами и так бедно всякими мануфактурными изделиями, что, по моему мнению, фабричная деятельность с помощью машин (рабочие руки здесь дороги по редкости населения) должна со временем получить здесь большое развитие.

Фабрики суконные, стеклянные, кожевенные, канатные, винокуренные и др. найдут здесь превосходные и недорогие

сырые
материалы и хороший сбыт — как на месте, где мануфактурные
изделия страшно дороги, так и на Амуре».
Кропоткин приехал в Цурухайтуй, выдавая себя за купца
второй гильдии Петра Алексеева. Здесь он не думал задерживагься,
ему надо было только набрать себе спутников из казаков, с
которыми он пойдет через Айгунь на Благовещенск.
Но прежде чем он добрался до Цурухайтуя, туда проник слух,
что едет какой-то князь. Расчет остаться неизвестным как будто
провалился.
«Проклятая кличка (князя) везде пакостит, — пишет он
брату, — и я уверен, что отчасти поэтому казаки стали отказываться
итти на Айгунь... Думают — еще чорт знает, что за зверь, да пойдет
с причудами, с барством, пожалуй еще с треножкой , которой так
боятся китайцы, а у меня только бусоль не больше табакерки,
которой я буду делать съемку, не слезая с лошади... Уж делал опыт
здесь, — скверно, но ничего, можно».
Счастье, что, по настоянию Кропоткина, Корсаков разрешил не
брать топографа. «Казакам бы все дело испортили, а с китайцами
моглю бы выйти неприятности», писал Кропоткин.
От первоначального своего плана итти втроем-вчетвером, как
думал Кропоткин, отправляясь из Иркутска, он отказался. К
небольшой группе китайские чиновники могли бы отнестись более
внимательно, легко могли бы изучить каждого; труднее было бы их
обмануть.
В Цурухайтуе, на русской территории и среди русских,
Кропоткину было особенно трудно скрыть свое лицо. «Казаки по части
проницательности, пытливости, — рассказывал он, — заткнут за
пояс монголов».
Неожиданный слух о том, что едет какой-то князь Ропотский,
видимо все время волновал казаков, и они очень

настороженно и
недоверчиво относились к каждому проезжавшему.
Хозяева изб, ямщики встречали его, как купца с товаром, с
полным радушием, но на каждом станке его подвергали настоящему
допросу. Вопросы ставились так, что Кропоткину становилось
ясно — положение чем дальше, тем все более становится трудным.
В одной из станиц старуха-хозяйка окликнула Кропоткина:
— За тобой едет кто-нибудь еще?
— Не слыхал, бабушка.
— Как же, сказывали — какой-то князь Ропотский, что ли,
должен проехать. Будет он, нет ли?
Вопрос был хитро поставлен, но Кропоткин нашелся.
— Да, точно, бабушка, — отвечал он, — их сиятельство
действительно хотели приехать из Иркутска, ну да где же им в такую
погоду! Так они и остались в городе.
— Что и говорить, где уж ему ехать, — согласилась старуха.
Находчивость Кропоткина отвела подозрение. Но эти разговоры
убедили его, что о командировке военного чиновника в
Маньчжурию казакам уже откуда-то известно.
Все дело едва не затормозилось. Вначале желающих итти с его
караваном было много. Но казаки-гуртовщики, которые с ним
сговаривались и соглашались ехать, через день отказывались. Спасли
находчивость Кропоткина и неудержимое, страстное стремление
казаков поскорее увидеть степи, которые, по рассказам стариков,
тянутся на сотни километров по берегам Амура, могут дать много
хлеба, прокормить миллионы людей. Помогла неудержимая тяга
русских людей — крестьян — к земле-матушке. Всем хотелось
видеть сказочную реку Амур.
ПЕРЕХОД ГРАНИЦЫ
Утром 15 мая из пограничной казачьей станицы Цурухайтуй
вышел караван. Всадники были одеты все одинаково: в синих
бумажных халатах и высоких монгольских шапках. Так всегда
одевались казаки, с которыми китайцы и монголы привыкли иметь

торговые дела.

Караван растянулся по всей улице станицы. Казаки гнали с собой на продажу большой косяк лошадей.

Несмотря на ранний час, провожать казаков высыпала толпа местных жителей. В караване Кропоткина, кроме него, было одиннадцать местных казаков и один охотник-эвенк.

Все забайкальские казаки говорили на монгольском языке, а ˆвенк понимал и по-маньчжурски.

Кропоткин ехал в одной из четырех одноколок каравана. Как полагается заправскому купцу, он вез сукно, позументы и всякую галантерейную мелочь.

Сборы каравана, несмотря на всю энергию и старания Кропоткина, отняли немало времени, и он еле дождался, наконец, дня выезда. Он даже колебался — не отказаться ли совсем от путешествия, ибо понимал, что долго затягивать, как он называл, «комедию» было опасно. Слух среди казаков о том, что князь Ропотский предпринял экспедицию в Маньчжурию, мог дойти до китайских властей, и тогда на границе их могли легко задержать.

Трудно было полагаться на казаков: ведь вполне возможно, что кто-нибудь уже догадывается о его переодевании.

«В Маньчжурии дело другое, — думал Кропоткин, — там казаки сами будут заинтересованы хранить тайну и соблюдать полную осторожность».

И в самом деле, после перехода границы один из казаков признался Кропоткину, что видел его в Иркутске, в штабе генерал-губернатора, и только дипломатично не признал его. Потом оказалось, что не только этот казак, а и все спутники Кропоткина, кроме эвенка, знают, кто он, но не выдают его: все одинаково понимали необходимость молчания.

Старшиной каравана был выбран один из забайкальских казаков — урядник Сафронов. Он бывал не раз в Маньчжурии и довольно хорошо говорил по-монгольски. Как начальник, он должен

был вести все переговоры с пограничными и местными китайскими
властями.

* * *

Как только караван перешел границу, казаков окружили
китайские солдаты и монголы, среди которых у казаков нашлись даже
знакомые. Встретили гуртовщиков приветливо, и началось
угощение водкой, которое продолжалось чуть ли не весь день.
Выяснилось, что какими-то путями и монголы уже знали, что пройдет
какой-то князь, и спрашивали казаков, уж не сам ли Корсаков будет.
Кропоткин, как талантливый, хороший актер, разыгрывал роль
простого купца. Он не садился в присутствии старшины Сафроно-
ва, вставал, когда старшина каравана обращался к нему, сам
ухаживал за своим конем и управлялся со своей одноколкой. Когда
Сафронов разговаривал с пограничниками, Кропоткин отходил в
сторону и садился на место поодаль.
Китайцам и маньчжурам в голову не могло притти, чтоб нойон
(начальник) мог так притворяться и подчиняться какому-то
уряднику. Кто из них мог подозревать, что купец «Петра», который так
весело знаками и руками разговаривал с ними, курил их трубки и
угощал всех своим табаком, мог быть кем-либо другим, а не «топ-
ра пари» (добрый парень), как они его называли!
Собеседники цокали языками, хлопали Кропоткина по плечу и
сожалели, что онда (друг) плохо понимает их язык.
Кропоткин так наловчился объясняться знаками, что монголы
и китайцы понимали его лучше, чем казаков.
Только когда пограничники убедились, что вся водка выпита
и угощение кончено, каравану разрешили двигаться дальше. У
пограничников караван не возбудил никаких подозрений.

* * *

Осуществить переход через Маньчжурию, вести экспедицию

Кропоткин мог, только ориентируясь по китайским картам, весьма
древним, созданным четыре-пять тысяч лет назад. В первые же дни
молодой географ убедился, как эти карты далеки от
действительности.
Более надежными, чем карты, оказались сведения спутников-
казаков.
Они и сами бывали кое-где в прилегающих к границе
Маньчжурии местах, кое-что слышали и знали из рассказов стариков.
Знали, что от границы на восток тянется на несколько сот
километров земляной вал, возведенный по северной границе Монголии
много веков назад. Вдоль этого вала и решил направить свою
экспедицию Кропоткин.
Прежде всего нужно было найти этот вал и выйти по нему на
старую китайскую дорогу. Она была даже показана на одной из
китайских карт.
И вот от границы караван пошел без всякой дороги, по компасу,
прямо на восток. Сперва шли степью, совершенно схожей с нашими
забайкальскими степями. По барометру Кропоткин определил, что
она расположена высоко над уровнем моря.
Хотя караван шел без дороги, но передвижение по степи не
представляло трудностей.
Вскоре на горизонте появилась серая полоса. Оказалось, это и
был вал, который они искали.
Спутники Кропоткина сразу повеселели и на радостях затянули
песню.
Они прошли около ста километров до места, где вал круто
сворачивал к югу. Однако старой китайской дороги, которую они
надеялись увидеть, не было и следа.
Среди степи, по широкой долине, текла с востока на запад
река. Казаки догадались, что это приток их родной Аргуни, который
монголы называли рекой Гань.
Караван отошел от вала по прямой на восток и направился
вверх по течению Гани.

Кропоткин был уверен, что, двигаясь по берегу реки, они
придут к предгорьям хребта Большой Хинган, который был обозначен
на китайских картах. О нем среди казаков ходили слухи, что эю
грозные, труднопроходимые горы.
Через деиь-другой пути степь сменились лесистым предгорьем
с округлыми холмами, а река оказалась в пади.
Сохраняя направление на восток, экспедиции пришлось проби
раться лесами, и караван попал в лабиринт путаных падей. В
лесах было много звериных троп, и зоркие глаза охотников часто
различали следы лисицы и лося. Здесь впервые, за несколько дней
пути от границы, казаки встретили бродячих охотников. В одежде из
звериных шкур, с длинными, нескладными ружьями, они
производили довольно »страшное впечатление.
«Незавидна участь бродячих в этих хребтах орочон. С длинным
ружьем за плечами — тяжелым, но очень недалеко бьющим, с
ножом и большим куском трута за поясом, в одежде из звериных
шкур, часто с тряпкой вместо шапки на голове, — вспоминал в
своих записках Кропоткин, — на бойкой лошаденке пускается он
в хребты с их бесчисленно перепутанными падями. Зверей много
в этих хребтах; козы выскакивают на каждом шагу, но порох и
свинец дороги орочону. Число выстрелов его пороховницы на счету,
и бросать заряд из-за такого пустого зверя, как коза, не всегда
приходится: неравно выскочит зверь (изюбр), пожалуй нечем будет
встретить желанного гостя. Если счастье послужит и он настреляет
достаточно зверей, чтобы можно было пропитаться выручкой с их
рогов, тогда будет и праздничная пища семье и материал для
одежды и для покрышки юрты, обыкновенно состоящей из древесных

сучьев и ветвей, перед которой теплая войлочная юрта монгола —

нечто вроде дворца».

Орочоны бродили по западным склонам Большого Хингана и

занимались охотой. Их кормил промысел на оленя (изюбра), рога

которого — панты — содержат лекарственное вещество, известное

в китайской медицине уже несколько тысяч лет. И теперь это

лекарство — пантокрин — очень ценится медицинской наукой и

широко применяется.

На восточном склоне Большого Хингана, кроме бродячих

орочон, расселились дауры. Они жили оседло, занимались

хлебопашеством. Многие орочоны попадали к ним в кабалу. Дауры

заставляли кабальных орочон охотиться артелями, снабжали их -порохом

и свинцом.

Перевалив через Хинган, на его западные склоны, орочоны

охотятся 0се лето и осень в горах, а дауры забирают себе всех

убитых зверей, в особенности дорогие панты. Охотники-орочоны

взамен получают от дауров просо для питания, порох и свинец для

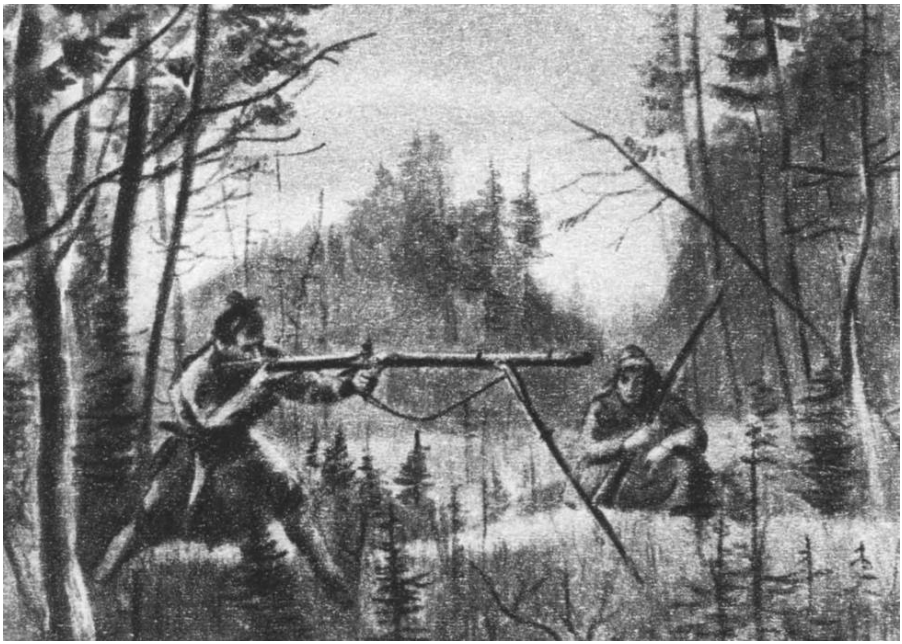
промысла.

* * *

Поднимаясь вверх по течению Гани, экспедиция дошла до

впадения в нее притока Экена. Шли без всяких проводников.

Забирались в такие непроходимые топи и чащи, откуда трудно было вы-



браться. Дно долины Экена покрыто торфянистым черноземом,
местами заболоченным, и все изрыто норами кротов, в которые то и
дело проваливались ноги лошадей. Даже когда пытались итти
повыше, по пологим склонам этой реки, тоже нередко попадали на
заболоченные места.

Наконец, на пятый день пути, перед усталыми, измученными
путешественниками показалась маленькая деревушка. В ней жили
оседлые орочоны. Деревушка называлась Олочи. От жителей
узнали, что отсюда есть дорога в Мэргень. Правда, это была не дорога,
а едва намеченная тропа. Но весть эта была радостной: значит,
экспедиция не сбилась с направления, хотя двигалась только по
компасу.

Первая задача — найти старую китайскую дорогу, идущую в
город Мэргень — была счастливо достигнута. Дальше уж было
ясно, что они придут в населенные места, как бы ни было трудно
на новом пути.

Радость была так велика, что хотелось салютовать из ружей,

кричать «ура». Но у Кропоткина и его товарищей не было никакого
оружия. Он раз навсегда решил путешествовать даже в самых
диких местах без всякого оружия. Кропоткин считал, что вид
вооруженного пришельца всегда раздражает местных людей, они
должны подозревать его в нечестных намерениях, а человек без
оружия располагает к доверию. И Кропоткин ни разу не ошибся в
своем расчете: его везде встречали дружески. Отсталые, даже почти
совсем дикие люди, орочоны встретили его приветливо, радушно.

Кропоткин доброжелательно относился к простым людям, уважал
их человеческое достоинство. Он никогда не смотрел на диких
кочевников как на низшие создания. Из своих путешествий он
вынес убеждение, что все отсталые племена Сибири и Дальнего
Востока не только способны к культуре, но и очень одаренные
люди.

В орочонской деревушке экспедиция сделала привал. Люди
немного отдохнули и с новыми силами двинулись дальше.

Все приободрились и были уверены, что их цель будет
благополучно достигнута. Исчезли опасения — и вместе с этим силы точно
утроились. Позади были дни, когда измученные путники брели в
неведении, выйдут они или нет на какую-нибудь дорогу, к каким-
нибудь населенным местам или им, измученным и голодным,
придется возвращаться обратно по компасу и по снятой Кропоткиным
карте на запад к своей границе.

Теперь уже не было никаких сомнений, что экспедиция на
верном пути.

Старая китайская дорога шла на Мэргень. Правда, дорогой ее
можно было назвать только условно. Двигаться по ней было
немного легче, но по мере того, как караван углублялся в горы,
прорезанные падями, все тяжелее приходилось лошадям.

«Тут мы очутились, — пишет Кропоткин, — в лабиринте

пологих
падей. Пади эти покрыты такой яркой зеленью, что издали
можно было заглядеться на них, но ступит лошадь — и под покровом
травы везде сочится вода; тихо пробираешься по пологой
покатости.
Вся падь покрыта слоем чернозема, напитанного водой, как
губка. Кругом все мертво, время от времени только раздается
«рявканье» гурана — самца дикой козы; людей не видно; в одном
только месте наткнулись мы на двух спрятавшихся за дерево
орочон. С испугом просили они казаков не трогать их жен и детей,
оставленных в таборе, к которому мы вскоре должны были дойти».
В этом районе пришлось пробираться в лабиринте пологих
падей и многочисленных ручьев, образующих реку Малый Хайлар,
которая, сливаясь с рекой Большой Хайлар, образует пограничную
с Забайкальем Аргунь.
* * *
Неизвестно было, что представляет собою гребень гор Большого
Хингана: верно ли, что он так грозен и недоступен, как о нем
говорили, действительно ли его склоны необычайно обрывисты,
высоки и круты, а ущелья всех его ручьев и рек очень тесны и заросли
непроходимыми лесами. Эти мысли не оставляли Кропоткина, когда
он в своей одноколке приближался к перевалу через Большой
Хинган.
Наконец караван добрался до последнего перед перевалом
ущелья, покрытого хвойным лесом, и медленно пополз вверх по его
склонам. Проводник, который каким-то особым чутьем охотника
много раз помогал находить нужное направление, теперь был
свободен и занялся своим прямым делом. Он то и дело оглашал тайгу
меткими выстрелами из фитильного ружья, которое даже для
Маньчжурии было устарелым. Он бил коз и снабжал караван
мясом. По вечерам под старыми елями и пихтами разводили

огромный
костер и над ним на вертеле жарили куски козьего мяса.
Путешественники подкреплялись, отдыхали и начинали петь сибирские
песни. У Кропоткина был неплохой голос, он всегда запевал и
дирижировал. Он же давал команду отбоя и заставлял всех
укладываться спать, чтобы утром встать со свежими силами.
Однако сам он не скоро ложился. В своей палатке он зажигал
фонарь, доставал дневник, записные книжки, записывал все
интересное, что примечал за день, наносил на карту отметки
пройденного пути, высоты определенных им точек, наклеивал ярлыки с
надписями на собранные образцы горных пород, раскладывал для
гербария растения, определял их, надписывал. Все это он аккуратно
прятал среди товаров своей повозки.
Кропоткин работал дольше всех и больше всех, а когда утром
вставал, никто из спутников не замечал у него следов усталости.
Бодрый, оживленный, он деловито распоряжался; никогда никто не
видел его раздраженным, и все только удивлялись мягкости и
доброте его характера.
Начинался день, и опять шли по яркой зелени пади, держась
берега реки, пока не попадали в места, где копыта коней начинали
чмокать по воде. Тогда поднимались повыше, шли по склону, по
пологой покатости, где, казалось, не должно быть воды. Но и здесь
под копытами лошадей лежал толстый слой торфянистого
чернозема, тоже, как губка, напитанный водой. То и дело по дороге
попадались небольшие стада непуганых, диких коз. Но ни людей, ни
домашних животных путешественники не встречали.
Под дугами четырех одноколок побрякивали колокольчики.
Фыркали лошади...
К счастью, эти болота Большого Хингана на глубине полуметра
имели твердую подпочву из мелкого наносного камня или крупного
красного песка. По таким болотистым падям могли двигаться

не
только верховые, но и пробирались потихоньку одноколки. Их
высокие колеса оказались неплохо приспособленными к такому
пути.
Иногда попадали на каменистые склоны, где лошади шли
быстрее, мягко ступая некованными копытами.
В верховьях пади караван вошел в глубь темного, густого
лиственного леса. Местами бурелом совершенно загораживал едва
намеченную дорогу. Оказалось, что по ней никто не ходил, кроме
небольших отрядов маньчжурских солдат, которые направлялись
для несения караула на Аргуни. Они проходили к нашей границе
и сменяли друг друга через довольно большие промежутки
времени.
Выше лиственный лес сменился густорастущими лиственницами.
Дорога вилась бесчисленными изгибами среди деревьев, пробираясь
между камнями в зарослях цветущего богульника.
Путь все время шел на подъем, и было ясно» что он ведет на
перевал через хребет Большой Хинган. Ничего грозного, никаких
непреодолимых трудностей, о которых ходили рассказы, пока не
было.
Постепенно поднимаясь, путешественники оказались выше
полосы лесов и кустарников. Перед глазами расстилалось полого
поднимающееся взгорье, заросшее низкими травами. Деревья были
малорослы, искривлены, покрыты лишаями и встречались все реже
и реже.
Караван поднялся уже на такую высоту, где из-за холодного
климата и лес не растет. Справа и слева от дороги виднелись
обнаженные склоны, лишенные всякой растительности, и крутые
гольцы, на которых не держался выпадающий в горах снег.
И вот, не встречая людей почти от самой деревеньки орочон,

если не считать двух случайных охотников, путники неожиданно

нагнали на дороге одноколку старого китайского чиновника.

Было непонятно, откуда он появился. Посоветовавшись со

старшиной Сафроновым, Кропоткин решил не обгонять чиновника,

чтобы избежать лишних объяснений.

Продолжая двигаться вперед по пологому травянистому склону,

путешественники всё думали о трудностях, которые встретятся при

перевале через хребет, и удивлялись, как справится с ними этот

старый и жалкий с виду чиновник.

Он медленно двигался впереди каравана. Через некоторое

время чиновник остановился и вылез из своей таратайки.

Тогда Кропоткин и Сафронов спешились, подошли и остановились неподалеку от него.

Китайский чиновник выдернул несколько волос из гривы своего коня, навязал их на ветку и воткнул ее в довольно большую, метра

в четыре высотой, груду камней, сваленных при дороге.

Кропоткин с недоумением взглянул на Сафронова, и старшина

объяснил ему, что чиновник выполняет местный обряд.

Куча камней при дороге — это так называемый «обо», куда

всякий путешественник, проезжающий мимо, кладет свой камень и

привязывает к палке или к кустику часть конской гривы или

несколько тряпок в благодарность горному духу за благополучно

совершенный путь.

— А какой же путь пройден? — спросил, все еще недоумевая, Кропоткин.

Сафронов подошел к чиновнику и начал с ним объясняться.

Оказалось, что это и было место перевала через Большой Хин-

ган. Отсюда до самого Амура нет больше гор, дорога идет в

долинах между горами.

Совершив обряд, китайский чиновник вернулся в свою таратай-

ку и начал спускаться вниз по дороге.

Сильное радостное волнение охватило весь караван.

— Отсюда реки текут уже в Амур! — восклицали казаки.

Сверху, с перевала, они смотрели, как таратайка увозила

старого чиновника. Спуск был крутой, но дорога по нему шла

зигзагами. Она спускалась к потоку, пробивающемуся среди гор к

широкой долине.

Кропоткин раскрыл китайскую карту и начал ее рассматривать.

Он пришел к заключению, что нижний поток — это какой-нибудь

приток реки Нонни, впадающей в Сунгари. Стало очевидно, что

до Амура уже нет никаких естественных преград. Осматривая с

перевала развернувшийся перед ним широкий простор, Кропоткин

уже знал, что путь к Амуру через Большой Хинган, открывать

который он шел, найден.

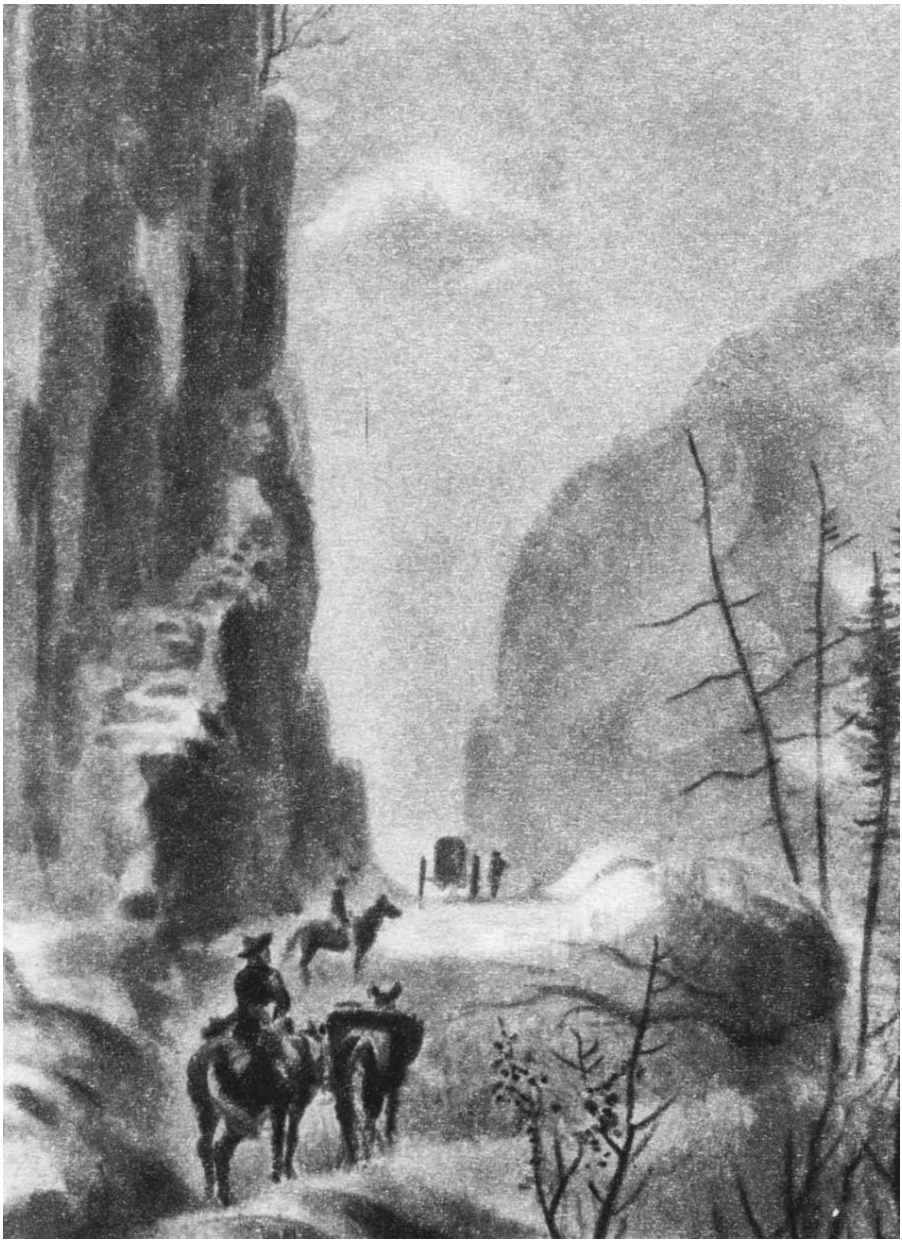
Молодой географ испытывал подлинный восторг от сознания

сделанного открытия.

Все казаки последовали примеру китайского чиновника и

привязали к ветвям обо по пучку волос из гривы своих коней.

Только
один Кропоткин воздержался от этого суеверного обычая.
«Сибиряки вообще побаиваются языческих богов, —
рассказывал Кропоткин. — Они не очень высоко ставят их, но так как
считают их способными на всякую пакость, то предпочитают лучше не
ссориться с ними: отчего не подкупить их небольшим знаком внимания!»



На перевале оказалась и другая достопримечательность: стояли

такая же вторая груда камней, покрытая сверху хворостом. Эти

была могила какого-то шамана или орочонского родоначальника.

С перевала вниз вел хорошо разработанный спуск. Всем

участникам экспедиции — и Кропоткину и казакам — было теперь понятно,

что прямой путь на Амур доступен: перевал и спуск совсем но трудны.

Ведя наблюдения над рельефом, определяя высоту различных точек, Кропоткин установил, что Большой Хинган — это не горный хребет, как о нем рассказывали старики в Забайкалье, а обширное и высокое нагорье, окруженное хребтами, разрезанное падями.

Нагорье это далеко тянется в направлении с юга на север по окраине огромной степи, которая тоже приподнята очень высоко. Кро поткин установил также, что западные склоны Большого Хинганм легко доступны, пологи, разрезаны горными долинами, покрытыми в нижней части лесами, а в верхней — лугами.

Это открытие впервые было сделано Кропоткиным. На всех тогдашних картах — китайских, а вслед за ними русских и европейских — нагорье Большого Хингана было показано как горный хребет.

Открытие Кропоткина было очень высоко оценено примерно через тридцать — тридцать пять лет, когда к Тихому океану решили провесги железную дорогу через Маньчжурию. Она проложена очень недалеко к югу от того места, где караван Кропоткина пересек высокое нагорье и спустился в долину реки Нонни.

С перевала путешественники поторопились вниз: дул сильный ветер. Караван спустился по той же дороге, по которой проехал китайский чиновник. Она шла по карнизам крутого склона. Часа через два караван уже двигался по яркозеленому лугу, где горели огни орочонского табора. Тут же неподалеку была стоянка маньчжурских солдат, которые направлялись держать караул к нашей границе, на берегу Аргуни.

Орочонский табор поражал нищетой и грязью. Зато солдаты и сопровождавшие их чиновники выглядели сытыми, довольными.

В таборе шел пир. Оказалось, маньчжурские солдаты продали орочонкам просовую водку за лосиные и козьи шкуры, и те пировали без мужей. Водку пили все, в том числе и дети.

Вот как описал это Кропоткин в своем дневнике:

«Дети, с открытыми ртами, грязные, ободранные, сидят у костров, давая огню свободно играть на их белых, прелестных зубах.

Глазенки так и искрятся в ожидании пищи. Картина дополняется громадными растрепанными лиственницами и несколькими десятками лошадей, привязанных к деревьям.

Началось угощение, болтовня — казаки говорят по-орочонски не хуже самих орочон, — и крошечная чашка с просяной водкой то и дело наливается и обходит всех. Долго продолжалось веселье; наш тунгус, бывший в караване, всю ночь прогулял, так что на следующий день едва мог ехать; отъедет вперед на-рысях, да и завалится где-нибудь спать, а потом догоняет караван на бойком забайкальском коне».

Речушка, к которой спустился караван с перевала, где стоял табор, оказалась рекой Номиньхэ, притоком реки Нонни.

Восточные склоны Хингана сильно отличаются от западных. На западных склонах совсем дикий пейзаж: они покрыты то лиственницами, то заболоченными лугами. А на восточном склоне природа другая — ласковей и мягче.

На богатых лугах лошади отдохнули и начали отъедаться.

Много легче и веселее стало и людям.

От орочонского табора караван пошел по узкой долине, закрытой горными склонами, вниз по течению реки, прямо на восток.

Склоны долины, обращенные к югу, красовались яркой зеленью дубов, черной березы и орешника. Лиственницы сохранялись только на северном склоне.

В верхней части долины реки Номиньхэ лиственные породы слабо развиты. Они появлялись сначала в виде кустарников на солнцепеке. Но чем ниже спускался караван, тем климат становился

теплее, и все склоны гор были сплошь покрыты лиственным лесом.

По берегам речек и ручьев росли кустарник тальника, ивы и тополя.

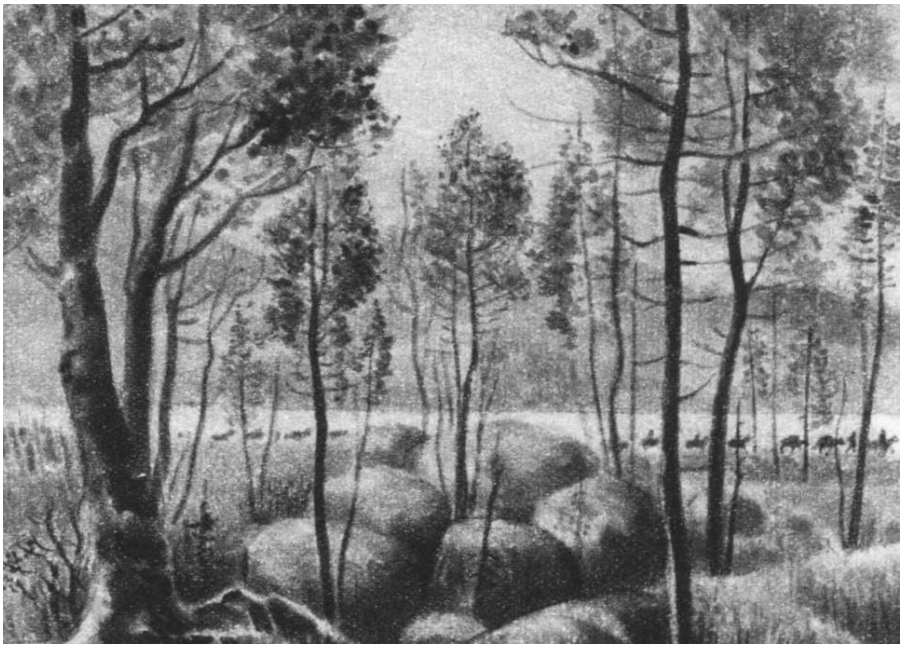
Травяной ковер восточных склонов Хингана намного богаче и разнообразней, чем на западных склонах.

Проходя прямой гладкой падью Номиньхэ, казаки удивлялись, отчего эти чудные луга не возделываются, отчего, кроме берестяных юрт орочон, не видно никакого жилья.

Разгадку они скоро узнали. Когда караван остановился на ночлег, путешественники почувствовали, как быстро наступает холод. К утру, перед восходом солнца, когда Кропоткин измерил температуру, мороз достиг четырех градусов. 1, 2 и 3 июня, несмотря на то что караван спустился значительно ниже, утром были сильные заморозки.

И все-таки природа восточных склонов казалась ласковой и необыкновенно богатой. Дуб, черная береза, орешник так же удивляли казаков, как жителей средней полосы удивляют субтропические породы деревьев — роскошные магнолии, пальмы и кипарисы.

Из поколения в поколение, многие годы забайкальцы мечтали о теплом крае на Амуре и теперь были в полном восторге.



При спуске с плоскогорья они увидели большую дубовую рощу.

— Глядите, что за странное дерево! Дуб, должно быть! — восклицали казаки.

— Глядите, орешник! — восхищались казаки.

— А это что за дерево? — спрашивали другие при виде липы или других незнакомых сибирякам деревьев.

И действительно, по сравнению с Забайкальем маньчжурские леса казались необычайно богатыми. Особенно поражали роскошные травы и цветы.

«Казаки так умилялись, были в таком восторге, — вспоминал Кропоткин, — что, казалось, вот-вот примутся целовать землю».

Страстное стремление земледельцев увидеть собственными глазами плодородную землю Амура осуществилось наконец. Как давно всем хотелось ощутить эту землю под своими ногами!

«Свой глазок смотрок, чужой — стеклышко», говорит народная поговорка, а тут казаки не только видели эту давно желанную землю, но и шли по ней, кормили ее травами своих лошадей, видели огромные, никем не занятые свободные пространства, жду-щие только рук земледельца, готовые к тому, чтобы на них поднялись и зашумели нивы золотой пшеницы.

Это все еще были восточные предгорья Хингана. Что же

<будет
там, в степных просторах, ближе к берегам Амура!
* * *
Но до Амура было еще далеко, и на пути оказались
неожиданные препятствия. Кропоткин все не переставал беспокоиться
с того самого момента, как старый китайский чиновник в своей
одноколке появился перед их караваном неизвестно откуда и
продолжал маячить перед глазами. сОткуда он взялся и что он
намерен делать?» думал Кропоткин. Старик и не обгонял их и не
отставал. Вместе с ними он провел ночь около орочонского лагеря,
когда они спустились с перевала. Затем ехал в загадочном
молчании еще целый день впереди каравана и опять остановился на
ночь рядом с ними.
На третий день утром он облачился в синий халат и
форменную шапку со стеклянным шариком наверху и неожиданно
объявил, что дальше он не позволит каравану продолжать путь. Тут,
откуда ни возьмись, при нем оказался его писарь-полицейский —
божко.
Кропоткин и казаки устроили совещание и решили, что
старшина каравана Сафронов тоже облачится в лучшие свои одежды,
примет его официально в своей палатке и потребует от него
объяснения.
Старый китайский чиновник в сопровождении писаря пришел
к Сафронову и приказал, чтобы караван стал лагерем и ждал,
пока будет получено разрешение на дальнейшее путешествие из
Пекина. Он сердито потребовал у Сафронова паспорт каравана
и заявил, что отправит его на рассмотрение пекинских властей.
«Мы наотрез отказались, — пишет Кропоткин. — Тогда старик
стал придираться к нашему паспорту.
— Что это за паспорт! — говорил он, глядя с презрением на

несколько строк, написанных по-русски и по-монгольски на обыкновенном листе писчей бумаги и скрепленных сургучной печатью. — Вы сами могли написать это и припечатать пятаком. Вот взгляните на мой паспорт! — И он развернул перед Сафроновым длинный лист, весь исписанный китайскими знаками».

Во время совещания Кропоткин спокойно сидел в стороне и укладывал что-то в сундуке. Случайно ему под руку попался номер «Московских ведомостей», на котором был отпечатан государственный герб.

Неожиданно пришла мысль: не выдать ли газету за паспорт каравана?

— Покажи ему, скажи, что это наш паспорт, — сказал Кропоткин старшине.

Сафронов развернул громадный лист и показал китайскому чиновнику на орла.

— Неужели тут все про вас написано? — с ужасом спросил старик.

— Да, все про нас, — ответил, не моргнув глазом, старшина.

Старик был совершенно ошеломлен. Он сразу смягчился и, кивая головой, поглядывал уже одобрительно на путников. Но писарь опять что-то зашептал ему, и чиновник снова заявил, что не позволит итти дальше.

Таким образом, конфликт с китайскими властями наступил. Но власти эти пока были представлены очень слабо: стариком и его писарем. Однако положение было опасное, надо было сразу на что-то решаться, и Кропоткин нашел выход.

— Довольно разговаривать, — сказал он старшине, — вели седлать коней.

Казакам понравилась решительность Кропоткина, они его поддержали, и, не обращая внимания на китайского чиновника, караван тронулся в путь.

Старый чиновник страшно взволновался: было ясно, что он примет свои меры. Тогда, чтобы успокоить его, смягчить и дать возможность китайскому приказному как-то оправдаться, Сафронов и Кропоткин обещали, как приедут в Мэргень, немедленно

доложить начальству, что старик употребил все меры, чтобы воспрепятствовать им пройти в Маньчжурию. Скажут, что он не виноват, что караван его не послушался и пошел дальше самовольно.

Старый китаец как будто успокоился.

Три дня подряд караван шел, не встречая ни одной живой души. Было удивительно, что не было на пути орочонских таборов. Потом, как узнали казаки, оказалось, что, по приказу чиновника, орочоны откочевывали в горы, как только издали увидят караван.

Спускаясь с Хингана, долина Номиньхэ то расширялась, то суживалась. Горные котловины сменялись теснинами. Река Номиньхэ прорезала одно за другим три ущелья в порфировых и гранитных горных цепях.

Горные виды сменялись и были один красивее другого.

В нижних котловинах по дну расстилались роскошные луга, а на склонах росли нетронутые леса, в которых было много зверей.

В лесных зарослях слышалось рявканье диких козлов — гуранов.

Эвенк-охотник занимался своим промыслом, сколько хватало" у него сил. Главная его забота была — добыть панты, чтобы заплатить ими выкуп за свою невесту ее родителям. Караван снабжал эвенка порохом. Попрежнему на всех остановках охотник угощал казаков свежим козьим мясом. Уютно усевшись вокруг костра, жарили мясо, нарезав его кусочками и насадив на палку, как шашлык. Наедались досыта, настроение у всех бывало приподнятое -- и по вечерам пели песни. Кропоткин, как всегда, запевал, казаки дружно подхватывали, и песня разносилась, отзываясь эхом далеко в горах.

Разбирая и приводя в порядок собранные материалы, Кропоткин часто думал с тревогой: что же предпримет старый китайский чиновник и какие контрмеры нужно будет принять

экспедиции?

ДОЛИНЫ РБК НОМИНЬХЭ И ГАНЬХЭ

Чем ниже спускались, тем природа долины Номиньхэ становилась роскошней, а постоянного населения все не было видно. Леса здесь никто не рубил, на горных лугах не было стад. Встречались редкие охотники-орочоны, промышлявшие изюбров; звери здесь были непуганые. Нередко случалось, что путешественники встречали стада диких коз, а рявканье их самцов было слышно почти постоянно.

«После трех ворот, — говорили орочоны казакам, — людей встретите». Под тремя воротами подразумевались ущелья, которые пробила река через три горные цепи. Миновали и три ущелья, а постоянного населения казаки так и не встретили.

Наконец они увидели телегу в кустах. Это оказались дровосеки-дауры, которые приехали сюда из Цицикара заготовлять и сплавлять лес. Они жили во временны^ юртах или прямо под телегами. Увидав русских казаков, они боязливо спрашивали, имеют ли они право здесь рубить лес, их ли это земля или русская.

В сознании монголов и маньчжуров земли оставались ничьими даже после того, как было объявлено о присоединении всего левого побережья Амура к России.

Из долины Номиньхэ дорога вела на невысокий перевал — через один из отрогов Хингана. Спустившись с него, она снова стала подниматься на следующий отрог.

Итак, перейдя несколько перевалов через отроги Хингана, караван оказался в долине реки Ганьхэ. Здесь была первая на их пути маньчжурская деревня. В ней оказалось около двадцати дворов, хорошая пашня и крепкий рабочий скот.

Ниже по течению реки, в долине, караван встретил деревни оседлых орочон-хлебопашцев.

Караван благополучно двигался по Маньчжурии. Казалось, все шло как нельзя лучше. Но Кропоткин понимал, что чем дальше

они углублялись в Маньчжурию, тем положение становилось рискованнее. Но это только поднимало его настроение и подзадоривало бороться за успех предприятия.

Неизвестно было, чем еще закончится история с китайским чиновником. После столкновения чиновник попрежнему не покидал их. С утра он уезжал куда-то вперед, а на всех остановках он вдруг оказывался со своей палаткой тут как тут, рядом с палатками каравана. Трудно было угадать, что он думает предпринять. Было несомненно только, что он послал своего гонца в Цицикар за распоряжением к цзянь-цзюню (губернатору). Кто знает, как распорядится цзянь-цзюнь? Решит ли вопрос с караваном сам, на свой страх, или пошлет за инструкциями в столицу — Пекин — к высшим властям?

Кропоткин решил, что надо спешить, но не показывая вида, нельзя задерживаться и терять время. И караван шел без всяких дневок. Ехали очень скоро, километров по тридцать, по сорок в день. Поднимались с рассветом. Кропоткин часто определял направление пути и пройденное расстояние.

Когда китайский чиновник уезжал далеко вперед, Кропоткин пользовался случаем: собирал камни и отбивал геологическим молотком породы в тех местах, где были обнажения. Он, конечно, собрал бы много больше того, что было в его сумке, если бы мог чаще отлучаться в сторону от дороги и делать остановки.

Приходилось брать только то, что попадалось на пути, и все-таки он собрал около ста двадцати экземпляров горных пород.

На счастье Кропоткина, днем никто к каравану не приставал и не мешал ему по пути делать съемку. А если изредка и присоединялся к ним какой-нибудь хаван, то-есть солдат, или крестьянин-попутчик, то Кропоткин или отставал от каравана, или уезжал вперед и работал со своей бусолью. По этому материалу он впоследствии составил довольно точную карту пути, хотя

сам, по присущей
ему скромности, считал, что только внес кое-какие поправки в
старые карты. А по существу, карта западной Маньчжурии была
составлена им заново.
Кропоткин работал, как будто не замечая безмерно
надоевшего всем спутника — китайского чиновника. Он не говорил ни Са-
фронову и никому другому о том риске, которому он больше всех
подвергался. Дело в том, что совсем недавно, в июле 1863 года,
Кропоткин был в Айгуне у цзянь-цзюня с визитом по поручению
Корсакова, и чиновники айгуньского цзянь-цзюня могли запомнить
Кропоткина в лицо. Правда, они видели тогда его в форме
казачьего офицера. Но утешение это было слабое, и ему невольно
приходилось задумываться, как бы в конце концов не провалить всего
дела, а самому не быть отправленным в Пекин в клетке на спине
верблюда.
Кроме того, айгуньскйй цзянь-цзюнь мог так же выслать им
навстречу своего чиновника, как и цицикарский.
Вот почему Кропоткину не давала покоя мысль: что же сделает
китайский чиновник, маячивший впереди каравана?
Все разъяснилось у переправы на реке Ганьхэ. Здесь
находилось много деревушек с китайским населением. Оказалось, что
задача старого китайского чиновника, который их провожал и так
беспокоил Кропоткина, заключалась в том, чтобы не допустить
никакого общения путешественников с местным населением.
По всему пути после перевала через Большой Хинган он
заставлял всех орочон со своими берестяными юртами — ставками —
откочевывать в сторону, чтобы русские их не видели. Но на Ганьхэ
нельзя было заставить деревушки убраться куда-то с пути

каравана. Китайский чиновник был озабочен только тем, чтобы русские поскорее проехали мимо. И вот в одной из таких деревушек на реке Ганьхэ надо было переправляться на другую сторону. Когда караван подошел к реке, то оказалось, что для него была уже приготовлена переправа на плотах, сколоченных из досок, которыми мастерски управляли китайцы. Надоевший им китайский чиновник сам любезно объяснил, что он был выслан по приказу цицикарского цзянь-цзюня только затем, чтобы переправить караван через реку.

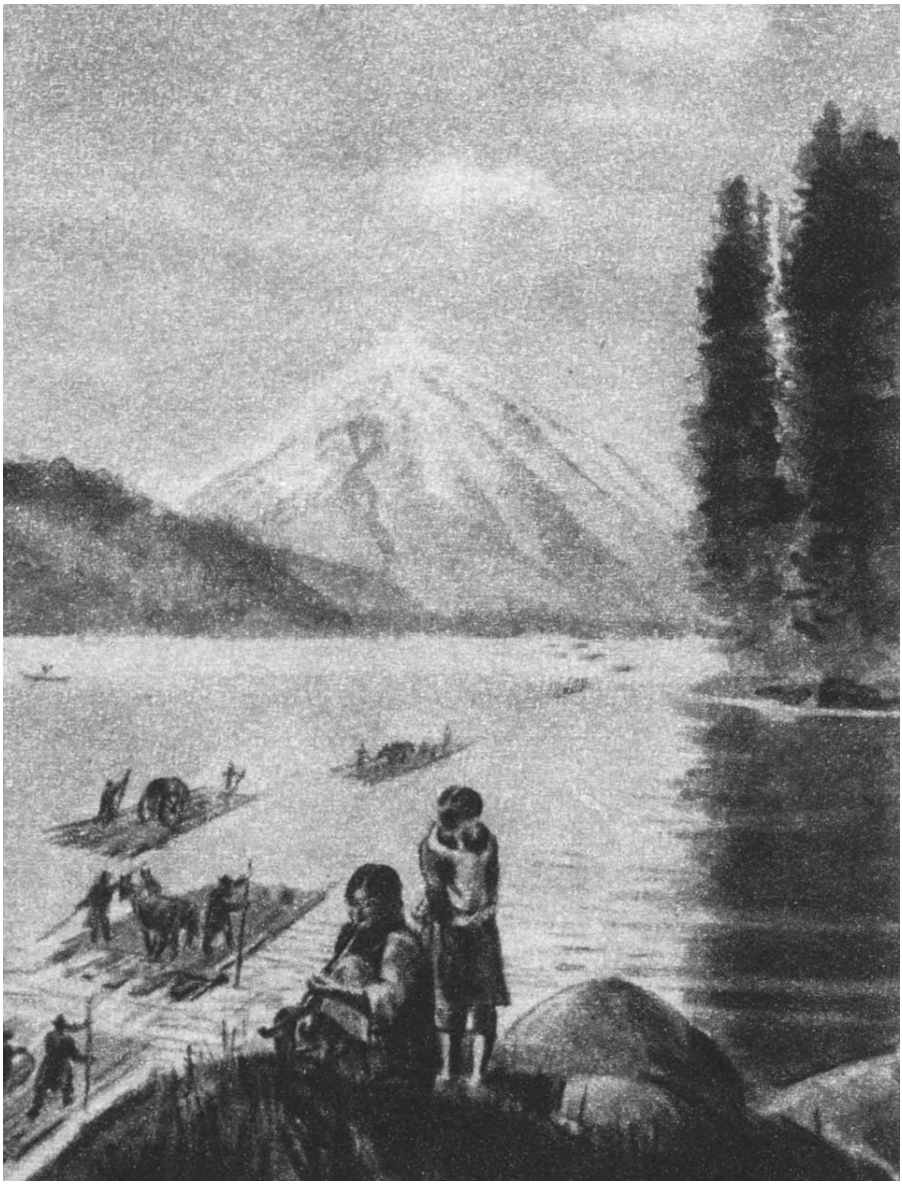
На берегу караван устроил привал. Разбили палатки, развели костер. Китайский чиновник проявлял при этом такую суетливую заботу и так подобрел, что даже не отказался выпить в первый раз вместе с путешественниками. Но и это он сделал, как выяснилось, не без умысла.

Все население деревни окружило караван. Взрослые, дети, мужчины, женщины теснились возле палаток и молча наблюдали.

По приказу чиновника, никто не смел с ними заговаривать.

Казаки уже здесь могли бы распродать и своих лошадей и часть привезенных товаров, но чиновник по всем деревням предупредил народ, что торговать с казаками строго запрещено. Это обстоятельство, ввиду серьезной угрозы, уже мало огорчало Кропоткина.

Хуже было то, что надоевший им китайский чиновник категорически запретил сообщать казакам названия гор, рек, деревень, долин и приказал скрывать и путать названия. Для Кропоткина это было особенно неприятно, но все же он успел выспросить все, что ему было нужно.



Китайцы, когда не были на глазах у чиновника или его писаря,

охотно разговаривали при помощи знаков и сообщали все, что

знали и о чем их спрашивал молодой географ.

Река Ганьхэ впадает в Нонни, долина которой оказалась

населенной маньчжурами. Переправившийся с караваном китайский

чиновник и в этих местах позаботился, чтобы русские не имели ни

с кем общения и не смогли продать своих лошадей.

Кропоткин и Сафронов посовещались с товарищами и решили

не нарушать запрета, не сердить чиновника и подождать, что будет

в Мэргене. Это был сравнительно большой город,

административный центр, основанный еще в XVII веке по приказу императоров

из маньчжурской династии для защиты своих северных областей.

Подходя к городу, Кропоткин был настороже. Тут должен был

разрешиться вопрос, чего ждать экспедиции от высших китайских

властей и не предпримут ли они каких-нибудь более крутых мер.

Казаки рассчитывали, что здесь может быть выгодная торговля.

Они слышали, что монголы в Мэргене по дорогой цене распродают

скот и лошадей, закупленных у казаков на Аргуни.

По приезде в город было решено отправиться к амбаню —

начальнику города Мэргеня — с подарками: самоваром и посудой.

«Наконец, — рассказывает Кропоткин, — блеснула река Нонни

из-за тальников, через несколько минут показался пологий берег.

Все, что было в Мэргене свободного и способного ходить,

высыпало на берег посмотреть на невиданное доселе чудо, на варваров с

белыми лицами.

Вся жизнь города сосредоточилась на берегу: тут были

отупелый от опиума старик-чиновник и рядом с ним молодой франт —

чиновник в синей «курме», с искусно вышитым шелковым кисетом,

с щегольской трубочкой и часами в нескольких коробках за

поясом: был и полицейский солдат, который из любви к искусству

немилосердно хлестал по головам напирающую вперед массу с

разинутыми ртами, черными глазами, улыбающуюся,

переговаривающуюся и смеющуюся — над нами, конечно; тут и повар в муке,

который ради такого необычного события бросил кухню; тут и
курильщик опиума, тут и купцы, преважно стоявшие впереди...
А там, на заднем фоне, старухи. Масса заколыхалась, когда
отделилась лодка, на которой ехал чиновник в форменной шапочке с
неизменным стеклянным шариком. Он ехал, чтобы встретить
русских на берегу.
Как истый китаец, амбань принял экспедицию донельзя
вежливо, но подарков не взял и торговать не разрешил. Казаки верну-
лись в лагерь огорченные. Но Кропоткин был доволен. Он пойял,
что торговать с китайцами, каравану не придется, но что никаких
насилий по отношению к путешественникам не будет. Наоборот, все
признаки дипломатической вежливости и любезности по
отношению к русским были оказаны. Это означало, что из Цицикара
нет никаких распоряжений, угрожающих крупными
неприятностями.
Экспедиции надо было возобновить свои запасы, и по дороге от
амбаня к своему лагерю путешественники рассчитывали купить
мяса, зелени и всякой провизии. Но им не удалось приобрести
даже ни одной трубки для курения взамен испорченных в дороге.
Они показывали торговцам, сидевшим в лавках, свои ломаные
трубки, но ответ был один: торговать нельзя, амбань запретил.
Тогда казаки послали амбаню три серебряных рубля, чтобы он
распорядился купить для них мяса, и заявили, что они пожалуются
своему генерал-губернатору, а тот напишет в Пекин. В ответ
тотчас появились подарки от амбаня в виде различных съестных
припасов. Приехавший чиновник уверял, что произошло «печальное

недоразумение». Потом приехал к ним сам амбань. Кропоткин
совсем успокоился: никаких подозрений, что в составе экспедиции
находится кто-то из штаба Корсакова, у маньчжурских властей
не было.
Тогда, осмелев, казаки и Кропоткин на другой день выехали
на базар и в одной из пустых лавок разложили свои
металлические изделия, материи и галантерею, чтобы заманить покупателей.
Народ толпился вокруг, на них попрежнему глазели, но покупать
никто не решился: боялись амбаня.
ЧЕРЕЗ МЭРГЕНЬ И КИТАЙСКИЕ ДЕРЕВНИ
По описанию Кропоткина, Мэргень был невзрачный городишко.
Он напоминал русские уездные города того времени, созданные
правительством как административные центры. Торговых домов
было в нем не больше десятка, но торговать здесь было не с кем.
На улицах встречались чиновники. Время от времени жители
окрестных деревень приезжали продавать свои продукты для
прокормления амбаня, его громадной канцелярии и тех десяти купцов,
которые поселились здесь.
«...Мэргень возведен на степень города, и войско заведено
(никуда не годное), и город, верно, зовется «крепостью», благо выстро-
ен на потеху людям вал с двумя деревянными частоколами,
которые, конечно, развалятся от собственных выстрелов.
Но все-таки китайцы оказались практичнее нас при постройке
своего Мэргеня. Он лежит среди довольно густого работящего
земледельческого населения; муку, мясо, все припасы можно иметь в
изобилии, и жизнь должна быть очень недорога. Мэргень — род
большой почтовой станции на дороге из Цицикара в Айгунь,
который, как и Цицикар, благодаря соседству русских обогащается
русским серебром...» писал Кропоткин.
Караван пробыл в Мэргене день, а вечером выбрался на

дорогу, идущую в город Айгунь. Это был почтовый тракт, или
большая дорога, по которой из Цицикара в Айгунь шли обозы с водкой,
чаем, бумагой и другими грузами. Китайцы гоняли здесь большие
гурты скота. Скот они покупали в Забайкалье, выменивая его на
кирпичный чай.
Движение на тракте было большое — он прорезал густо
населенный земледельческий район. На пути казакам попадались
китайские деревни и хутора. Они были живописно разбросаны среди
деревьев и небольших парков. Все поля по сторонам дороги были
заняты пашнями и посевами разных хлебов. Конопля вставала
выше двух метров. Китайское просо (гаолян) поднимало свои кисти
метра на три.
«Пашут, — рассказывал Кропоткин о китайском земледелии, —
обыкновенно длинными, во все поле, прямыми бороздами, не шире
четырех или шести вершков. Борозды эти тянутся замечательно
прямо, как бы вытянутые по шнуру на полверсты и более, и при
этом безукоризненно соблюдается их взаимная параллельность.
Пашется обыкновенно узкой сохой, не глубже трех вершков,
причем земля ложится в одну сторону. Раза два вспахав поле и
разбив комки каменным катком, китаец приступает к- посеву. Тут
он еще раз пропахивает борозду и вместе с тем сеет, высыпая
хлебные зерна из ящика, приделанного к сохе, через тростниковую
дудку. Семена сыплются таким образом на гребень борозды и
сейчас же засыпаются землей. Но этим не кончается уход за
посеянным хлебом: несмотря на палящий жар, китаец проходит по
бороздам своего поля, шаг за шагом вырывая сорные травы. Говорят,
что эта работа повторяется несколько раз в лето. Зато земля

дает
очень хорошие урожаи. Напомним о конопле выше сажени... и о
просе аршина в четыре. Вот почему при китайском трудолюбии и
обилии рук мы видели во всех деревнях громадные запасы
пшеницы, проса и овса...
Употребление катка и рядовой посев через дудку, причем зерно
тотчас же засыпается землей, — пример, заслуживающий
внимания», подчеркивал Кропоткин.
Когда дорога поднималась на возвышенные места, во все сторо-
ны расстилались эти земледельческие пашни с деревнями и
хуторами.
Техника земледелия в Маньчжурии была очень высокой. И на
Амуре и в Забайкалье наши казаки далеко от нее отставали.
Культура хлебов была у них почти огородная. Успехи земледелия
в Маньчжурии вызывали у казаков одобрение и уважение. Карти^
на была действительно поучительная.
Казаки увлекались земледельческими делами и совсем не
обращали внимания на то, что представляло главный интерес для
Кропоткина. Он жадно всматривался в рельеф и геологическое
строение местности.
Согласно картам и устным сведениям, дорога должна была
перевалить через хребет Ильхури-Алинь, который до Кропоткина
никто не описывал, так же . как и Большой Хинган. Делая
постоянные барометрические измерения высоты, Кропоткин
определил, что хребет Ильхури-Алинь проходит почти по
меридиональному направлению, с севера на юг, а затем поворачивает
параллельно Амуру. Это нагорье с несколькими окраинными хребтами на
восточной стороне. Западные склоны его пологие, а восточные, как
у Хингана, крутые и обрывистые. Амур разрезает Ильхури-Алинь
на протяжении примерно двухсот километров.
На второй день пути, когда караван вошел в западные отроги

хребта Ильхури-Алинь и поднялся на плоскую возвышенность, к
великому удивлению Кропоткина, на западном склоне, в стороне,
направо от дороги, он увидел возвышенность, которая привлекла
его внимание. Это был срезанный конус, напоминавший вершину
вулкана. Когда исследователь подъехал ближе, то увидел, что по
полям разбросаны куски лавы, которые лежали от конуса к
востоку по ложбине, к речке. В соседних долинах Кропоткин нашел
еще куски лавы, занесенные сюда, вероятно, тоже рекой.
Сомнений не могло быть: перед ним был вулкан! Кропоткин
пережил большое волнение исследователя и тут же зарисовал
этот вулкан в свой походный альбом. Вокруг Холдонзи он увидел
еще несколько таких конусов. Было ясно, что Кропоткин открыл
вулканическую область, о которой ничего не было известно
географам. Самое же главное — эта область находилась на расстоянии
больше двух тысяч километров от морских берегов. Тем самым
опровергалась географическая теория, по которой считалось, что
все вулканы располагаются или на островах, или на берегах
океанов и морей. Извержения вулканов Этны, Везувия и вулканов
тихоокеанской группы объясняли тогда тем, что морские воды по
трещинам проникают в очаги магмы и от грандиозного
парообразования при высокой температуре водяные пары и газы якобы выры-
ваются по трещинам на земную поверхность. Вслед за этим будто
бы происходят извержения, при которых образуются вулканические
вершины в форме конусов.

Перед глазами Кропоткина в хребте Ильхури-Алинь, в округе Холдонзи, высились конусы из пепла, затвердевшие потоки лавы, вулканические бомбы, хорошо сохранившиеся воронки кратеров.

И Кропоткин уже не мог сомневаться, что он открыл большую группу вулканов на огромном расстоянии от морских берегов.

Морские воды не могли оказать на их образование никакого влияния.

Таким образом, господствовавшая тогда теория вулканизма была опровергнута молодым исследователем.

* * *

Через три дня после выхода из Мэргеня экспедиция перевалила через несколько параллельных хребтов и наконец достигла главного хребта Ильхури-Алинь. Подъем на него шел, как обычно, по всем горным дорогам, по долине, вверх по течению реки. Склоны долин сплошь заросли частым, крупным березовым лесом.

Знакомое дерево радовало сибиряков. Когда поднялись на круглый гребень хребта, на нем тоже оказался превосходный березняк.

На

поляне среди леса, на самом хребте, возвышалась большая, красивая

кумирня.

«Китайские кумирни, — записал Кропоткин, — виденные мною

как в этот период, так и на Сунгари, все на один лад и

различаются только величиной и богатством отделки. Все они состоят из трех

главных отделений: в первом, у ворот, стоят за решетками

истуканы двух коней; во втором, главном, восседает Гысыр-хан — статуя

божества с приличным количеством богатырей; в третьем — жены

и опять богатыри, сподвижники или враги Гысыр-хана. Иногда к

этим трем главным зданиям прибавляются еще два маленьких, в

которых помещаются разные старухи и старики с книгами. Часть

этих разноцветных (белых, черных и бронзового цвета) богатырей

отличается замечательным безобразием, и им приданы самые

разнообразные позы. Некоторые из них держат мячи, другие —

зеркальце; третьи стоят с веревкой на шее и имеют приличную

обстоятельству мину; четвертые, наконец, просто благословляют

двуперстным благословением. Все эти отдельные здания обнесены одной

общей оградой, в которой еще находится помещение для бонз

(монахов), а на дворе перед главной кумирней возвышаются две

высокие ели, искусственно выращенные с замечательно правильно

горизонтально расходящимися ветвями».

* * *

С перевала Кропоткин изучал и определял строение южных

склонов. Далее дорога повернула круто на северо-восток и вниз по

течению нескольких речек разрезала еще один небольшой

горный кряж. На его гребне, высоко над дорогой, также стояла

кумирня.

В речных долинах восточного склона росли березовые леса и расстилались превосходные горные луга. По пути казакам часто попадались деревни, и все такие же хлебородные, как и те, что были в окрестностях Мэргеня.

Вся горная система Ильхури-Алиня — с предгорьями и долинами — была земледельческой страной, отличавшейся высокой техникой обработки земли.

После перевала через Ильхури-Алинь путь для географа Кропоткина стал менее интересным. Горы перешли в холмы из глинистых сланцев и песчаников. Наконец караван пересек еще один горный хребет из песчаников, очень невысокий, с которого открывался вид на пашни, деревни и хутора, утопающие в зелени деревьев.

Через две недели после спуска с перевала экспедиция ночевала уже совсем недалеко, в каких-нибудь тридцати километрах, от берегов Амура. Кропоткин, лежа в своей палатке, не спал: его беспокоила мысль, как бы под конец такой удачной экспедиции не было случайно обнаружено его офицерское звание. Не спалось и казакам: их одолевало нетерпение поскорее увидеть великую реку.

Задолго до рассвета Кропоткин услышал, что они встали и уже начали седлать лошадей. Он пробовал убедить их подождать восхода солнца, но напрасно: все казаки были на ногах, и пришлось двинуться в путь ночью.

И вот наконец с гребня одного из холмов показались синие воды Амура. Казаки не в силах были сдержать своего восторга и начали кричать: «Амур! Амур!», так же как спутники Колумба когда-то кричали: «Земля! Земля!»

«В глазах бесстрастных сибиряков загорелся восторг, — вспоминал потом Кропоткин. — Тогда мне стало ясно, что рано или

поздно, при поддержке русского правительства или без нее, оба
берега Амура, покуда пустынных, но удобных для колонистов,
заселятся русскими.
Надо было видеть восторг тех казаков, которые прежде ничего
не видели, кроме своей Аргуни, чтобы понять те восторженные
отзывы, которые еще в XVII веке долетали с Амура».
* * *
Казаки ехали на конях по берегу Амура, любуясь водными
далями великой реки, наслаждаясь видом широких плодородных
земельных просторов. Покачиваясь в седлах на конях, шедших ходой
(быстрым шагом), они обсуждали, удастся ли им распродать
китайцам своих коней и какая может быть цена на них.
Кропоткина заботило другое. Караван уже приближался к
городу Айгуню, где многие из китайцев его знали и видели прошлым
летом в форме казачьего офицера. Пришлось призадуматься, как
бы не провалить все дело. Глядишь, и вправду китайские власти
арестуют его, а казаков задержат в Айгуне!
Своими опасениями он не хотел ни с кем делиться.
Но, как всегда находчивый, он и на этот раз придумал ловкий
маневр.
Не доезжая одного перегона до Айгуня, он- сказался больным,
обвязал голову и поехал лежа в телеге. В Айгуне из телеги он сра-
зу перешел в палатку. Казаки отправились к китайским властям с
просьбой, чтобы дали им поскорее лодку перевезти больного купца
на русскую сторону.
Китайцы охотно исполнили просьбу: им не хотелось, чтоб с
русским купцом что-нибудь случилось на их земле. Переправа была
налажена без промедления.
Все обошлось как нельзя лучше. И в тот же день экспедиция
Кропоткина была на своей земле!

Казаки собирались в Благовещенск, а Кропоткин решил, что ему сразу после переезда на русский берег нельзя открыто, вместе с казаками, показываться в городе, чтобы не дошли слухи до Маньчжурии, чтобы не узнали китайцы о том, что экспедиция снаряжена штабом генерал-губернатора Восточной Сибири и возглавлялась офицером.

В первый же день после переправы на русскую сторону Кропоткин узнал, что генерал-губернатор Корсаков приехал в Благовещенск. Молодой исследователь расстался со спутниками, которые занялись тут же продажей лошадей, а сам сел на коня и помчался в Благовещенск. Путь был не короткий — сорок километров.

Пришлось ехать и ночью, но под утро, выбившись из сил, он решил передохнуть у одного крестьянина. Это было километрах в четырех от Благовещенска. А когда утром Кропоткин примчался в город, то, к большому своему огорчению и досаде, узнал, что Корсаков, не дожидаясь экспедиции, за несколько часов до его приезда выехал вниз по Амуру.

Кропоткин направился к городским властям. Но там его ждало еще большее огорчение и обида. Оказалось, что Корсаков даже не

оставил для него никаких ясных распоряжений, хотя знал, что
экспедиция должна была при благоприятном исходе в эти дни быть в
Благовещенске.
Важный генерал-губернатор не проявил особого интереса ни к
судьбе экспедиции, ни к судьбе Кропоткина.
Оказалось, что в штабе Корсакова о нем тоже никто не
вспомнил. Никто не позаботился и о том, чтобы среди китайцев не
распространялись слухи об экспедиции.
Раздосадованный Кропоткин решил не оставаться в
Благовещенске. Он писал брату:
«В неизвестности я два дня прожил на реке Зее, наконец
вечером, чтобы не видали маньчжуры, приехал сюда (в Благовещенск).
Здесь приняли очень хорошо, но я ровно ничего не знаю, куда
ехать. Наконец решился ехать верст за 150 от Благовещенска и
там ждать возвращения амурского губернатора, который поехал с
Корсаковым: он, вероятно, знает, что мы вышли сюда, и, верно,
скажет мне, куда деваться. Завтра уезжаю отсюда. Вот какие
творятся дела.
Но, несмотря на все осложнения и неприятности, Кропоткин
снова думает о новых путешествиях. Ему хочется видеть низовья
Амура, где он еще никогда не был, посетить Сахалин и опять
проникнуть внутрь Маньчжурии. Он прошел ее с караваном с запада
на восток. Теперь решил подняться примерно на тысячу двести
километров вверх по реке Сунгари, до города Гирина, с тем чтобы
пересечь Маньчжурию с севера на юг.
Выезжая весной из Иркутска в маньчжурскую экспедицию, он
договорился с Корсаковым, что, выйдя на Благовещенск, он
тотчас же отправится на пароходе в Николаевск, вниз по Амуру, до
его устья. Кропоткин не знал, что ему предпринять: не то плыть
на пароходе до Николаевска, не то возвращаться в Иркутск.

Это и огорчало и возмущало молодого путешественника, который только что успешно совершил труднейшую экспедицию. Не позаботились ему оставить даже самых необходимых вещей. К этому добавились еще в первые дни и денежные затруднения.

Его спутники-казаки оказались действительно хорошими торговцами. В деревнях по дороге, на русской стороне Амура, и в Благовещенске они хорошо распродали товары и лошадей. Кропоткин тогда же попросил их продать и его одноколку с товаром и лошадью. Казаки охотно выполнили его поручение и передали вскоре Кропоткину необходимые деньги.

С трудом удалось Кропоткину разыскать свои вещи, среди которых не было самого нужного — книг и бумаги. Должно быть, их тоже забыли оставить.

Еще не успел Кропоткин решить, куда ему выехать из Благовещенска, как вернулся амурский губернатор, сопровождавший Корсакова, и положение разъяснилось. Кропоткину предлагалось спуститься по Амуру, в Николаевск, а затем по возвращении надлежало готовиться к новой экспедиции — по реке Сунгари. Это предложение окрылило молодого географа.

* * *

Итоги и результаты первого в жизни Кропоткина чисто географического путешествия в неизвестную для него страну были весьма значительны как с научной, так и с практической стороны.

Огромный материал был собран за необыкновенно короткий срок — в течение какого-нибудь месяца.

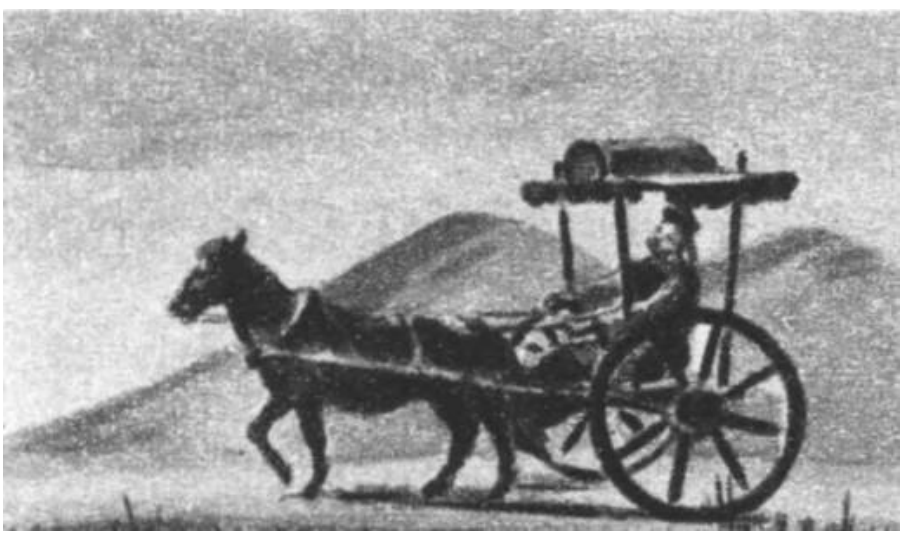
Был снят на карту, описан и открыт прямой путь из Забайкалья на Амур по трассе от Цурухайтуя до Благовещенска, откры-то и описано обширное нагорье Большого Хингана и характер его окраинных хребтов. Это внесло большие и существенные поправки во все прежние географические карты.

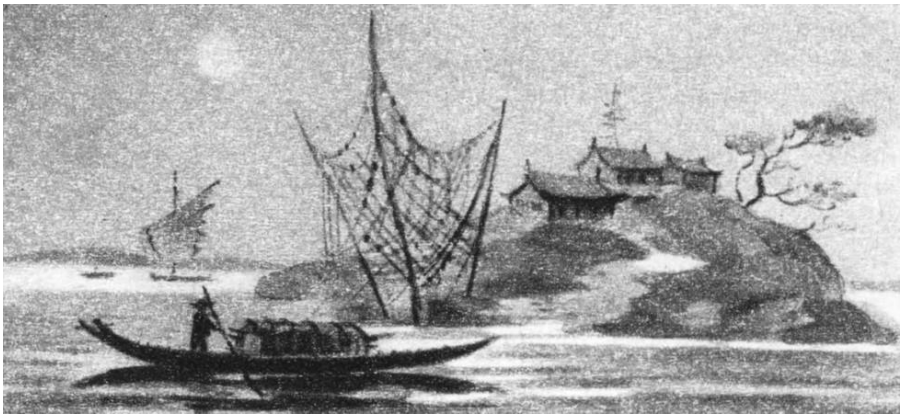
Кропоткин установил, что перевальная дорога через Большой Хинган не представляет затруднений. Впоследствии, через тридцать пять лет после путешествия Кропоткина, его описание было использовано при постройке Маньчжурской железной дороги.

В этой же экспедиции Кропоткин открыл вулканы в округе Холдонзи, о которых никто из географов ничего не знал.

Спутники Кропоткина — забайкальские казаки разнесли славу о плодородном крае, и приток новых переселенцев в эти края заметно усилился.

Составляя отчет, Кропоткин подсчитал расходы экспедиции. Оказалось, что после продажи лошадей, товаров и повозки экспедиция Кропоткина обошлась правительству всего в двадцать два рубля!





ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ ПО РЕКЕ СУНГАРИ

Первое путешествие по Маньчжурии дало Кропоткину большой опыт. Оно рассеяло страхи перед условиями путешествий по Китаю и входившей в его состав Маньчжурии.

Вторая экспедиция, по реке Сунгари, должна была дополнить материалы, собранные в первом путешествии. И, таким образом, уже можно было составить общее представление о Маньчжурии, ее природе и населении.

Экспедиции по Сунгари предстояло пересечь Маньчжурию с севера на юг — на протяжение больше тысячи километров.

Чтобы скрыть подлинную цель экспедиции, Корсаков поручил отвезти дружеское дипломатическое письмо генерал-губернатору Гиринской провинции.

Кропоткин, как никто другой, высоко оценивал всю важность этого путешествия. Сунгари — главная река Маньчжурии, длиной около тысячи трехсот километров. Она — главная водная артерия всего края. Когда впоследствии была построена Восточно-Китайская железная дорога, то именно на пересечении ее с рекой Сунгари вырос центральный город северной Маньчжурии — Харбин.

Сибирское начальство не проявило должной заботы при подготовке экспедиции. Все было организовано из рук вон плохо.

Кропоткину и его спутникам был предоставлен маленький,

слабосильный пароход «Уссури». Разместились в тесных каютках, где в
дождливые дни протекали потолки, на всех даже нехватало коек.
Пароход должен был тащить за собой на буксире баржу с углем
в пять тысяч пудов. На всякий случай, на баржу посадили отряд
в двадцать пять солдат. Поскольку вооруженная охрана была
незаконна, оружие спрятали под углем. Кропоткин протестовал
против охраны, убеждал, что исследователь должен путешествовать
без всякого оружия, чтобы не вызывать подозрений в агрессивных
целях.
Как впоследствии оказалось, эта предосторожность поставила
экспедицию в очень тяжелое положение. Китайцы узнали о ружьях
от своих агентов раньше, чем путешественники тронулись в путь,
и все плавание было отравлено подозрительностью китайских
властей.
Участниками экспедиции были ее начальник полковник Черняев
и пять научных работников: «историограф» Кропоткин, доктор
Конради, астроном Усольцев и два топографа. С ними ехал еще
русский консул Шишмарев. Ему-то и было поручено передать
дипломатическое послание.
С раннего утра Кропоткин был на палубе, заносил в дневник
все, что видел, все, о чем мог расспросить. В походном альбоме
он часто делал зарисовки берегов, уточнял карту Сунгари. Через
каждые два часа измерял и записывал температуру воздуха и вел
другие метеорологические наблюдения.
На каждой остановке неутомимый географ садился в шлюпку,
отправлялся на берег исследовать растительность, характер
рельефа и собирал образцы горнькх пород.
Кропоткин скоро объединил вокруг себя всех спутников, и
работа шла дружно.

* * *

В последних числах июля пароход «Уссури» вошел в устье Сунгари. На правом ее берегу, среди зеленых лугов, березсюых и дубовых рощ, были разбросаны нанайские юрты и стояли маньчжурские караулы.

Не успел «Уссури» показаться на реке, как с караульного поста отчалила лодка с чиновниками. Начальник караула настойчиво пытался отговорить путешественников от плавания по Сунгари. Он пытался уверить, что вода очень мелка и они не пройдут, но его уговоры не подействовали.

Протока была с полкилометра шириной и глубиной в восемь футов. При осадке «Уссури» на три фута он мог итти совершенно свободно. Далее река расширялась, в нее впадало множество протоков. При большой воде протоки сливаются с Сунгари, тогда устье реки разливается на несколько километров, и берегов становится не видно.

Однако были сведения, что Сунгари мелка и на ней много перекатов, что в двухстах километрах от устья есть такие мели, которые не позволят плыть по реке.

Встал вопрос: не ехать ли по берегу и на чем? Но после первых же встреч и переговоров с китайцами выяснилось, что лошадей достать не удастся. Оставался один путь — по реке.

В географической литературе единственное описание Сунгари было оставлено католическими миссионерами, которые проникли на берега этой маньчжурской реки еще за полтораста лет до Кропоткина. Монахи дали кое-какое географическое описание бассейна Сунгари, ее берегов и населения, но все эти сведения были отрывочны и, конечно, сильно устарели.

Когда пароход «Уссури» подошел к бару реки, погода изменилась, пошел дождь, стало холодно.

Бар Сунгари представлял собой вал наносного песка, который шел поперек всей реки. Глубина тут была меньше осадки «Уссури». Промерами нашли борозду. Она оказалась шириной всего в несколько десятков метров, а глубина немного больше метра.

Но и

это было неплохо: все-таки была возможность осторожно пройти.

Пароход несколько раз садился на мель. Команда слезала в воду и

снимала его с мели. Кропоткин подавал всем пример и сам первый

лез в воду, несмотря на протесты капитана.

Выше бара по обе стороны расстилалась широкая вода, и на

ней было множество островов. Картина была на редкость

живописная. Берега Сунгари покрывали кустарники, за ними вдали

виднелись невысокие холмы —отроги гор, поросшие лиственным лесом.

И все это огромное пространство было пустынным. Тут встретилось

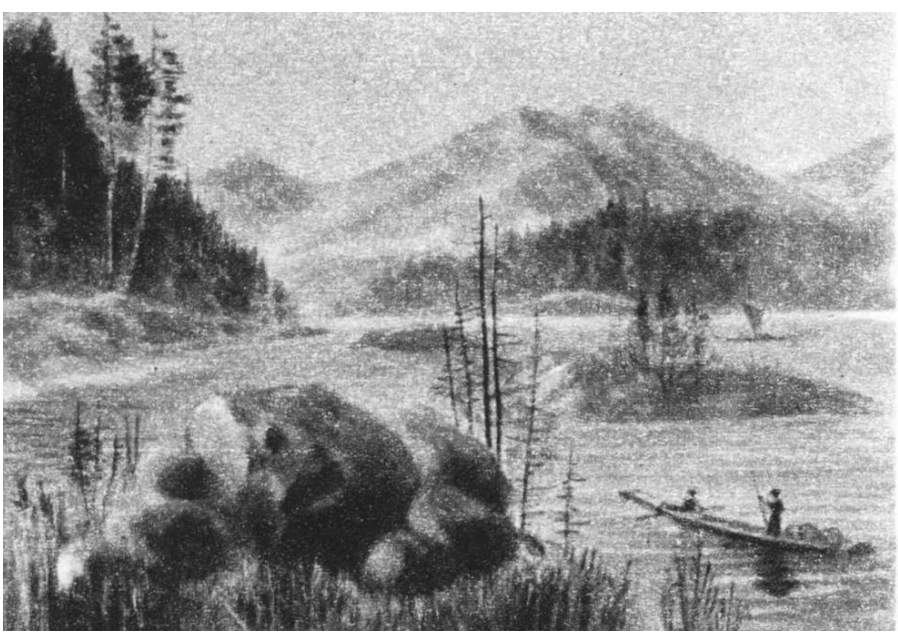
всего только несколько нанайских юрт.

Плавание вначале шло сравнительно легко, зато выше на реке

шли перекаты один за другим. Пароход, да еще с баржей,

ежеминутно рисковал застрять. От капитана и команды требовалось

большое искусство.



То и дело бросали якорь и высылали вперед шлюпку делать

промеры. За сутки поднялись всего километров на пять, маневрируя между мелями и островами.

Кропоткину такое движение было наруку. Пользуясь остановками, он, доктор Конради и Усольцев отправлялись в шлюпке, на берег и там не спеша собирали геологические коллекции и гербарии. Берега покрывала высокая жесткая трава, которая росла на илистых отложениях. Километрах в двух от реки Кропоткин попал в рощицу из дубков. Берез почти не было. Общий характер растительности напоминал растительность амурских островов.

При таком медленном движении все же за четыре дня удалось пройти мелкие места, и пароход «Уссури» выбрался на более удобный плес. На правом берегу показались низкие отроги гор Доус-Алинь (Малого Хингана на Амуре).

Но и дальше плавание было не из легких. Снова попадались мели и перекаты. При, крутых поворотах на таком фарватере бар-жа моталась в стороны и грозила проломить бок «Уссури» или переломать его колеса.

Всюду расстилались заливные луга, поросшие очень высокой травой. Ширина русла менялась от одного до полутора километров.

За главным протоком, по которому шли, влево и вправо виднелись такие же мощные рукава, как и главное русло. Простор, мощность реки восхищали наблюдателей.

На этом плесе встретили небольшую нанайскую деревню — в ней было всего дворов пятнадцать. Она стояла близ устья реки Халхан-Бир. Здесь пароход сделал первую остановку в населенном месте. Жители уверяли, что плавание дальше пойдет хорошо. Было пройдено уже около ста шестидесяти километров.

сПодъехали лодки с соболями, которых отдавали за три серебряных рубля, но их не купили, — пишет Кропоткин. — Соболя эти совершенно схожи с уссурийскими и, вероятно,

добываются
из-за хребта, отделяющего систему Сунгари от системы реки Уссури».
Вскоре к пароходу подплыла лодка с чиновником, и опять начались переговоры. Чиновник настойчиво убеждал экспедицию не плыть дальше, пока он не испросит позволения у начальства, но уговоры не подействовали.
* * *
Дальше шли быстрее — на фарватере не было мелей — и за день прошли около шестидесяти километров. К вечеру пришлось сделать остановку вблизи небольшой деревушки. В машине парохода загрязнились цилиндры от очень мутной сунгарийской воды.
Оказалось также, что на барже поврежден руль. Пришлось чистить машину и чинить руль.
Река стала оживленнее. Навстречу пароходу попалось больше десяти больших лодок под парусами. Это нанайцы возвращались с ярмарки из города Саньсиня, расположенного в трехстах пятидесяти километрах от устья. Нанайцы везли мешки с хлебом, сундуки и лес. В Саньсинь они привозили ясак и там запасались мануфактурой, просом, мукой и другим продовольствием.
Горы, которые раньше виднелись вдали на правом берегу, теперь подошли к самой реке и поднялись остроконечными зубцами.
Сунгари врезалась в горный хребет. По обоим берегам реки шириной не меньше километра расстилались живописные лесные склоны и луговые зеленые долины. Появились хутора и деревни. Их население состояло из нанайцев и китайцев, поселившихся в низовьях Сунгари совсем недавно, одновременно с появлением русских на Амуре, при генерал-губернаторе Муравьеве. Китайские власти поселили нанайцев и китайцев из боязни, чтобы русские не заняли эти места.

Снова к пароходу подошла лодка с чиновниками. Лодка очень ходкая, с красивыми резными веслами, покрытая коврами и шкурами медведей и барсуков.

Чиновники также пытались убедить начальника экспедиции, что русские не имеют права ходить по Сунгари. Чиновников приняли на пароходе очень любезно, их угощали и предлагали довезти до Саньсиня. От них узнали, что до него можно доехать в телеге за десять дней, а верхом — за восемь, что тут есть почтовый тракт,

имеются станции, на которых содержится по сорок-пятьдесят лошадей.

Несмотря на всю пышность и важность китайского начальства, экспедиция не поддалась его уговорам и отправилась дальше по реке.

У небольшого поселка остановили пароход и сошли на берег, чтобы закупить необходимое продовольствие.

«Ферма состоит, — записал Кропоткин, — из двух больших домов, конюшен, амбаров. В домах мы застали за большими, длинными столами работников, вернувшихся с поля, за ужином из разваренного мелкого проса. Они пригнали с поля около 20 огромных великолепных быков... Кроме быков, имеются ослы, прекрасные мулы и лошади. Лошади, говорят, дороги: за весьма посредственную лошадь платят по 35 рублей. Все надворное строение сделано очень хорошо — даже и мельница, в которой жернова непосредственно ворочаются привязанной к ним оглоблей с помощью мулов.

Огороды, под которые отведено большое пространство, великолепны — капуста, баклажаны, огурцы, лук и т. п. достигли уже огромных размеров; за огородами, позади больших скирдов хвороста для топлива, стоит часовенка, но, видно, хозяева не отличаются особой набожностью, потому что ход к ней совершенно зарос лебедой.

Приняли нас здесь очень дружелюбно».

* * *

Дальше река стала еще оживленнее: пароход шел мимо деревень. Горные склоны спускались к самой реке. Ширина Сунгари, даже в самых узких местах, была не меньше километра. Высокий, левый берег был буквально усеян деревнями и хуторами, которые тонули в тополевых рощах.

Богатая природа, хорошо обработанные поля — все "производило впечатление страны с исключительно

трудолюбивым и густым
населением. Но нашим путешественникам хотелось познакомиться
с жителями и побродить по настоящему китайскому городу,
почувствовать китайский быт.
И вот наконец, за впадением в Сунгари речки Вокэньхэ, слева
показался город Саньсинь. Он стоял, окруженный валом с
деревянными воротами. Кропоткин так описывает первое свое впечатление
о Саньсине:
«...грязные закоулки, ряды лачуг из битой глины, и только одна
есть достопримечательность: это на площади, почти за городом,
высокий гранитный памятник, в основании которого лежит
гранитная черепаха. На ней две «гадписи — китайская и
маньчжурская.
Кроме того, в городе есть несколько кумирен из серого
кирпича, довольно красивых, с каменными колоннами и разными
украшениями.
Гольды ! привозят сюда соболей, и тут их жестоко обирают
чиновники, платя за хорошего соболя, стоящего 5—6 рублей на
наши деньги, 2—3 рубля. Наконец, они (гольды) здесь находят кучу
водки и все остальные удовольствия».
В Саньсине поразило множество китайских чиновников,
полицейских и солдат. Они встречались буквально на каждом шагу.
Здесь находился и мандарин второго класса, с красным шариком
на шапочке. Он командовал многочисленными полицейскими,
которые бесцеремонно и грубо обращались с населением.
Саньсинь — это центр, где организуются ярмарки для нанайцев.
На рейде стояло множество джонок. Тут же, на берегу, строилось
больше сотни новых лодок для продажи нанайцам, живущим в
низовьях Сунгари и на Амуре. Население Саньсиня достигало
десяти тысяч человек.
Выше Саньсиня Сунгари прорывается сквозь второй горный

хребет Доус-Алинь. Ее устье стеснено скалами, со дна встают подводные камни. При низкой воде плавание небезопасно. Нередко из-за быстроты течения лодки разбивались даже при хороших лоцманах. Местами на берегу домики так близко подходят к воде, словно купаются в ней.

Выше река опять вьется капризными петлями среди низменности. Только местами к правому берегу подходят холмы, заросшие дубовым лесом. В большую воду низменности затопляются на необозримое пространство.

В августе у путешественников произошла интересная встреча. Пароход «Уссури» нагнал лодку с французским флагом, на котором была китайская надпись на белом поле.

«Когда подошли ближе, — рассказывает Кропоткин, — разглядели китайца с черной бородкой и биноклем в руках. Мы узнали в этом китайце одного из миссионеров, с которым встречались в Хабаровке'. «Уссури» взял джонку миссионера на буксир.

Оказалось, что католический миссионер приехал сюда два года тому назад из Франции через Шанхай, выучился говорить по-китайски и... отправился на Сунгари зимовать в нанайских селениях.^ Миссионеры основали приют, в котором несколько сот детей нанайцев воспитывались в христианской вере и со временем должны были служить для распространения христианства среди нанайцев.

Способы, которыми приобретаются дети в приют, очень разнообразны. Берут и незаконнорожденных, и сирот, и, наконец, просто покупают их».

Все миссионеры хорошо знали местный язык и приспосабливались к местным обычаям, они даже носили косу, как китайцы, и китайскую одежду.

«Благодаря своей ловкости, — писал Кропоткин, — миссионеры проникли уже в Корею, где их теперь (1864 год) находится человек до десяти. Все они, конечно, скрываются и получают деньги

и вещи через одну заставу, при помощи купцов-контрабандистов».

* * *

Смена низменных плесов горными на Сунгари — обычное явление. Вслед за возвышенностями опять потянулась однообразная голая низменность, по которой Сунгари делилась на многочисленные протоки.

Как-то выдался особо интересный день для экспедиции. Делая километров по шестьдесят-восемьдесят в сутки, пароход достиг устья реки Хуланьхэ, левого притока Сунгари.

Пароход вошел в него и бросил якорь у маленького городка Хуланьчен. Это был городок по величине вроде Саньсиня. И здесь тоже был свой мандарин с красным шариком и тучи полицейских и чиновников.

Кропоткину давно хотелось познакомиться с бытом китайской буржуазии. Воспользовавшись остановкой, он вместе с миссионером-французом побывал сначала в деревушке неподалеку от города, в доме богатого купца. Там он закупил кстати свежей провизии, на смену надоевшей всем солонины, благо запрещение торговли с русскими не дошло еще до этой деревушки.

Дом богатого купца выделялся среди убогих китайских хижин.

«Тут, за оградой из битой глины, — писал Кропоткин, — нашли

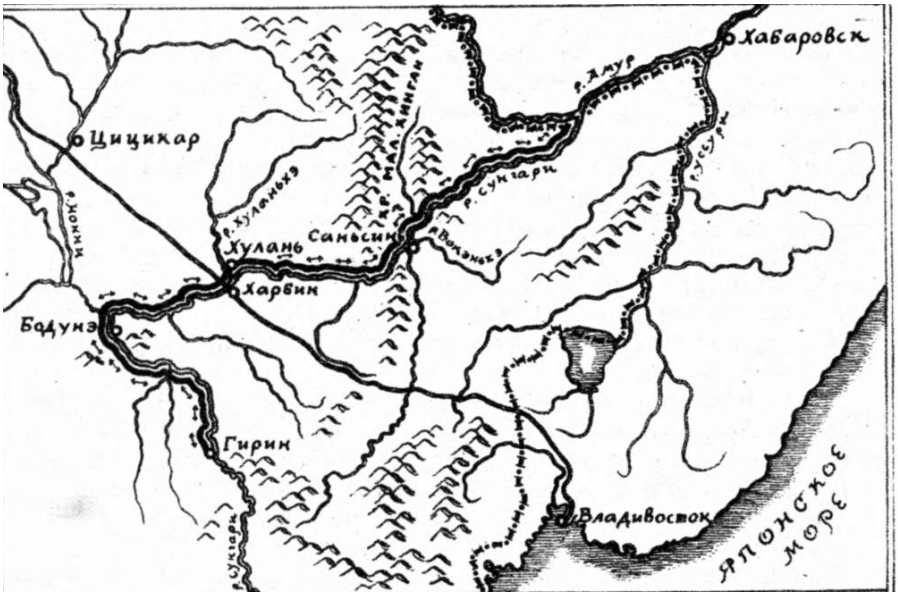


Схема маршрута путешествия Кропоткина по реке Сунгари.

мы несколько строений и, как водится, лавку. Оказалось, что тут

можно купить быков и баранов. Пока пригоняли оба стада, нас

попросили в комнату возле лавки и угощали чаем; но мы обошли

надворные строения, забрались в крошечный цветник, на огород,

пока дождались быков. Китайская медленность невыносима, и мы

теряли терпение.

Утомительно было бы рассказывать, как долго тянулись

переговоры при выборе двух быков и шести баранов. Наши рубли были

приняты по очень низкому курсу, и при этом быки обошлись по

17 рублей на серебро».

Эта покупка была единственной на протяжении всей экспедиции.

В этой же деревушке путешественников удивило отсутствие полицейских и чиновников.

Они уже привыкли к тому, что в каждом поселке, хотя бы из десятка домов, было по нескольку полицейских, а часто и чиновник с медным или белым шариком на шапочке.

* * *

Выше устья реки Хуланьхэ берега снова изменились. По обоим берегам Сунгари, насколько можно было обнять глазом, была видна только степь, испещренная озерами и лужами, оставшимися после большой воды. Луга поросли жесткой травой и камышом.

На местах несколько повыше, где не заливало водой, лепились хижины. Население привлекало сюда исключительное обилие рыбы. Иногда рыба шла косяками и попадала под колеса парохода.

У поселков на берегу обычно находилось несколько джонок и сушились сети. Леса нигде не было видно. Для топлива возле хижин были заготовлены большие скирды тростника.

Затем, постепенно, берега стали плоскими, покрытыми песчаными дюнами.

На этой плоской равнине в Сунгари впадает река Нонни. От их слияния образуется широкий водный простор. И выше Нонни картина остается такой же однообразной. По берегам на большом расстоянии — одни песчаные волнообразные дюны. При каждом наводнении, после каждой бури дюны перемещаются с места на место.

Для плавания это был один из самых трудных плесов.

Фарватер Сунгари стал очень капризным. Пароход, отыскивая его, часто останавливался, шел из стороны в сторону.

* * *

6 августа экспедиция добралась до главного города провинции — Бодунэ-Хотонь. Он был интересен тем, что тут впервые путешественникам удалось увидеть характерную китайскую архитектуру. По сравнению с Саньсинем город был очень своеобразен.

Высились башни с загнутыми кверху углами крыш, обнесенными низкой каменной стеной с башенками, с круглыми отверстиями для пушек. Это была своего рода крепость, которая, конечно, могла защитить только от армии, не имевшей оружия. Там и

сям на
фоне зелени выделялись пагоды!.
Приход «огненной лодки», как китайцы называли пароход,
привлек всеобщее любопытство. К пароходу подплывали джонки,
загруженные людьми доотказа. На берег высыпало все население.
Амбань провинции Бодунэ-Хотонь прислал любезные
приветствия экспедиции. Можно было бы воспользоваться
благосклонностью амбаня для более близкого знакомства с городом, бытом
и населением. Но приходилось торопиться дальше из-за быстрого
спада воды, и выйти в город не пришлось. В Бодунэ-Хотонь
решили зайти на обратном пути.
Скучная равнина, покрытая дюнами, продолжалась и выше
города километров на семьдесят. Опять появились трудные для
«Уссури» перекаты.
Пароход натыкался здесь на целый ряд нескончаемых мелей и
едва пробился сквозь них. Он шел без аварий лишь благодаря
искусству капитана и самоотверженной работе команды.
Река разлилась на два-три километра в песчаных берегах,
образуя множество островков, поросших тростником, на которых
всюду виднелись домики рыбаков.
Вошли в лабиринт протоков, при очень тихом течении
походивших на красивые садовые пруды. По берегам виднелись хижины
с небольшими огородами. Низкий наносный берег порос
небольшими вязами. На крутых берегах, на склонах холмов были видны
живописные слоистые обнажения глинистых сланцев и песчаников.
На склонах, в садах, лепились, как гнезда, хижины, а за ними
виднелись посевы проса и кукурузы и стояли стога скошенного
сена. Каждый клочок земли был распахан.
Население здесь было гуще, чаще попадались хижины под
вязами. Домашний скот лучше и крупнее, чем в низовьях.
Оживленно было и на реке. Груженные лесом, кадками и кирпичом
джонки то и дело попадались на пути парохода.

На этом плесе Кропоткин отметил первые предприятия сельскохозяйственной промышленности — водочные заводы.

С утра 8 августа пароход шел некоторое время среди низких заливных лугов, где Сунгари снова разбивается на протоки, но впереди уже издали были видны синеющие отроги зубчатых хребтов. Погода стояла жаркая. Днем пароход подошел к горам, которые обрывались у правого берега реки. Это был третий от устья хребет, который пересекала Сунгари.

«Местность с каждым шагом становилась все лучше, деревья чаще, но это не амурские дубняки, а раскидистые и растрепанные деревья, являющиеся на первом плане итальянских и вообще южных ландшафтов, — вспоминал Кропоткин. — По временам где-нибудь в углублении, между отрогами гор, под утесом гнездится чисто выбеленный домик, мелькающий из-под густой зелени. Река суживается до 200—250 саженей между подступающими отрогами гор. И далее один вид лучше другого. Сейчас прошли мимо одного чудного утеса. Внизу обнажения, над самой водою — ветлы.

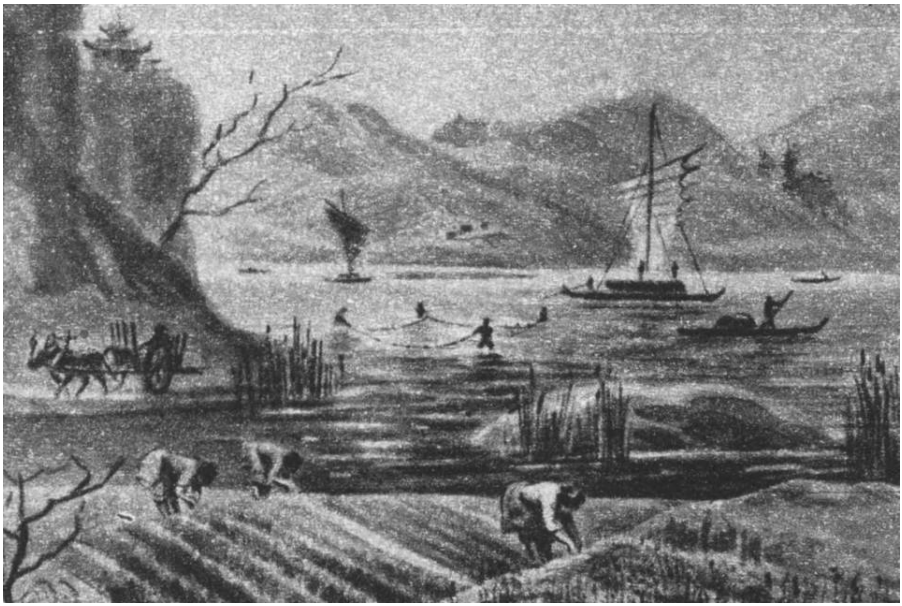
Далее крутой подъем, весь как ковром покрытый орешником (лещиной) и дубняком, на южной стороне отвесный утес, а за ним густая роща из огромных вязов».

Пароход «Уссури» остановился на ночь у склона горы, где стояли две хижины. В них жили два старика с небольшими семьями. Трудолюбие этих людей поразило Кропоткина.

«Удивительно, как много могут они обрабатывать земли, — пишет он, — тем более что на склоне в 25 градусов, конечно, приходилось работать или кайлом, или лопатой. Кроме посева проса и кукурузы, у них разработаны еще большие огороды.

Растительность великолепная: весь склон холма зарос густейшей травой, которой мы собрали довольно много образчиков. Все это перепутанное виноградом, с огромными, очень глубоко разрезанными пяти-лопастными листьями и многими вьющимися растениями.

Так и
пышет здесь теплом даже в девятом часу вечера. Среди густой
травы и папоротников поднимаются дикие сливы, яблони,
вишневые, жасминные и персиковые деревья. Овощи достигают
громадных размеров».
Богатство растительности было поразительное. «Словно кто
нарочно вел воды — десятками рукавов среди красивых садов»,
заканчивает Кропоткин описание этого уголка.
Когда вышли в дальнейшее плавание, река снова разбилась на
множество протоков. Фарватер путался в нескончаемом ряду
островов, отмелей, усыпанных галькой, среди которых река
шириной в полтора километра и глубиной около двух метров кипит
кругами и образует воронки.
Пароход с баржей не двигался на малом ходе: баржа
снималась с мели силой встречного течения. Пароход не слушался руля.
Дальше итти с баржей оказалось невозможным, и капитан
распорядился бросить якорь.
* * *
Вскоре от берега отчалила джонка и привезла на пароход
визитную карточку губернатора Бухтай-Хотоня.
. Опять начались настойчивые уговоры не ехать дальше.
Переводчик уверял, что губернатора нет дома, что до Гирина осталось
еще двести километров, что течение будет очень сильное и лучше
им бросить пароход и отправиться на лошадях до Бухтай-Хотоня,
где ждать разрешения на поездку. Но все эти заявления уже не
производили никакого впечатления: Кропоткин и его спутники
хорошо знали им цену. При проверке оказалось, что губернатор дома,
а до Гирина расстояние втрое меньше. В Бухтай-Хотоне сидел
совсем маленький амбань (губернатор), разрешение которого не



могло иметь никакого значения. Но самое главное — плохого фарватера оставалось только несколько десятков километров. Без долгих размышлений двинулись дальше. «Уссури» оставил баржу у ближайшей деревушки, взял топливо и пошел к Гирину.

Шли по извилистому фарватеру. Река сузилась до четырехсот-пятисот метров, сжатая горами, и везде была глубока. Часто попадались деревни, а еще выше шла вереница хуторов и деревень, за которыми были разбросаны пашни.

Стоял август. Пшеница начинала желтеть, наливались кукуруза и просо. По лугам бродили лошади, мулы, очень крупные ослы и прекрасный рогатый скот. По реке взад и вперед двигались джонки.

«Мы вступаем в область гор, сперва несколько песчаных, — пишет Кропоткин, — потом каменистых, представляющих наверху остроzубчатые очертания, местами выветривающихся и обсыпающихся горных пород. Эти беспорядочно нагроможденные горы то имеют вид отдельных небольших поднятий на высокой плоской возвышенности, то образуют ряды коротких цепей —одним

словом,

представляют нагроможденные горы высокой альпийской горной

страны. В рядах, ближайших к речке, только северные склоны гор

заросли лесом, зато дальнейшие ряды зеленеют темной густой

зеленью чернолесья. Южные же склоны прибрежных гор все

пестреют под пашнями. Трудолюбивый китаец в своем малоземельном

отечестве забрался даже на крутые скалы, не довольствуясь той

полосой в 5—7, иногда в 20 верст, которая осталась ему между

горами и рекой. Тут один за другим лепятся хуторки, как будто

оспаривая друг у друга право стоять поближе к водам прекрасной

реки. Больших деревень мало, но они начинают являться чаще (по

левому берегу с приближением к Гирину). Но эти хуторки,

зеленеющие там и сям по берегам реки, забирающиеся иногда на

склоны гор, где над всем царит высоко забравшаяся кумирня, все это

только украшает и без того красивый ландшафт. Что ни шаг, то

новый оживленный горный ландшафт, просящийся на бумагу, ио

пароход слишком скоро продвигается, и нет возможности

набросать хотя бы легкий эскиз».

Близ Гирина навстречу «Уссури» вышла флотилия из

четырнадцати джонок. На мачтах от верхушки до самой палубы

свешивались огромные лоскуты желтой и красной дабы (материи). Гребцы

джонок шумно и радостно приветствовали путешественников. Это

были китайские сплавщики джонок, знакомые русским по Айгуню.

Их приветливость была так не похожа на суровую встречу,

приготовленную властями Гирина.

В ГИРИНЕ

9 августа к вечеру показался на горизонте Гирин. Всех

охватило нетерпение поскорее попасть в город — конечный пункт маршрута. Гирин расположен на крутом берегу, среди отрогов хребта Чанбо-Шань, синеющего вдали высокими зубчатыми вершинами.

Вид этого города издали вызвал всеобщее восхищение. Гирии раскинулся амфитеатром вдоль реки на протяжении трех километров. Несметное количество домишек, построенных на столбах, подступало к самому берегу, дальше по склону гладкого высокого берега торчали башни и пагоды оригинальной архитектуры, со множеством завитушек и загнутыми кверху углами крыш.

Население города высыпало на берег встречать «огненную лодку». Люди сплошной стеной стояли на берегу и на спусках к реке. Над самой водой, на террасе, сооруженной на столбах и убранной цветами, расположилась купеческая аристократия Гирина. Чиновники бесцеремонно толкались, пробираясь в колышущемся море голов. Полицейские хлестали направо и налево палочками и кнутами по головам, расчищая себе дорогу. Толпа шумела, и на палубу «Уссури» доносился гул, напоминающий разворошенный пчельник.

Первая встреча с населением была явно дружественной и приятной. Но оказалось, что власти были так напуганы появлением незваных путешественников, что распорядились под разными предлогами не пускать участников экспедиции в город. Причиной этого, как впоследствии выяснилось, был слух о спрятанных в барже винтовках. Когда Кропоткин и его спутники хотели сойти с парохода и осмотреть город, им удалось увидеть только переулки возле самого берега, похожие скорее на грязные узенькие проходы между двумя рядами лавчонок. Дальше их, по распоряжению властей,

не пустили. Принять экспедицию у себя власти не захотели и осмотреть город не разрешили.

Еще более странно встретило экспедицию купечество. Когда пароход бросил якорь, то все купцы Гирина со всеми их служащими оказались на берегу, вооруженные огромными изогнутыми ржавыми китайскими мечами. Они получили их из старого арсенала.

Было такое впечатление, словно они собирались давать бой какой-нибудь шайке, прибывшей на пароходе с целью ограбить их лавки.

Пока участники экспедиции оставались на пароходе, в китайских лавках торговали, но как только Кропоткин и его спутники высаживались на берег, все лавки сразу закрывались: купцам было запрещено продавать им что-либо. Нельзя было купить никакого продовольствия. Через двое суток положение стало трудным, и если бы власти не присылали на пароход кое-какую провизию в виде подарков, отказавшись брать за них деньги, экспедиции пришлось бы голодать.

Ежедневно с утра являлись два переводчика, и участникам экспедиции приходилось разговаривать только с ними. Всему остальному населению общение с русскими было строго воспрещено.

Если бы целью экспедиции было установление дружеских отношений с Маньчжурией, то дело можно было бы считать провалившимся.

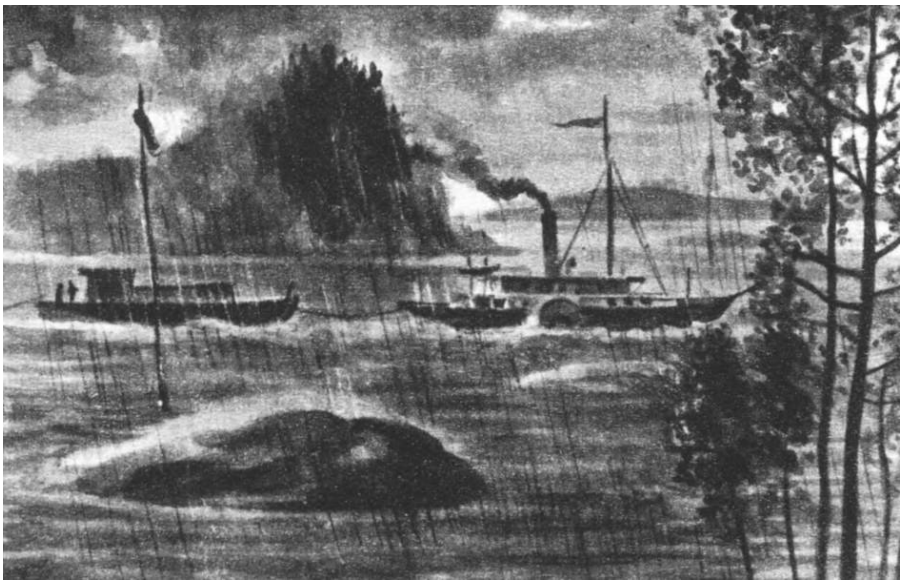
После такого приема экспедиции ничего больше не оставалось, как сняться с якоря в обратный путь.

Приближалась осень. Погода изменилась, начинались даже заморозки. Вода спадала. Нужно было торопиться, иначе был риск зазимовать на Сунгари. Китайские власти боялись этой зимовки больше, чем капитан парохода «Уссури», и они тут же снабдили экспедицию всем необходимым для обратного пути.

После двух дней пребывания в Гирине, ничего не добившись от местных властей, пароход «Уссури»)1 августа снялся с якоря

в
обратное плавание.
«Мы можем сказать только, — писал Кропоткин, — что
население в Гирине живет очень тесно и что в нем очень оживлена
торговая деятельность. Расспросы переводчиков о количестве
населения ни к чему не привели, так как китайцы старались скрыть
истину. Поэтому пока мы готовы принять цифру Кимай-Кима —
150 тысяч жителей — как довольно возможную».
В Гирине и его окрестностях на притоках Сунгари строилось
громадное количество джонок для торговли. Экспедиция
встречала их немало на своем пути.
И все-таки, несмотря на неудачи, отправляясь в обратный путь,
участники экспедиции чувствовали себя удовлетворенными.
Основная цель их путешествия была достигнута. Выяснилось,
что от впадения в Амур до самого Гирина река Сунгари вполне су-
доходна. Капитан парохода «Уссури» Васильев и его помощник
Андреев были особенно довольны: они сняли подробную
навигационную карту. На обратном пути карта давала им возможность
итти полным ходом. Вопрос о судоходстве на Сунгари от устья до
Гирина был решен положительно.
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ
Обратное плавание по течению шло несравненно быстрее. По
дороге «Уссури» забрал оставленную баржу. Но и тут не обошлось
все гладко. Вода быстро сбывала, и пароход 12 августа сел крепко
на мель. Пришлось заночевать. А за ночь вода еще сбыла, и встал
вопрос: не придется ли «Уссури» зимовать или ждать нового
паводка.
Выручило желание китайских властей избавиться поскорее от
незваных гостей. Из Гирина пришло предписание: во что бы то ни
стало снять пароход с мели. Прислали людей на помощь.
«Когда сотни китайцев стояли в воде, — писал Кропоткин, —
безуспешно работая стягами, чтобы сдвинуть пароход, я

соскочил в воду, схватил стяг и запел «Дубинушку», чтоб под ее звуки разом толкать пароход. Китайцам это очень понравилось, и при неописуемых криках их тонких голосов пароход наконец тронулся и сошел с мели. Это маленькое приключение установило между нами и китайцами самые лучшие отношения. Я говорю, конечно, о народе».



Потеряв два дня, «Уссури» двинулся дальше. Чтобы не рисковать снова сесть на мель, выслали вперед шлюпку на промеры и шли следом за нею. Как только шлюпка давала сигнал, пароход становился на якорь, и начинали искать путь в другой протоке.

Кропоткину это было очень наруку: он с товарищами спускался на берег и пополнял собранные коллекции.

За сутки прошли сорок пять километров и к вечеру 15 августа остановились на ночлег у водочного завода Нинюкен. Вокруг него во все стороны виднелись дымки хуторов и деревушек. Этот ночлег запомнился Кропоткину, и он так описывает пребывание на

заводе:

«К счастью нашему, на заводе не оказалось ни одного чиновника, ни одного полицейского, а потому приняли нас как нельзя лучше. Мы поднялись в гору мимо груды превосходной глиняной посуды (глиняных кадок) и вошли во двор, обнесенный плотным забором. Тут разбросаны были корыта и чаны, употребляющиеся при выделке водки... Благодаря отсутствию чиновников нам удалось хорошо купить водки, табаку и убедиться, до какой степени ласков и любезен становится китаец, когда над ним не висит плеть маньчжурского чиновника. Скажу только, что вид этой крытой галлереи в Нинюкэн, с ясным небом, при свете бумажных фонарей и огонька, над которым грелся чайник, среди любезных, хоть и немного слишком любопытных, зато добродушных, услужливых китайцев-работников, вероятно, у всех нас останется в виде приятного воспоминания. Поздно разошлись мы по домам, провожаемые китайцами с фонарями, и расстались друзьями, что никогда не удавалось в присутствии чиновничества».

Ниже пароходу пришлось итти прежним порядком, высылать вперед шлюпку для промеров, задерживаясь по временам на якоре. Но вода все спадала, и риск застрять все увеличивался.

Экспедиция пыталась пригласить китайского лоцмана, но власти не разрешили: они боялись, что лоцманы разболтают названия местностей и сообщат путешественникам нежелаемые сведения.

Неожиданно капитан Васильев и команда обнаружили на мелях и перекатах реки палки с пучками камыша или соломы. Оказалось, эти судоходные знаки были поставлены по приказу властей, которые боялись, как бы русские не зазимовали на Сунгари. Благодаря

этим «бакенам» пароход благополучно обошел мели и спустился
вниз.
Экспедиция познакомилась с рыбными богатствами Сунгари.
По всей реке сновали паруса рыбацких джонок. Куда ни бросишь
взгляд, всюду были видны рыбаки, тянувшие сети и неводы. На
отмелях повсюду сушились сети.
Но самое интересное зрелище представляла рыба. Она шла
массами. Ее было видно издали по множеству чаек, которые
носились над водой и выхватывали свои жертвы. Когда «Уссури»
пересекал такую стаю, рыба бросалась во все стороны, прыгала из
воды, и много ее гибло под колесами парохода.
Первые дни погода была превосходная, теплая, и плавание
было приятным. Затем полил мелкий холодный дождь. Несмотря на
судоходные знаки, опасность зазимовать становилась все более
возможной. Вода не переставала спадать. Провизии на пароходе
было только на несколько дней, а купить ее на берегу не
удавалось из-за запрета властей.
Приходилось торопиться, плыть, не останавливаясь, мимо тех
мест, где Кропоткина соблазняли или обнажения горных пород,
или исследования рельефа.
«Наконец добрались мы до Бодунэ, где в прежний путь нас так
хорошо принимали, — писал Кропоткин. — Тут, думали мы,
закупим провизии и тогда можем итти не спеша, если внизу вода
будет хороша».
Но расчеты не сбылись, и тут их опять встретили чиновники.
Путешественники должны были вернуться на пароход ни с чем и
плыть дальше.
Очень помогла на обратном пути глазомерная карта, которую
они сняли по пути вверх.
23 августа «Уссури» уже был на Амуре и бросил якорь у
станицы Михайлово-Семеновской. Все трудные места, на которых они

застревали в низовьях, теперь, при пользовании картой, промелькнули, как в панораме.

«Прошли, ни разу не севши на мель, не заходя никуда и даже, к великой радости маньчжурского начальства, не побывали в Сань-

сине», писал Кропоткин.

* * *

Все плавание продолжалось месяц и два дня. Оставалось подвести итоги. Они оказались более значительными, чем Кропоткин думал вначале.

Прежде всего, экспедиция установила, что Сунгари от устья до Гирина пригодна для судоходства на небольших паровых судах, с мелкой осадкой.

Затем на Сунгари были определены четыре астрономических пункта. Это давало возможность создать географическую карту реки и ее берегов.

О своей геологической коллекции, собранной им на Сунгари, Кропоткин в своих отчетах не пишет, считая ее слишком бедной.

Метеорологические наблюдения, сделанные в течение месяца, были ценны для суждения о местном климате во второй половине лета.

«Вот все результаты, добытые нашей первой, быстро пронесшейся по Сунгари экспедиции, — писал Кропоткин, — Нам остается только пожелать, чтобы, при всей их незначительности, они могли быть хоть сколько-нибудь полезными для будущих исследований».

Путешествие это оказалось для Кропоткина и его спутников нелегким. На обратном пути Кропоткин к тому же еще заболел лихорадкой.

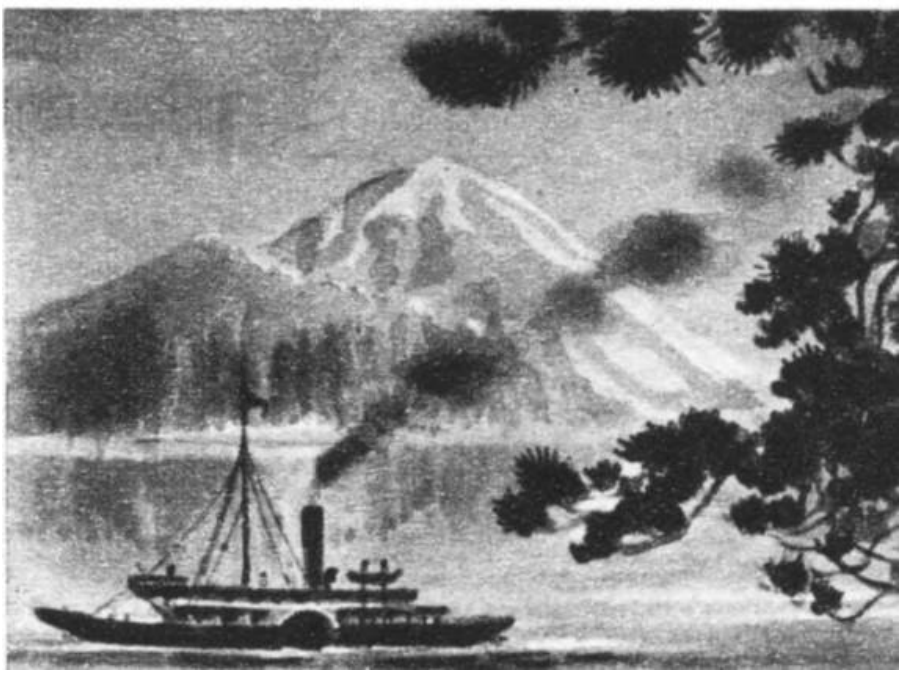
Но ничто не могло остановить молодого, неутомимого путешественника-исследователя.

Возвратившись на Амур, он почти без отдыха отправился в новое плавание по этой же реке.

* * *

Кропоткин и астроном Усольцев напечатали отчет о второй экспедиции в VIII книге «Записок Сибирского отдела Географического общества» (Иркутск, 1865). Отчет Кропоткина, объединяющий обе экспедиции, называется: «Две поездки в Маньчжурию в 1864 году».

В 1890 году, когда начались работы по изысканию трассы Маньчжурской железной дороги к Тихому океану, географы разыскали отчеты и карты, составленные экспедицией Кропоткина.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ОЛЕКМИНСКО-ВИТИМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Еще в детстве, в Москве, на Воробьевых горах и в Сокольниках, Кропоткин видел огромные валуны — обкатанные гранитные камни в два человеческих роста. Его учитель, студент Смирнов, рассказал ему тогда, что эти гранитные камни оторваны от гор Финляндии или Скандинавских гор. Древнее море покрывало некогда весь север Европы и России. Море отрывало якобы от конца ледников ледяные глыбы, как отламывает их и сейчас от ледников Гренландии. Эти ледяные глыбы плавали, как и сейчас плавают айсберги в Атлантическом океане.

Когда глыбы льда таяли, то валуны, которые лежали на них, падали на дно моря. Долго странствуя на льдинах по древнему морю, валуны попадали и на север Европейской России и Азии.

Любимый учитель Кропоткина, Николай Павлович Смирнов, студент Московского университета, прочел эту теорию у английского геолога Ляйеля.

Но вот еще в самом начале своих путешествий по Сибири у Кропоткина зародилось сомнение в правильности этой теории. Море не могло покрывать тех обширных сибирских пространств, на которых также встречаются и мелкие и крупные валуны из обкатанных гранитов. Под ними и вокруг них совсем нет характерных

морских отложений — известняков и песчаника. Наоборот, всюду были
ледниковые отложения глины и пески, разнесенные реками и
притоками при оттаивании ледников; на глинах лежали бесчисленные
мелкие и крупные валуны и обкатанная галька.

Летом 1865 года Кропоткин отправился в Саянские горы, к юго-
западу от Иркутска. Из путешествия он привез много материалов,
также подтвердивших его сомнения в правильности теории Ляйеля.

«Поездкой я доволен, — писал он брату. — Вот так гольцы
удалось посмотреть! Лазили мы на очень неважные, впрочем «а
несколько сотен футов/выше верхнего предела растительности
(куполовидные), зато на них для меня ясны следы ледников. Большие
плоскости, совершенно гладкие, и борозды — некоторые указания
на бывшие здесь когда-то ледники. Материалов для обоснования
ледниковой гипотезы накопляется много, преимущественно
геологических».

Постепенно у Кропоткина складывалась новая теория,
объясняющая происхождение и распространение ледников, которая
подтверждалась его новыми наблюдениями и исследованиями.

Ледник при движении ломает на своем пути всякие преграды
и неровности, тащит за собой обломки горных пород, трет и
крошит их.

Трение льдов, обломков, камней и песка постепенно сглаживает
неровности долины ледника, обтачивает шероховатую поверхность
и закругляет в бугры. Ледник проходит по земле, как гигантский
рубанок, он дробит, обтирает камни и превращает их в валуны
и песок.

Места, по которым веками ползла ледяная масса,
превращаются в ряды полированных бугров — «бараньих

лбов». Ледник
глубоко режет горные породы обломками камней, которые вмерзли в
него. От этого на горах образуются большие борозды, как будто
проведенные плугом. На Саянах Кропоткин находил много следов
такой работы ледников: обточенные гольцы с округлыми
вершинами, бесчисленные борозды на скалах — следы штриховки
ледниками.
Все это убеждало его, что здесь много веков назад были
грандиозные ледники вроде тех, которые покрывают сейчас
Гренландию.
Путешествия 1863—1865 годов уже дали молодому исследова-
телю большой материал для его смелой гипотезы о ледниковом
периоде в истории Земли. Каждый новый факт, подтверждавший
зародившуюся у него гипотезу, Кропоткин встречал с восторгом. Он
испытывал великое счастье большого и важного географического
открытия.
Совсем недалеко, считая по сибирским масштабам, от места
постоянной службы Кропоткина, от Иркутска, лежит обширный
край между Ленскими золотыми приисками и городом Читой на
реке Ингоде. Этот край простирается примерно километров на
тысячу двести — тысячу пятьсот с севера на юг. Оказалось, что этот
край почти не исследован. Кропоткин заинтересовался этой горной
страной и решил во что бы то ни стало там побывать. Экспедиция
в этот край могла дать молодому исследователю новый большой
материал для его смелой гипотезы о ледниковом периоде.
Исследуя Восточные Саяны, поднимаясь на высоты и перевалы,
он получил также много новых материалов о строении

горных
систем Восточной Сибири. Теперь он настойчиво стремился в новое
путешествие через гольцы и тайгу. Эту экспедицию он назвал
потом Олекминско-Витимской. Ему казалось, что она внесет новое
в понимание рельефа Азии.
Его надежды впоследствии оправдались: действительно, это
путешествие дало много интересных наблюдений, и у Кропоткина
зародились новые идеи о строении материка Восточной Азии. Он
развил их в своей книге «Об орографии ' Восточной Сибири», а под
конец жизни считал этот труд своей главной заслугой перед
географической наукой.
* * *
Стремлению Кропоткина отправиться в неизвестный обширный
край мешала одна беда: у него не было средств для этого
путешествия. Казенной командировки он получить не смог. Тогда он
предложил снарядить экспедицию ленским
золотопромышленникам. Для них она имела практическое значение. Между Ленскими
золотыми приисками и городом Читой тогда не было не только
дорог, но даже охотничьих троп. Охотники-звероловы туда не
ходили. Сообщение с золотыми приисками было только по реке
Лене. Все продукты доставляли туда летом во время навигации:
хлеб, мясо, сахар, соль, крупу, мануфактуру. К тому же Лена
в верховьях несудоходна. Доставка продуктов на прииски всегда
была очень трудна и обходилась дорого.
Когда Кропоткин предложил золотопромышленникам
проложить путь по новой трассе, они мало поверили в успех
предприятия. Сибирский отдел Географического общества в Иркутске по их
просьбе уже в течение пяти лет отправлял из Читы экспедиции, но
они еще не закончили исследовательских работ. У
генерал-губернатора, у его штаба, у промышленников и" у

членов

Географического общества создалось представление о непроходимости гор и тайги,

расположенных между Забайкальем и Ленскими приисками.

Но, пожалуй, это обстоятельство только еще больше возбудило

задор молодого исследователя.

Здесь, в этих мало исследованных местах, он хотел проверить

возникшее у него предположение о строении и направлении горных

хребтов Восточной Сибири, не совпадавшее с принятым

географами.

Кропоткин разузнал подробности путешествий в эти места

своих различных предшественников и выяснил, что они обычно

начинали свой путь из Читы и шли к северу, в направлении на Ви-

тимские и Олекминские золотые прииски. Они встречали на пути

горные хребты, преграждавшие им дорогу; перевалив через один

хребет, встречали другой, а за ним видели новые параллельные

дикие горные хребты... Они выбивались из сил и возвращались,

усталые, измученные, обратно в Читу.

Кропоткин сделал доклад в Сибирском отделе Географического

общества, в котором утверждал, что все его предшественники

делали в этом вопросе одну и ту же ошибку: они шли от Читы к

Ленским приискам, с юга на север, из более теплого и населенного

края в труднопроходимые, неисследованные места. По его мнению,

надо было разрешать задачу иначе: построить маршрут обратно —

с севера на юг. Наиболее трудную, наиболее утомительную часть

путешествия надо сделать со свежими силами и с более обильными

запасами — итти от Ленских приисков к Чите. Его доклад произвел

большое впечатление. Предложение было принято, и

золотопромышленники согласились предоставить все необходимые для экспедиции

средства.

* * *

С ранней весны 1866 года Кропоткин стал готовиться к

путешествию. Он пересмотрел все материалы, бывшие в иркутских

архивах, в Географическом обществе и у золотопромышленников, но

достоверных сведений об этом крае оказалось очень мало. На

картах этот район был показан белым пятном.

Для такого рискованного и трудного предприятия очень важно

было собрать группу хороших, надежных спутников. Прежде, во

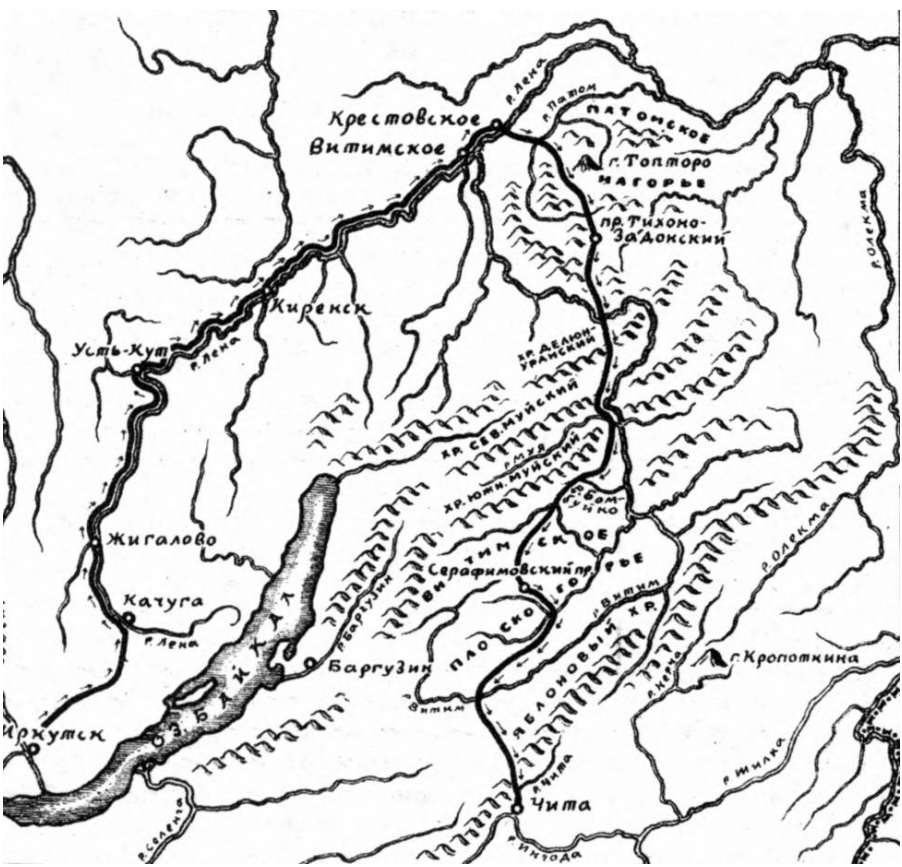


Схема маршрута Олекминско-Витимской экспедиции Кропоткина.

время всех своих странствований по Сибири и Дальнему Востоку,

Кропоткину приходилось одному вести всю научную работу. Теперь

у него появился молодой способный помощник и друг — И. С.

Поляков, народный учитель. Родом он был из бедной семьи

забайкальских казаков,

Кропоткин познакомился с ним еще за три года до экспедиции,

когда Полякову было всего шестнадцать лет. Кропоткин оценил

его ум, способности, энергию и помог ему подготовиться к работе

зоолога и ботаника в экспедиции.

Затем с Кропоткиным в экспедицию собрался еще один моло-

дой человек, военный топограф П. И. Мошинский, чтобы вести

топографическую съемку пути. Кропоткин уже успел хорошо

сработаться с ним по службе. Важно было иметь в экспедиции еще

и местного человека, энергичного сибиряка со связями, знающего

обычаи, людей и близкого к золотопромышленникам. Таким в

экспедиции Кропоткина оказался доверенный сибирских

золотопромышленников — читинский купец П. С. Чистохин. Его участие

в экспедиции оказалось очень ценным. Чистохин взял с собой двух

эвенков из Забайкалья, чтобы в будущем ходить с ними и

гонять гурты скота из Читы в Олекму, если удастся проложить этот

путь.

Эвенки оказались хорошими проводниками. Они вели караван

по звероловным тропам, в которых никто, кроме них, не мог

разобраться.

ПЛАВАНИЕ ПО ЛЕНЕ

Маршрут экспедиции начинался из Иркутска по почтовому

тракту до селения Качуги в верховьях реки Лены, дальше — по

реке Лене до села Крестовского, затем — на вьючных лошадях до

Тихоно-Задонского прииска, оттуда — до Серафимовского

прииска,
а затем — по неисследованным местам на юг, в Читу,
9 мая 1866 года Кропоткин выехал из Иркутска, а 10 мая был уже в селении Качуге, от которого Лена судоходна. Здесь и собрались все участники экспедиции. Для них была заготовлена небольшая баржа, или, по местному названию, «паузок», с плоским дном и небольшой осадкой. Баржу нагрузили всевозможными товарами и продовольствием для приисков и для торговли по пути в селениях на берегах Лены.
Чистохин обо всем умело позаботился. Погрузка прошла благополучно. Сборы в Качуге заняли всего два дня.
14 мая ранним утром паузок отчалил от берега, чтобы плыть по течению.
Кропоткина очень радовало предстоящее путешествие.
Плавание по сибирским рекам со сплавом он уже испытал, а Лена привлекала его не меньше, чем Амур. Подробного описания Лены в географической литературе тогда еще не было, и Кропоткин поставил себе задачу — составить его. С помощью топографа Мошинского и Полякова он намеревался создать карту Лены, ее берегов и притоков, определить возможно большее количество астрономических пунктов, собрать геологическую, ботаническую и зоологическую коллекции и дать описание селений, их быта и экономики.
Молодой путешественник, как всегда, с неистощимой энергией и энтузиазмом повел свои исследования. Работал он безустали. В то же время он не забывал и наслаждаться природой.
«Как прекрасна эта вечно живая река со своими вечно катящимися волнами! — писал он. — Одна волна сменяет другую, при каждом новом взмахе весло опускается в новую струю воды, а между тем кажется, что река одна и та же».
От Качуги до Жигалова паузок делал в сутки по течению тридцать-сорок километров, а то и меньше. Случалось, команда

баржи зазевается — и на мелководном плесе баржа сядет на мель или
ее прибьет к берегу. Приходилось сталкивать паузок шестами.
Иногда садились на мель так прочно, что товары с баржи
сгружали на берег и стаскивали ее с мели, запевая «Дубинушку».
Если бы Кропоткин плыл без дела, такое путешествие могло бы
ему быстро надоесть. Но для него все непредвиденные остановки
были наруку. Тут же он и его друг Поляков соскакивали в лодку,
плыли на берег и «обшаривали утесы», собирали голыши,
откалывали образцы горных пород и возвращались на паузок с богатой
добычей.
Ни часу не пропадало у них зря. У каждого селения паузок
подчаливал, и начиналась торговля мукой, сахаром, чаем, крупой,
мануфактурой, иголками, нитками и всякой мелочью. Кропоткин
в это время изучал быт населения. Его расспросы касались всего,
он ничего не упускал.
Кропоткину было тогда всего двадцать четыре года, но он
носил почти до пояса окладистую русую бороду. Она должна была
внушать населению и матросам уважение и почтение. Вместе с
тем он обнаруживал совершенно мальчишескую живость и
подвижность. Он прыгал с баржи на берег или с баржи в лодку, как
школьник, почти бегом носился по берегу, лазил по деревьям,
карабкался по скалам. Окружающие глядели на него с
недоумением. Он притаскивал на паузок мешки каких-то камней, древесных
веток, трав, костей животных. От него не отставал его товарищ —
Поляков. Вечерами и ночами они приводили все это в порядок,
укладывали, расклеивали надписи, сортировали, а с раннего утра
опять начинали наблюдения и сборы коллекций. Молодые

ученые
трудились до изнеможения.
Отношения с командой у Кропоткина были самые
дружественные. Во всех трудных случаях он вместе с матросами принимался
за работу, наваливался на весла, отталкивался на перекатах
шестами, выгружал товар на берег — словом, работал не хуже их,
и это вызывало общее расположение к нему.
Паузок то несло течением мимо скал и берегов, которые каза-
лись интересными и могли дать что-то новое молодым
исследователям; ю, наоборот, застревал довольно подолгу в местах, где не
было ничего любопытного. После двух-трех таких вынужденных
остановок Кропоткин и Поляков решили сойти с паузка и взять
лодку, чтобы в ней плыть от Жигалова до Киренска. На этом
плесе Лена уже широка и глубока. Перекатов и отмелей нечего было
опасаться, и это позволяло им свободно вести геологические,
ботанические и зоологические наблюдения. Лодку можно было
останавливать где угодно.
Почтовые лодки на Лене были большие, приспособленные для
перевозки пассажиров и клади. Они шли на веслах, а при
попутном ветре на них ставили паруса. Средняя часть у них с
перекрытием, под которым можно укрыться от непогоды и солнца.
Кропоткин и Поляков пересели на лодку и, меняя в каждом
поселке гребцов, быстро поплыли вниз по Лене.
В ночное время, когда не было луны и нельзя было понять, где
они плывут, спутники, чтобы не сбиться с фарватера, не угодить в
протоку или не сесть на мель, обращались к Кропоткину со
странной, казалось бы, просьбой:
— Петр Алексеевич, полай пожалуйста!
Кропоткин лаял — собаки на берегу ему отзывались. Сидевший
на руле прислушивался, узнавал селение, мимо которого они
плыли, и успокаивался. Значит, не сбились с фарватера, и плыли

благополучно дальше. А Кропоткин снова налегал на весла.

Лаять Кропоткин научился еще в корпусе, когда его посадили однажды в карцер за организованный им протест против порядков, заведенных инспектором пажеского корпуса полковником Джи-радотом.

В темном карцере, где он просидел неделю, его взяла тоска. Он перепел все песни и романсы, какие знал, и ему пришло в голову, чтобы как-нибудь развлечься, научиться собачьему лаю. Он лаял за маленьких и больших псов, изображал, как собаки дерутся, как они подвывают, и это очень искусно у него получалось. Казалось бы, что в этом полезного? Но, как вспоминал потом с улыбкой Кропоткин, «всякое знание, всякий навык и искусство в жизни могут пригодиться».

При таком плавании, без обычной на паузке суеты, можно было отдаваться и поэтическим настроениям, которые рождала река, и углубляться в мысли, которыми была переполнена тогда голова исследователя. Этой части своего плавания Кропоткин посвятил в своих воспоминаниях самые поэтические страницы.

Лена именно на этом плесе, от Жигалова до Киренска, исключительно красива и живописна. Великая сибирская река прорезает ПО горный хребет, ее скалистые берега величественно нависают над водой, над ними еще выше встают причудливые пики (по местному названию — «щеки»), их пересекают пади и ущелья. Необычен и цвет скалистых берегов: яркие розовато-красные оттенки выделяются на фоне зеленых и лиловых тенистых углублений.

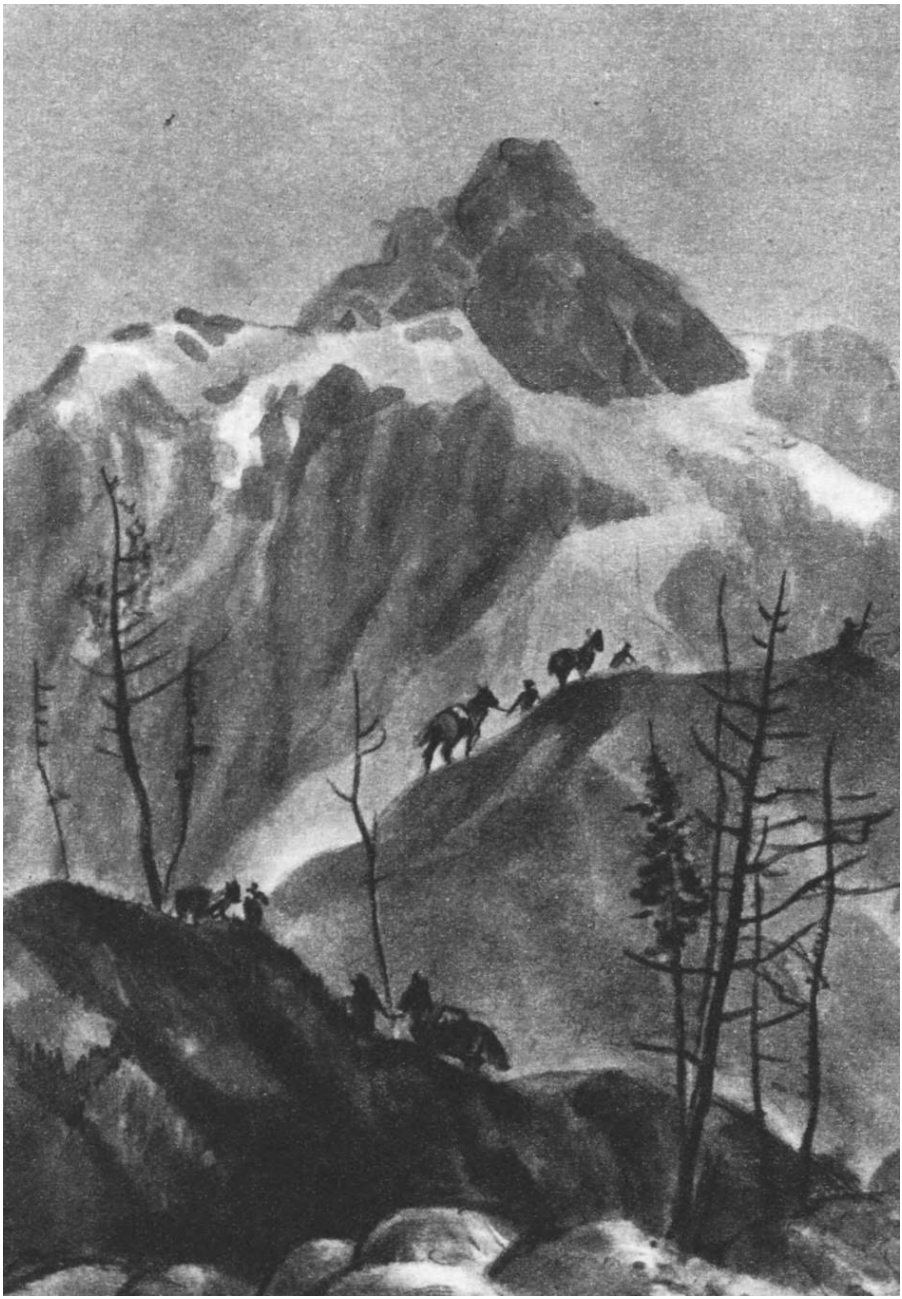
Так они плыли в почтовой лодке до селения Усть-Кут, где им пришлось задержаться. А дальше они ехали то верхом, то в лодке. Двигались днем и ночью, чтобы догнать паузок, который ушел

далеко вперед. Приходилось торопиться — время было дорого.

Экспедицию от Ленских приисков до Читы надо было провести до заморозков, а на это нужно было затратить при благоприятных условиях не менее трех месяцев.

Помимо исследовательской работы, Кропоткин занимался по дороге ради заработка еще литературным переводом с английского геологии Педжа для одного журнала. С материальной стороны во время экспедиции лично Кропоткин был совсем не обеспечен.

«Здесь страшная дороговизна, — признавался он в письме к брату, — решительно жить нечем, да и платье плоховато. Одним словом, в деньгах крайняя нужда».



И дальше: «Переводится очень медленно, исправил очень мало.

Впрочем, главы две есть готовых, но сегодня упаковать не успею,

уже рассвело совсем. На-днях, впрочем, допишу и сдам где-нибудь

ниже Киренска».

Плыть дальше на лодке у Кропоткина нехватило денег. От вознаграждения за проведение экспедиции, как предлагали ему золотопромышленники, он принципиально отказался.

Пришлось опять пересесть на паузок, на котором он спустился от Киренска до впадения в Лену реки Витима, где расположено село Витимское. Тогда село это было очень невелико, но своеобразно. Возвращаясь с золотых приисков, рабочие — «приискатели» — попадали в витимские кабаки и пропивали все, что зарабатывали. Во многих домах были кабаки. Часть населения жила спаиванием промысловых рабочих. Это был совсем особый, замкнутый мирок, в котором осели всевозможные «пауки», содержатели притонов.

Здесь Кропоткин впервые познакомился с жуткой картиной быта золотоискателей и их хозяев, которых он называл «маслопузами».

Картина эта буквально потрясла его. Он долго не мог опомниться. Из Витимского он попал в село Крестовское, на правом берегу Лены, в пятидесяти километрах ниже устья Витима.

В Крестовском была контора и жила администрация приисков.

Но и здесь был тот же быт и те же нравы, если еще не более жуткие, чем в Витимском.

Тут Кропоткину с товарищами пришлось перепаковать все снаряжение и с паузка перегрузиться на вьючный караван, с которым они и отправились в центр золотых приисков того времени — в селение Тихоно-Задонское.

Маршрут Олекминско-Витимской экспедиции Кропоткина начался из центра «маслопузского владычества», как он называл тогда Ленские золотые прииски.

ЧЕРЕЗ ПАТОМ С КОЕ НАГОРЬЕ

Плавание по Лене заняло двадцать четыре дня — с 10 мая, когда Кропоткин с товарищами приехали в селение Качугу, до 5 июня, дня выезда экспедиции из Крестовского верхом на

лошадях
в направлении Патомского нагорья.
Уже в окрестностях Крестовского Кропоткин нашел много
следов древнего оледенения — валуны и борозды, — которое, как он
предполагал, покрывало Восточную Сибирь. Вместе с Поляковым,
пока шла перегрузка на вьючный караван, он сделал большую
экскурсию и собрал много образцов и материалов,
подтверждающих его ледниковую теорию.
«Ну-с, — писал Кропоткин в те дни своему брату, — добрались
мы до Крестовского, кончили, следовательно, плавание. Мы здесь
уже 4 дня, а я почти не выхожу из дому, раз только ходил до
ближайших обнажений, — все сидел и писал. Настрочил листах на
трех письмо в отделение, исправил остатки Педжа и написал на
6 листах письмо для «Биржевых ведомостей»...»
Работоспособность Кропоткина была удивительна. В те дни в
Крестовском он уже составляет первый отчет о своем плавании в
отделение Географического общества. Одновременно исправляет
свой перевод книги Педжа и пишет корреспонденцию в одну из
столичных газет.
Но и в кипучей повседневной работе он глубоко страдает
оттого, что у него нет достаточных теоретических знаний, что он при
всей глубине и остроте мысли все-таки еще географ-самоучка.
А тут еще непрестанная крайняя нужда в деньгах, мешающая
сосредоточиться на исследовательской работе.
«На умственном труде далеко не уедешь, — писал он, — а на
физический, кажется, и подавно плоха надежда. Выход, по-моему,
для всех нас один — умственный труд. А чтобы быть сильным
конкурентом, надо учиться, учиться и учиться, легче будет
бороться».
Однако долго задерживаться в Крестовском не приходилось.
Кропоткин и его товарищи по экспедиции сели на лошадей и
5 июня отправились по вьючной тропе на Тихоно-Задонский

прииск.

Надо было проехать около двухсот семидесяти пяти

километров по таежной дороге, которая была едва заметна. Экспедиция

прошла ее в течение восьми суток.

Не будь Кропоткин в зависимости от практической цели

экспедиции — найти прямой, короткий путь от золотых приисков до

Читы, молодой географ задержался бы в этих местах на месяц, а

может, и на все лето.

Но средства на экспедицию дали золотопромышленники,

которых совсем не интересовали научные открытия, и это вынудило

Кропоткина торопиться.

Геологические исследования в этом районе дали такой богатый

материал, что окончательно убедили молодого Кропоткина в том,

что господствовавшая в то время в геологической науке теория

оледенения неверна. Как установил молодой географ, область,

которую они прошли здесь по золотоискательской тропе, оказалась

высоким нагорьем. Это нагорье Кропоткин назвал Патомским, по

имени самой большой реки — Большой Патом, которая пересекает

его.

Вот как он описал этот путь:

«Глухая, молчаливая тайга, альпийская горная страна с ее

северным колоритом, с ее бешено ревущими пенистыми реками,

блестящими гольцами, глухими темными падями и ослепительными

наледями мало-помалу проносилась перед глазами. Рано утром

уже звонко раздавались в тайге десятки крупных и мелких

колокольчиков, которыми обвешана каждая крупная коренастая бойкая

якутская лошаденка, оседланная рослым, плечистым,

молодцеватым конюхом. К 11 часам мы добирались до одинокого

зимовья, с его одиноким сторожем, и через несколько часов снова
шли дальше, чтобы к вечеру добраться до следующего такого же
одинокого зимовья. К вечеру 12 июня мы уже прошли 250 верст
и были на Тихоно-Задонском прииске. Через месяц по выезде из
Иркутска мы добрались, таким образом, до исходной точки
предстоящего путешествия...»

Как ни скор был таежный переход, но он был весьма
поучителен. «Поднявшись с Ленской плоской возвышенности, изрезанной
глубокими долинами Лены и ее притоков, до хребтов,
опоясывающих плоскую возвышенность с юго-востока, мы пересекли здесь
первый, крайний член обширной горной страны, разостлавшейся на
350 верст в ширину, вдоль всей северо-западной окраины высокого
Витимского плоскогорья».

Следующее за ним, Патомское нагорье представляет горную
область, поднятую в среднем на высоту больше тысячи метров.
Отдельные вершины на ней поднимаются до тысячи пятисот
метров. Таежным жителям была давно известна одна из самых
высоких здешних вершин очень характерной формы. Эта вершина
называется Топторо. Кропоткин считал ее самой высокой на Патом-
ском нагорье. Она поднимается над берегом реки Кевкаты и
главенствует над окружающими гольцами. Поднявшись на нее,
Кропоткин определил ее высоту — свыше тысячи пятисот метров.

Поднимаясь на вершины гольцов Патомского нагорья и измеряя
их, Кропоткин видел перед собой целые ряды таких же горных
вершин, которые уходили далеко к югу. С виду они походили на
волны бушевавшего и застывшего каменного моря.

Между гольцами были глубокие и узкие долины — пади. Они

темнели густым лесом. На дне падей с шумом текли быстрые и
бурные речки.
Патомское нагорье размыто в разных направлениях ручьями,
речками и большими реками, которые разработали себе глубокие
долины, а между ними остались округлые вершины гольцов. На
гольцах не только не растет лес, но вообще нет никакой
растительности. На их склонах не держится снег, и они стоят
обнаженными и летом и зимой. Все же долины и пади заносятся очень
глубокими снегами.
Снега падают лавинами на дно падей и скопляются там. Ручьи
и речки промерзают до дна, и в падях крупных рек образуются
мощные наледи, многие из которых успевают растаивать лишь к
концу лета.
В июле, когда экспедиция Кропоткина шла в глубоких и узких
падях, встречались наледи до шести и более метров
толщиной. Трудно было итти по этим наледям каравану. Часто
приходилось двигаться вдоль падей и долин. Лошади скользили и, вместе
с тяжелыми вьюками нередко падая на льду, ранили себе ноги.
Их приходилось поднимать с большими усилиями. Движение по
наледям было так трудно и местами рискованно, что Кропоткин
предпочитал вести караван вместо льда по самой реке, жестоко страдая
от холодной воды.
Нагорье, расстилавшееся перед глазами путешественников,
было высоким. Буквально на каждом шагу Кропоткин натыкался на
множество валунов и других ледниковых отложений. Молодой
географ-исследователь спрашивал себя, каким образом в этой
горной стране, на высоте более тысячи метров, могли оказаться эти
валуны, а еще выше — бесчисленные глубокие борозды,

проделанные на склонах падей. И на этот вопрос твердо и решительно от-

вечал себе: конечно, здесь были мощные ледники, оставившие эти

валуны при движении льдов вниз по склонам долин и падей и

проделавшие эти борозды на склонах камнями, вмерзшими в дно

и бока ледников.

ч Кропоткин видел в некоторых падях и на склонах гольцов

Патомского нагорья подтверждение своей гипотезы о

существовании огромного ледяного покрова в геологическую эпоху,

предшествовавшую нашей.

Он убедился, что грандиозный и мощный ледник покрывал всю

область Патомского нагорья. Предположительно он решил, что

такие же мощные покровы льда были и в соседних областях Азии

и, вероятно, Европы. Было несомненно также, что после

образования Патомского нагорья на нем не было моря: тут не

встречалось ни малейших следов морских отложений.

Ледники когда-то покрывали огромные пространства на

материках Северного полушария, в Азии покрывали равнины Западной

Сибири, горные хребты Забайкалья, северо-восточную Сибирь и

распространялись по равнинам России до пределов Воронежской

области и северной Украины.

Эта теория Кропоткина о ледниковом периоде тогда была

совершенно новой и смелой в геологической науке.

Вторая идея, которая волновала КрЬпоткина на Патомском

нагорье,— это расположение и направление хребтов Восточной Азии.

Он неутомимо, как и во всех других своих экспедициях, сам

измерял высоты. Как известно, он определил высоту больше семисот

точек. Лазил для этого по горам, взбирался на гольцы,

поднимался на перевалы.

Позднее, при обработке материалов экспедиции, у него

сложилось свое представление о расположении горных цепей Восточной

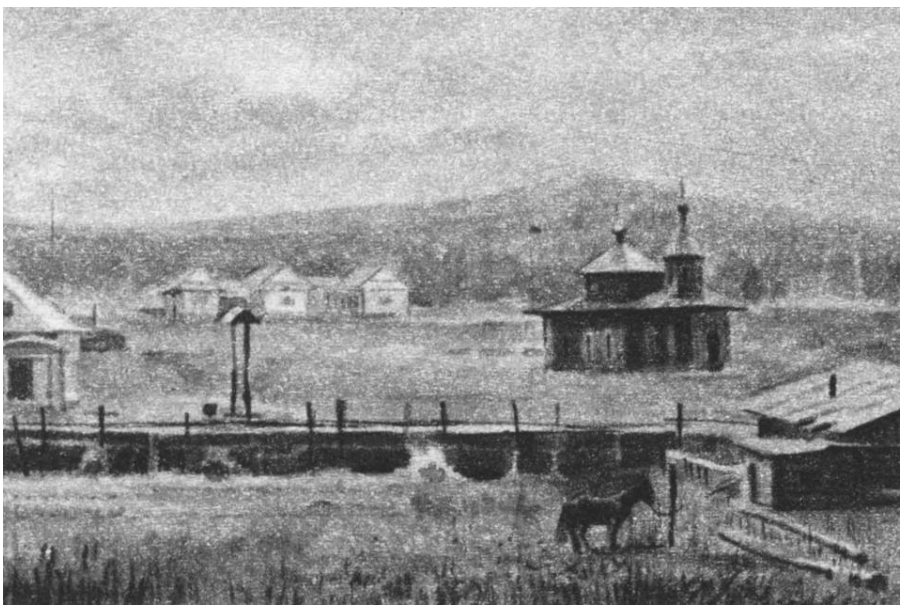
Азии.

Но все эти открытия и новые теории давались ему нелегко, рождались в муках сомнений и были результатом упорного труда.

* * *

Наконец путешественники добрались до Тихоно-Задонского прииска, откуда начинался самый ответственный участок маршрута.

Пока производились последние сборы и хозяйственные приготовления на Тихоно-Задонском прииске, Кропоткин имел время изучить положение рабочих. Он познакомился со многими из них, беседовал, волновался, думал о том, что можно для них сделать.



И даже создал наивную теорию разрешения рабочего вопроса посредством организации промысловых рабочих артелей. Эта его теория была несостоятельной, но сделанное им описание положения рабочих золотых приисков на Лене сохранило историческую ценность.

Кропоткин описал свои наблюдения и впечатления о Тихоно-Задонском прииске в письме к брату Александру. В нем он

обращался и ко всем своим друзьям:

«Тихоно-Задонский прииск, 17 июня 1866 г.

Пишу теперь вам, господа, с приисков, из самого центра «маслопузского» владычества. Вот где вдоволь можно каждый день насмотреться на порабощение рабочего капиталом, на проявление великого закона уменьшения вознаграждения с увеличением работы!

Управляющий работает часа три в день, ест прекрасную пищу от хозяев, а рабочий в разрезе1 стоит в дождь, холод и жар с четырех часов утра до одиннадцати и с часа до восьми — итого, следовательно, 14 часов в день, на самой тяжелой мускульной работе кайлом, лопатой и ломом, получая гроши. Воскресений нет, одежда и пр. вычитается из жалованья, а стоимость огромная.

Первый получает в год тысячи, второй — сотню с небольшим. Другие стоят наготове, чтобы выманить деньги по выходе рабочего с прииска, спаивают его, у пьяного ночью все вытащат, и т. д., и т. д.

И ругают еще этого рабочего. Нашего брата запряги на 3—4 месяца в такую работу, лиши всего, давай только необходимое время, чтобы выспаться, не давай ни одного дня отдыха, лиши возможности напиться, забыться — что бы мы надурили?

А нужно видеть работы. Поляков видел рабочего в шурфе, на четверть в воде неподвижно стоящего, в то время как другие отливали воду; не сразу понял, что это человек, — и это хоть летом, но на высоте 3000 футов, под широтой 59 градусов, в Азии; следовательно, можешь себе представить, как холодно бывает к вечеру.

Сегодня множество сиплых рабочих после 4-дневных дождей...

И если не выработает урок — сейчас вычет. 3 человека должны вырубить кайлом и ломом и накласть 62 тележки, а 4-й увезти их. Якуты, как более слабое племя, не в состоянии этого

сделать...»

Картины порабощения и жестокой эксплоатации рабочих не переставали с тех пор волновать Кропоткина.

И во втором письме с приисков он снова писал брату:

«Тихоно-Задонский прииск, 27 июня 1866 г

Пишу вам последнее письмо из жилых мест, через 2 дня отправляемся в экспедицию; наняли вожаков до реки Муи, а там посмотрим — может быть, пройдем в Читу, может быть, доведется тащиться в Баргузин. Последнее время я провел большею частью дома, писал для Сибирского отдела, между прочим опять о следах ледникового периода, которых я все ищу здесь. Неужели климатические условия Европы и Америки не распространялись на Азию, которая в тот период не могла быть под водою, судя по некоторым данным? Через час пришлось итти с молотком разбивать каменья.

Еще когда ум работает, возникают вопросы — ладно, а простое описание (при всем сознании пользы такого описания) заставляет порядком зевать. Впрочем, экспедиция тем отчасти хороша, что не дает времени задумываться о своем положении. Только что остановились — снова куча работы: повесь барометр, термометр, а тут еще и есть хочется, потом надо разбирать собранные породы, вписать их в каталог, наклеить ярлычки и прочая механическая работа, а затем дневник надо писать, а тут ко сну клонит, не выспался в течение 5 часов. И так весь день... на механическую работу сколько времени уйдет, — необходимо держать все в порядке, а то через десять дней такая каша будет, что ничего не разберешь.

Поэтому я усердный проповедник порядка в дороге; не то Поляков — сравнить со мной в беспорядочности нельзя, — у него вечно «Мамай воевал».

И так иногда несколько дней подряд, не успеваешь

опомниться.

Не знаю, полезна ли такая жизнь, но я по нескольку раз в день

иногда повторяю себе: «В Питер непременно, будь что будет».

Весело ли хоть теперь быть нахлебником у этих маслопузов, жить на

их краденом хлебе? Конечно, езди я хоть от Сибирского отдела —

ведь такие же были бы деньги, — все же хоть легче было бы, но

утешаешь себя тем, что без помощи капитала наука не могла бы

двигаться вперед: какая наука могла бы существовать на деньги

исключительно трудовые теперь, при теперешнем распределении

богатств? А без науки и пролетарию никогда не выбиться, но лучше

сознавать себя таким же пролетарием, хотя и с умственным

капиталом, которого он не имеет, лучше искать такой работы, от

которой польза была бы прямее, — искать, потому что кто может

поручиться, что его работа будет именно такою...

...Только та деятельность, которая направлена либо на прямой

подрыв капитала, либо на расширение способов к его подрыву и

увеличению жаждущих этого подрыва, — только эта деятельность

и должна бы, по-моему, быть полезною, следовательно и

нравственною, в настоящее время, когда этот вопрос на очереди».

Это признание было выражением глубокого убеждения

Кропоткина. Оно и определило его дальнейшую жизнь.

* * *

Сборы на Тихоно-Задонском прииске заняли девятнадцать дней.

В эти дни Кропоткин вместе с Поляковым успели съездить за

сорок километров, на Вознесенский прииск и еще на один соседний с

ним, и собрали большой материал для изучения геологии края.

Конечно, при этом Кропоткин не упускал из рук и общее

руководство сборами.

В окрестностях Тихоно-Задонского молодой географ занялся также изучением разрезов и глубоких выемок прииска. Он исследовал ледниковые наносы. Повсюду он видел множество валунов и бесчисленные борозды или шрамы в горных породах, оставленные древними ледниками. Находил их и в долинах, лежащих тут на высоте до двух тысяч двухсот футов.

От Кропоткина не отставал и Поляков. Он собрал и описал таежный птичий мир и составил гербарий.

Кропоткин вместе со своим младшим другом измеряли температуру воздуха, атмосферное давление, и в результате их месячных метеорологических наблюдений стало впервые возможным определить климат этих мест в летнее время.

Доверенный ленского товарищества Мельников и купец Чистохин взяли на себя все хозяйственные заготовки. Экспедиция снаряжалась не казной, а промышленниками. Они оказались более щедрыми. Мельников и Чистохин заготовили для Кропоткина все, что только он требовал.

Снаряжение на этот раз было, по словам Кропоткина, «роскошным», невпример казенным командировкам и экспедициям. В приисковых магазинах нашлось все необходимое.

Вот как эту «роскошь» описывает сам Кропоткин:

«Наше снаряжение было не только широкое, но даже богатое, С нами не было взято, правда, абсолютно никакого лишнего предмета роскоши, во многих отношениях мы даже стеснили себя до последней крайности. Но зато ржаных сухарей, спирта и подков у нас было вдоволь. Сухарей было столько, что их хватило бы на три, в случае нужды — на три с половиной месяца; несмотря на все подмочки (вьючные сумы были немного маловаты), мы могли впоследствии, когда случалась нужда, не только полакомить, но

даже подкормить хлебом наших 50 вьючных лошадей. Двускатные

монгольские палатки оказались просторными и великолепными.

Бывало снизу насквозь промочит подстилку из лиственных или

кедровых ветвей и втрое сложенный войлок, а сверху едва-едва «бусит».

Пороху и свинцу имелось достаточно, чтобы расположить в свою

пользу целый десяток тунгусских 1 семей. Но все, что хоть сколько-

нибудь напоминало собой предмет роскоши, как сахар, крупа,

масло, одежда и отчасти даже вяленое мясо, было ограничено до

самых скромных пределов...»

Основное снаряжение экспедиции представляли ржаные сухари.

Кропоткин взял их тысячу триста килограммов, к ним добавил

двести пятьдесят килограммов сушеного мяса и очень скромный

запас масла и круп. И все-таки багажа набралось две с половиной

тонны.

С таким громоздким багажом надо было совершить без всякой

дороги или даже тропы, прямо через тайгу и гольцы, переход

примерно в тысячу двести километров по меридиану, с севера на юг,

от приисков в город Читу.

Надо было подобрать надежных и опытных людей для ухода за

конями. Были взяты те, кто сам очень хотел ехать и кого Мельни-

ков и Чистохин хорошо знали. По предложению Кропоткина,

каждый конюх взял для себя своего любимца-коня. Это впоследствии

сказалось на успехе экспедиции.

Наконец долгие сборы были закончены, «окрестные места

изучены, лошади подобраны, вьюки пригнаны. Но перед дорогой

Кропоткину оставалось еще одно ответственное дело — наметить маршрут,

и не просто по меридиану и компасу, а применительно к местности,

по которой предстояло итти.

СКВОЗЬ ТАЙГУ

В экспедициях всегда важно представлять себе ясно путь по

карте. Но никаких карт без белых пятен на этом пространстве не

было, и Кропоткин совершал в известном смысле «выход в

неизвестностью

Кропоткин расспрашивал всех золотоискателей, беседовал со

всеми приходившими на прииск эвенками-охотниками, которые

здесь запасались свинцом, порохом и припасами. Но точных

сведений о крае получить не мог.

Незадолго до выступления каравана один из эвенков-охотников

принес ему карту, вырезанную им на бересте. Вместе с этим

эвенком Кропоткин изучал ее во всех мельчайших подробностях и

сравнивал с тем, что он видел в окрестных местах и по дороге

из Крестовского. Карта показалась ему достаточно достоверной.

Он решил руководствоваться ею, ы эвенка взял вожаком

каравана. '

Эвенк был безграмотен, и. конечно, никаких обозначений или

названий на карте не было. Разобравшись в ней, рассмотрев на ней

направление рек и водоразделов, Кропоткин был очень доволен.

От эвенка он узнал и названия, которых на карте не было.

«Эта берестяная карта, — писал Кропоткин, — так поразила

меня своей очевидной правдоподобностью, что я вполне доверился ей

и выбрал путь, обозначенный на ней от Витима к устью большой

реки Муи».

Наконец 2 июля 1866 года экспедиция Кропоткина тронулась с

Тихоно-Задонского прииска.

Много народу вышло ее провожать. Но настроение у

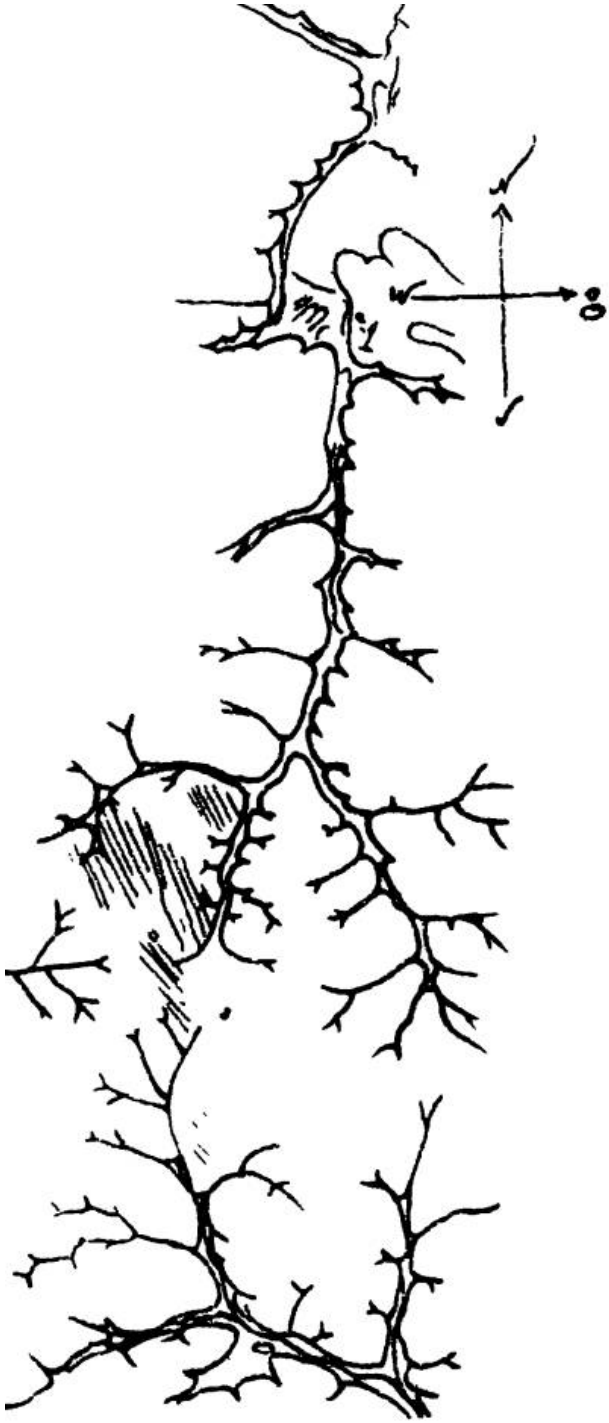
провожающих было невеселое: родные вздыхали и не надеялись, что

путешественники достигнут своей цели, едва ли придут в Читу. Скорее

или вернутся усталые, изможденные, или, может быть — кто знает! — даже погибнут. Так казалось родным, приятелям, людям со стороны. Но участники экспедиции не разделяли этих тревог и опасений. Они были уверены в успехе, как верил в него Кропоткин:

свою уверенность он сумел внушить
всем спутникам.
Кто-то пытался отговорить
Кропоткина выступать в дождливый
день, а он отшучивался и говорил,
что, по английской поговорке,
выступать в путешествие всегда следует в
дождь, потому что он может
прекратиться.
На самом деле причина спешки
была другая. Дожди лили нещадно
уже несколько дней, а
путешественникам предстояло перебраться
через реку Вачу. Через день-два река
от дождей должна была непременно
вздуться. Да и вообще нельзя было
терять ни одного дня.
Под мерное бряцанье колоколь-
чиков якутских лошадей экспедиция
растянулась длинным караваном. Он
состоял из десяти всадников; один-
надцатый (второй вожак-эвенк)
должен был присоединиться к
каравану позже, на реке Витиме.
Снаряжение распределили на вьючные
тридцать четыре лошади, по два
вьюка на каждую. Шесть лошадей
шли порожняком.
Трудности похода начались в
первый же день выступления.
«Непривычные к упряжке
лошади старались сбросить свои
довольно громоздкие вьюки, путались,
забегали за деревья и даже сваливали
вьюки. Конюхи на бодрых лошаденках, обвешанных десятью-пятна-
дцатью колокольчиками, начиная от большого почтового и

кончая
игрушечным, кричали, ругались и выходили из себя, чтобы
заставить своих пять-шесть лошадей, привязанных одна к другой,
вытягиваться приблизительно в одну линию. Глядя на эту живую
змеевидную полосу, растянувшуюся по меньшей мере на полверсты,
можно было предвидеть, что трудов будет предстоять много на
нашем тысячеверстном неведомом пути, но что мы выходим с
такими залогами успеха экспедиции, что, наверное, уже не воротимся
в Олекминскую тайгу из-за
истощения провианта», вспоминал
Кропоткин.
Сразу же по выходе с Тихоно-
Задонского прииска попали на
«тунгусскую тропу». Эта тропа повела
караван вдоль пади вниз по реке
Нейгри,
Вот как это описывал Кропоткин:



Карта на бересте.

«В тайге нельзя

отлучиться в сторону от тропы или от
следа... Отлучки в сторону хоть на
версту были просто невозможны...
Мы шли большею частью тропою; но
тунгусская тропа в большинстве
случаев значит то, что в пятидесяти-ста
саженях одно от другого
надломлено деревцо или на его коре сделана
крошечная затесь. Никто из нас,
русских и бурят, никогда не мог
разглядеть этой тропы. Раза два,
сбившись со следа и подавая понапрасну
ружейные сигналы, забившись
наконец в такую трущобу, откуда
лошадь едва могла выбраться в
целости, седок предоставлял лошади
искать караван, а сам шел сзади,
держась за хвост, — мы уже

Что изображала берестяная карта.

спарились

спарились с И. С. Поляковым и отставали
вместе: он дожидался меня, когда я
выламывал образец из обнажения.
Я дожидался его, когда он шел,
подкрадываясь к птице...»
Конечно, при таких условиях дело не обходилось без приключений.
«Казалось бы, — писал Кропоткин, — какая есть возможность потерять след каравана, состоящею из пятидесяти лошадей? Но
пятьдесят лошадей проходили, приблизительно одна за другою, по
мягким подушкам ягелей; ягели пригибались, а через полчаса все
принимало прежний вид, и не раз случалось, что мы измучивали
себя и лошадей, ездя и ходя по лесу и болоту, отыскивая след; а не
то лошадь завязнет в какой-нибудь канаве, а через полчаса самых
ярых усилий наши соединенные силы все-таки оказываются недостаточными, чтобы ее вытащить, а когда это наконец удавалось, то
оказывалось, что караван ушел за версту или за две».
В таких случаях путешественники бросали поводья, а сами шли,
держась за хвосты лошадей, и те выводили их к каравану,
согласно сибирской поговорке: «лошадь при своем деле умнее
человека».
Тропа привела к берегу реки Малый Чепко, где росли только лиственницы и ягель. Караван шел, утопая в нем по колено, вдоль
реки, по ее прямой пади. Очень скоро пропала и «тунгусская тропа». Кропоткин и его спутники были предоставлены самим себе и
компасу, да еще чутью вожаков-эвенков и якутских лошадей.
Караван шел по глухой, бескрайной тайге.
Местами деревья росли так часто, что приходилось прорубать дорогу топором. Это было трудно, утомительно и очень замедляло
движение. Кропоткину стало ясно, что пробиться таким образом
через тайгу на протяжении нескольких сот километров

невозможно.

Каждый раз, когда экспедиция попадала в такие заросли, он поворачивал ее по склону пади, с тем чтобы выйти к вершинам гор, на гольцы, и вел караван по местам, где не было ни лиственниц, ни кустарника.

Но и в таких местах двигаться было нелегко. Нередко попадались каменные осыпи, на которых из-под копыт лошадей сыпались камни, а иной раз вся осыпь вдруг начинала двигаться, и был риск быть погребенным каменной лавиной.

Другая беда в движении по гольцам — это моховые болота и топи. На каменных россыпях лошади ранили себе ноги, а были случаи, что и ломали их. Таких лошадей приходилось пристреливать. В болотах и трясинах лошади выбивались из сил и падали.

И все-таки по гольцам продвигаться было легче, чем в тайге.

Выручали выносливость и приспособленность к тайге якутской лошади.

Путешествуя по тайге, степям и горам Сибири, Маньчжурии и Дальнего Востока, Кропоткин высоко оценил качества якутской лошади. Он считал, что она незаменима в путешествиях, где нет дорог и никаких троп, где нельзя иметь проводников. Часто единственным способом выбраться из трудного положения было предоставить выбирать направление самой лошади. Впереди нет ничего, кроме тайги. По компасу можно определить только общее направление движения. Деревья так часты, что, кажется, нет никакой возможности пробраться среди этой гущи леса. Между тем якутская лошадь своим острым глазом пронизывает чащу и точно определя-ет, где деревья стоят реже, и уверенно идет и проходит между ними. Бывали случаи, когда лошади, забравшись в чащу, застревали, казалось, в непроходимых дебрях. Тогда они начинали

пятиться
назад, вылезали в более свободные места и уверенно шли дальше.
В пути, когда где-нибудь, даже вдалеке, находилось человеческое
жилье, о котором никто не знал, лошади своим чутьем отыскивали
к нему путь.
На вид якутская лошадь неказиста; у нее голова маленькая
сравнительно с животом, который всегда выпячен, так как она
питается только подножным кормом или сеном и совсем не знает овса
и других сильных кормов. Ее неприхотливость к еде поразительна:
она может есть, когда нет травы, побеги ивы, осоку и болотный
хвощ. Выносливость ее совершенно исключительна. Сильные
морозы, непрерывные дожди, болота в лесах, где ее жалит
бесчисленное количество насекомых, — все она преодолевает с
замечательным терпением и выдержкой. Она негодна только для перевозки
тяжестей, но небольшой вьюк или человека в седле она может
тащить неутомимо на огромное расстояние при самом незавидном
корме и в любую погоду.
Кропоткин привыкал к лошадям, которыми пользовался в своих
экспедициях, всегда заботился и сам ухаживал за ними. В
дневниках и письмах он много раз восхвалял якутскую лошадь, как
ничем не заменимую в путешествии по тайге и горам.
Чтобы попасть на Витим, надо было пересечь много падей
и подняться несколько раз с гольца на голец. И неизвестно, где
приходилось труднее лошадям — в падях или на гольцах. При
спусках с гольцов в узкую глубокую падь нужно было поддерживать
лошадей, так как они то и дело падали или застревали в густой
тайге. При подъемах приходилось тоже трудно: лошади
карабкались, как кошки, сгибаясь и горбясь, держа голову у

земли,

цепляясь животами за камни, выбиваясь из сил, задыхались, ранили

ноги.

Это было начало путешествия. Впереди тянулись бесчисленные

гряды новых гольцов, нескончаемые каменные пади, тайга и

болота.

«Безлесные скалистые вершины, покрытые желтыми пятйами

ягелей и ослепительно белыми снеговыми полями, перемежаются

с глубокими падями, сплошь заросшими хвойными лесами. Лесная

чаща местами совершенно непроходима. Бурелом и валежник на

каждом шагу преграждают путь. В такой тайге не водятся даже

животные и птицы. И только на самом дне пади журчит таежная

речка, нарушая своим журчаньем таежную тишину.,. На вершинах

гольцов Ленско-Витимского водораздела, имея перед глазами

панораму диких серых голых скал, путник чувствует, как его

поглощает неодушевленная природа — мир безмолвных, диких и

однообразных скал. Не только голос случайно залетевшей сюда птицы,

но даже и слабый звук выстрела звучит чем-то чужим среди этого

безмолвного царства каменных масс. Самая буря не в силах

поднять здесь шум, и безмолвный ветер давит, теснит своим напором,

беззвучно леденит кровь в жилах случайно забредшего сюда

человека... Напрасно пытались немногие смелые кедры внести иную

жизнь в это мертвое царство; напрасно изгибались их медленно

нараставшие крепкие стебли, ползком забираясь на каменные кручи:

они вымерли вместе с одинокими и заболевшими лиственницами...

В этом море каменных скал прижились только самые

неприхотливые растения, которые ютятся среди каменных осколков и

лишь изредка пользуются щедротами скупого и неласкового солнца...»

На гольцах ночевать нельзя: слишком холодно по ночам. Даже в июльский день здесь иногда выпадает снег. Кропоткин рассчитывал двигаться так, чтобы к вечеру караван оказался непременно в глубине пади у ручья или реки, в тайге, где можно развести костер, вскипятить чай, сварить кашу.

Эти спуски для лошадей с вьюками были еще труднее, чем подъемы: и лошади и люди выбивались из сил.

Бывало караван спустится, остановится в пади, и на него тут же набрасывается туча комаров и мошек. В тайге их больше десятка видов. Они следуют за караваном, стоят столбами-тучами над головами людей, над лошадьми. Но это еще полбеды. А стоит остановиться, как они осыпают всех таким густым слоем, что нельзя разглядеть масть лошадей. Лицо, руки, шея — все покрывается «гнусом», как сибиряки зовут мелких жалящих насекомых.

Страшно было остановиться даже на минутку днем, а ночью гнуса еще больше — так и облепят всего.

И вот, как только караван останавливался на ночлег, все бросались за валежником, сушняком для костра, чтобы дымом спастись от досадного гнуса.

Костры были высокие, жаркие; сухие деревья ставили в форме шалашей, и горели они ярким, большим пламенем. Оно полыхало выше верхушек лиственниц. Для дыма сверху на костры накидывали лапник — зеленые ветви елей. Легкий ветерок тянул вдоль пади и расстилал понизу дым. В этом было спасение от комаров и мошек. Лошади выстраивались головами к костру и отдыхали. Отдышавшись, они начинали кормиться хвощом и папоротником.

Людям приходилось труднее.. Они сначала хлопотали у
лошадей— развьючивали их, укладывали и укрывали вьюки на случай
дождя; возились у костра, прилаживали котел над ним; разбивали
палатки. Но вот и для людей наступал блаженный час отдыха.

В большом ведре вскипал чай, в котле был готов кулеш из крупы
и сушеного мяса...

Как бы трудно ни приходилось днем в пути, молодость брала
свое. Отдохнув, насытившись и согревшись у костра, все начинали
шутить, принимались сушить обувь и одежду, которые иной раз

были насквозь мокрыми при переходах через речки или под дождем. Тут же часто затягивали песню. Обычно запевал Кропоткин.

С первых же дней пути составился небольшой, но стройный хор.

Пропадала усталость, и начинались бесконечные рассказы и воспоминания.

Кропоткин строго следил, чтобы все во-время расходились по палаткам и ложились: всем надо было восстановить силы, необходимые в пути. И лагерь сразу стихал. Все засыпали, едва успевая склонить голову к подушке седла, которое служило изголовьем.

Под бок подкладывался войлок от потника, а под него настилались ветки.

Один Кропоткин не сразу ложился спать. Он приводил в порядок собранные за день горные породы, укладывал их, наклеивал ярлыки, писал дневник.

Наступало утро, и лагерь оживал. Солнце еще не успевало подняться над высокими склонами гор, а в пади, где ночевал караван и где еще лежала густая тень, опять разводили едва тлевший к утру костер, варили кашу, кипятили чай. Надо было наесться на целый день.

Внимательно и заботливо вьючили лошадей, чтобы в пути они не натерли себе бока, седлали верховых коней и выступали.

Почти каждое утро повторялось одно и то же. Начинали путь по склону пади, где ночевали, шли вверх, чтобы взобраться на гольцы и выше полосы леса итти по ним, а потом снова спуститься в новую падь, а за ней опять лезть на гольцы и снова спускаться с них.

На подъемах конюхи не раз начинали ворчать: «Ну вот, опять полезли прошение господу богу подавать!»

При спусках было не легче, и у кого-нибудь невольно срывалось: «Вот, снова полезли в преисподнюю!»

Лошади с ногами, наболевшими от острых камней, едва

плелись, шатаясь из стороны в сторону. Несмотря на побои седока или
погонщика, они забивались в тальниковую чащу, лишь бы только
дать отдых на минуту наболевшим ногам.
Спутники Кропоткина сдружились в пути и терпеливо
переносили все тяжести путешествия. Было немало таких дней, когда во
время перехода все силы тратились на передвижение и
исследователям не удавалось собирать научный материал.
Как и предполагал Кропоткин, наиболее трудной оказалась
первая часть пути. Уверенность в успехе путешествия не оставляла
Кропоткина. Он с каждым днем все больше убеждался в
правильности избранного направления — движение с севера на юг, в места,
где нельзя было остаться без пищи.
Очень помогала карта на бересте. Она оказалась совершенно
верной; значит, экспедиция выйдет по ней к берегу реки Муи, где
будет корм для лошадей и хорошая охота на зверей. И там весь
караван отдохнет и запасется новыми силами для дальнейшего
движения. Теперь трудно даже представить себе весь риск путешествия
Кропоткина. Только его опыт, точный расчет, выдержка, уменье
воодушевлять и внушать доверие к себе привели экспедицию к
благополучному концу.
Еще в самом начале путешествия, измучившись в топях на
одном из протоков, по которым шел караван, конюхи так приуныли,
что задумали бросить караван и вернуться. Они уговорились
дойти до реки Витима, там сколотить плот и спуститься ночью на
нем к селу Витимскому на Лене. Но потом их взяло сомнение, что
без Кропоткина, пожалуй, они могут пропасть, а он-то непременно
выведет их по своему пути. Кропоткину они признались в этом
позже, когда благополучно добрались до Читы.

Дорога к Витиму была невероятно тяжелой. Непрерывно
приходилось заботиться, чтобы лошади не разбегались по лесу, не
забивались в топь и не бросались в чащу. Кропоткин и Поляков
работали наряду со всеми, но поскольку искусство вьючки лошадей
Кропоткину не совсем удавалось, то он только развьючивал их и
считал своей обязанностью разбивку и сборку палаток. А это было,
пожалуй, самое трудное. Когда останавливались на ночлег, все
были такими усталыми, измученными да иной раз и продрогшими,
что иногда тут же ложились на землю, подложив под голову
жесткое седло.
Кропоткин устраивал всех спать в палатках. И ему и Полякову
в эти дни было уже не до научных исследований. Ни собирать
камни и растения, ни ловить птиц не приходилось.
В самые трудные дни путешествия Кропоткин следил только за
тем, чтобы Мошинский вел топографическую съемку мест, где они
проходили, чтобы в крайнем случае можно было по ней вернуться.
Что бы ни случалось, но все верили, что Кропоткин обязательно
выведет их к жилым местам.
* * *
Как только позволяли условия, Кропоткин вел научные
наблюдения. Вместе с Поляковым он не раз шел на отчаянный риск.
Нельзя не удивляться их мужеству, выдержке и находчивости.
В одном из писем Кропоткин делился с братом впечатлениями
об этом трудном путешествии:
«Витим, устье Тиники, 10 июля 1866 г.
Пишу тебе с берегов Витима; мы уже 9 дней в походе и с
грехом пополам выбрались сюда. Теперь мы идем себе помаленьку и
прошли уже ПО верст, следовательно V" пути. Путешествие наше

незайидное: во-первых, дорогой страшно утомляет безделье, нужно

6—7 часов ехать, и ничего не видишь, нет никакого разнообразия,

не над чем подумать, лес да лес и лес, да грязь, да мох. Наконец

последние дни, видя, что вожак ведет нас не хорошо, лупит

тунгусской оленьей тропой, не разбирая грязи, я, обязанный заботиться

о благополучном исходе экспедиции, должен был поехать с

вожаком выбирать места... Невесело, скучно, безделье, никакого

умственного труда.

Раз как-то рано пришли на привал, а горных пород я не собрал,

писать почти нечего, я мог приняться за Сегена, с полчаса читал

среди разговоров в палатке — какое тут чтение. К тому же разные

мелкие неудовольствия: топограф ворчит что-то, другие тоже, что

работы много и что топограф ничего не делает. Теперь я принялся

сам развьючивать коней, ставить палатку и проч. Все же

облегчение конюхам, да и другие меньше ворчат и немного больше

делают. Поляков зато — утешение, единственный человек наш,

поговорить с ним можно иногда, когда у него дела меньше. Впрочем, ему

дела много, пожалуй больше, чем мне. Вообще все бы это ничего,

я не огорчаюсь нисколько мелкими неприятностями, улаживаю их

и т. д. Скучно, что время даром идет и привыкаешь целые дни

ничего не делать, — не знаю, может быть дальше будет "интереснее,

а то едешь несколько дней, даже, например, обнажений не видишь,

а кругом в тайге ужасное однообразие».

В хорошие дни двигаться было еще не так трудно. Но в

Восточной Сибири ясная погода в горах долго не держится. Не р,едко ду-

ют шквалистые ветры, приносят грозовые облака, которые

проливаются ливнями, или — еще хуже — собираются плотными серыми

тучами, облегают, как ватой, гольцы и пади и сыплют, как из сита,

непрерывным дождем — и днем и ночью.

Первая половина пути до Витима прошла при сравнительно

хорошей погоде. Дожди бывали недолгие. Но скоро свинцовые

тучи закрыли все небо. Полил долгий, непрерывный дождь. Тяжело

и неприятно под дождем, но это еще полбеды. Главная беда в том, что в такие дожди в горных реках начинаются паводки.

Ручьи и речки, которые раньше, почти не замечая, можно было

переходить по щиколотку или по колено, начинают вздуваться, и

каждая переправа грозит опасностью.

Было трудно разыскивать брод. Лошади погружались по брюхо

или даже сбивались с ног быстрым потоком. Вода перекатывала

огромные валуны, громыхая ими по дну.

Еще хуже и опаснее было, когда разбушевавшийся поток

прорывал на своем пути какую-нибудь преграду и несся высоким

валом. Попасть в такой паводок значило погибнуть.

Дождь лил несколько дней подряд. Но Кропоткин не

останавливал своего каравана: длительные задержки в пути могли истощить

запасы продовольствия. Нельзя было останавливаться и потому,

что у людей могла ослабеть воля и экспедиция не добралась бы до

Читы.

В один из таких дождливых дней караван спустился, как

всегда, на дно пади и заночевал на берегу небольшой таежной

речушки, на большой песчаной отмели. Кропоткин предусмотрительно

поставил палатки под яром, на береговом откосе, где было хоть и не

совсем удобно, но зато метра на два выше отмели и менее опасно.

Не успели путешественники уснуть, как вдруг раздались

страшные крики. Это кричали люди, разбуженные гулом реки. С

бешеным ревом неслась по дну пади вода. Плыли вырванные с корнем

огромные лиственницы, кусты, масса бурелома и сушняка. Со

склонов с шумом валились каменные осыпи.

Спутники Кропоткина в панике метались и кричали. Он

выскочил из палатки и в полной тьме сразу попал по колено в воду.

Проводники-эвенки и конюхи-казаки в растерянности ничего не

предпринимали. На счастье, палатки на косогоре были пока еще

выше воды. Кропоткин приказал немедленно перетаскивать

провиант и палатки наверх, на вершину яра, и бросился первый

спасать продовольствие. Это было очень трудно: ноги вязли в глинистом грунте, тяжелые вьюки с сухарями и крупой уже намокли, ремни выскальзывали из рук. Люди падали, выбивались из сил, но все-таки в течение нескольких часов все вещи перетащили на высокий яр. На рассвете с высокой площадки было видно, что откос, где экспедиция ночевала, уже залит водой.

Река «играла», как говорят сибиряки. Вода прибывала, река ре-вела и неслась с сокрушающим бешенством. Если бы Кропоткин не заставил всех работать, то река унесла бы весь багаж, может быть и лошадей; могли бы погибнуть и люди.

В таежных реках и глубоких падях Восточной Сибири такие явления нередко бывают после долгих, и обильных дождей. Реки эти начинаются в тундровых болотах на гольцах и плоских местах, заросших ягелем. Есть места, где ягель расстилается на десятки километров и впитывает в себя огромное количество воды, так что

образуются настоящие, большие, невидимые озера. Огромные пласты ягеля задерживают воду этих озер, образуя как бы плотину или берега. И вот к концу мая, когда к усиленному таянию снегов прибавляется еще вода от сильных и долгих дождей, эти озера переполняются, прорывают берега, и вся масса воды срывается в таежные пади.

Реки вздуваются, вода в них поднимается валом; она то образует на своем пути запруды, то срывает их, несясь вниз бешеным огромным паводком.

Кропоткин объявил дневку. Провозившись до позднего вечера с припасами, караван спокойно переночевал на своем яру еще одну ночь, пока река не унялась, пока на дне пади вместо грозного потока не остался снова небольшой ручеек, мирно журчащий между камнями.

ЧЕРЕЗ ГОРНЫЕ ХРЕБТЫ

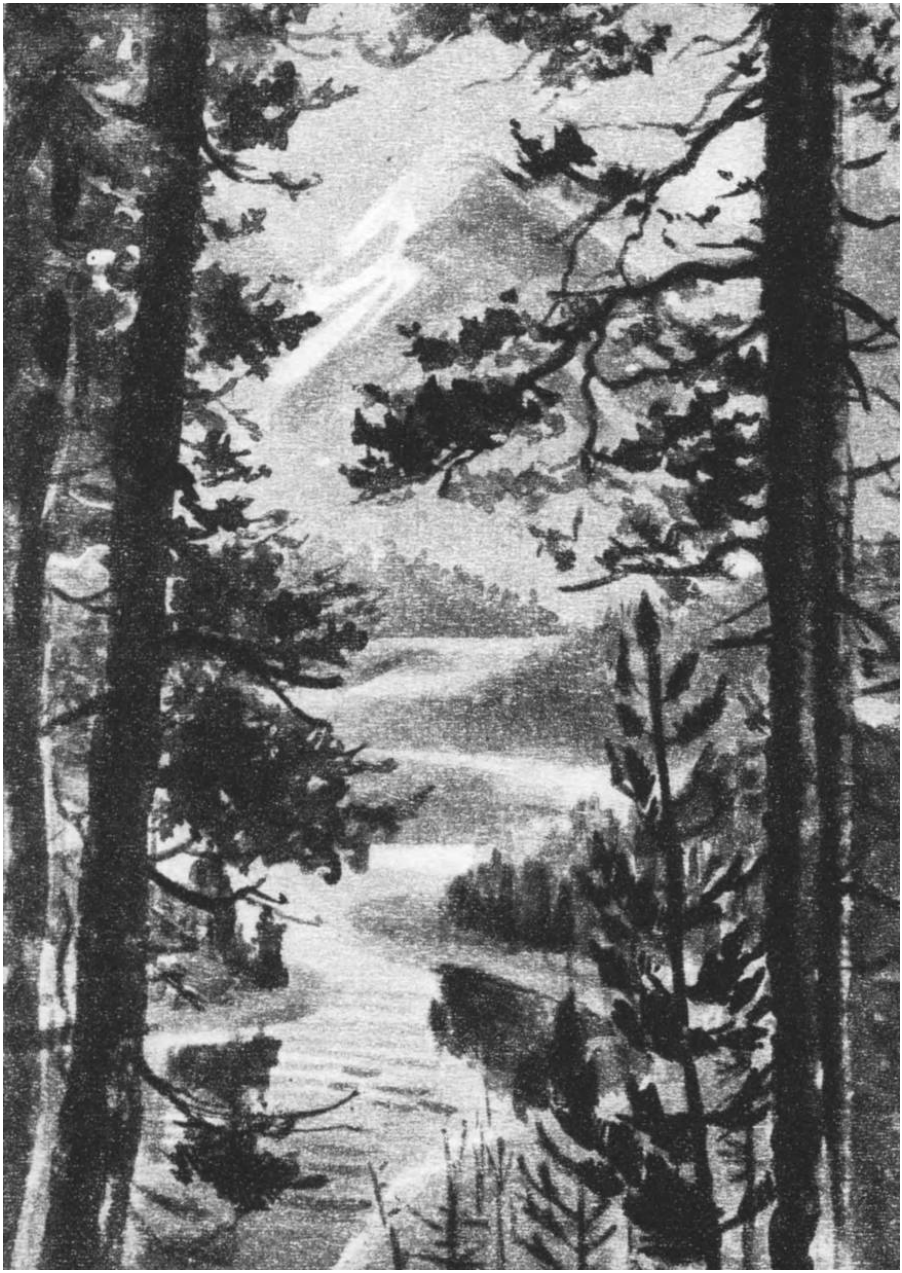
15 июля экспедиция Кропоткина переправилась через Витим.

Южнее Витима по гребням гор и в падях уже не оказалось ни каких звериных и охотничьих троп. Звери стали попадаться редко, а потом и совсем исчезли. Людей не встречали вовсе. На гольцах кое-где торчали лиственницы. На плоских и сырых местах между гольпами виднелись сплошные заросли ягелей, или оленьих мхов.

Кропоткину ничего не оставалось, как итти по самому гребню гор, покрытых гранитными россыпями, между которыми пестрели большие желтые поляны ягелей.

Чем дальше шли, тем становилось все глуше и глуше. А подъемы и спуски становились всё труднее. Истощались лошади, утомлялись люди. Этот трудный переход по гольцам и тайге, с бесчисленными подъемами и спусками, с теснинами в падях, которые

казались непроходимыми, с частыми невольными купаньями при
переправе через ледяные потоки, отнял у всех столько сил, что
невольно закрадывалась мрачная мысль, как бы не погибнуть
Большие надежды возлагались на лошадей. Надо было во что бы
то ни стало сохранять их силы. И чем дальше шли, тем более
заботы проявляли люди к своим лошадям, берегли их, ухаживали за
ними, старались поосторожнее провести в трудных местах. И все-
таки, несмотря на все заботы, караван потерял десять лошадей. Но
сорок оставались целыми и невредимыми.
Нельзя не отметить предусмотрительности Кропоткина. Он
запасся большим количеством ржаных сухарей, и каждый раз, когда
лошади совсем отказывались итти, их подкармливали сухарями
они оживали и двигались дальше. Вряд ли удалось бы преодолеть
без жертв трудный переход от реки Витима до Муи, если бы не
было такого запаса ржаных сухарей. Караван прошел этот участок
маршрута за восемь дней, двигаясь по речкам; они пересекли
горную страну, которая представляла два тесно связанных
между собой хребта. Оба хребта имели множество разветвлений и
отрогов.
Караван шел по лабиринту падей, то поднимаясь на гольцы, то
спускаясь в пади, старательно соблюдая все время общее
направление маршрута на юг.
Спустившись в одну из таежных падей, караван попал в ущелье,
которое с первого взгляда показалось совсем непроходимым. По не
му несся бурный горный поток, а русло было завалено огромными
каменными глыбами. Приходилось то карабкаться среди
непролазной чащи по берегу потока, то влезать в него по колено и глубже



Люди выбились из сил, и казалось, что им никогда не выбраться
из этой дикой и темной горной щели. Они шли уже два дня
подряд, еле-еле двигаясь в жуткой таежной теснине, которой, казалось,

не было конца. То и дело люди останавливались, чтобы подкормить
лошадей и самим передохнуть. Вдруг, на третий день, уже к закату солнца, впереди показался широкий просвет. Там, на отдаленном горном склоне, на солнце ярко зеленел лес. Еще несколько усилий, и караван выбрался в широкую долину. Всех охватила радость:
наконец-то вырвались из гиблых, мрачных мест!
Шли молча, только переглядывались друг с другом, гладили лошадей, улыбались. Измученные люди готовы были прыгать, как мальчишки, если бы их ноги не подкашивались от усталости.
Долину окаймляли леса всех оттенков — от темных сосен и кедров до белых березовых рощ. Сочный и яркий, пестрый луг ковром расстилался вокруг. Ноги тонули уже не в топи болот, а в мягкой зелени. На пройденных гольцах была мертвая полярная тундра, в падях — непролазная тайга из темных лиственниц. А здесь, в широкой просторной долине реки Муи, пестрели веселые, яркие лесные поляны, покрытые крупными цветами — голубыми, белыми, красными. Встречались большие поляны незабудок, издали казавшиеся озерами.
И леса были совсем иные. После мрачного безмолвия экспедиция попала в леса, полные жизни. Тут во множестве водились непуганые звери. Птицы оглашали воздух пеньем и гамом. На утренней заре они кричали все хором. Для лошадей был тут же, под ногами, великолепный корм. Все вздохнули свободно — опасности и трудности были теперь позади. Расчет Кропоткина оправдался вполне. Истощенные лошади могли откормиться, отдохнуть и набраться новых сил.
Теперь главной заботой Кропоткина было восстановить силы людей и лошадей. И он объявил, что здесь они станут лагерем на несколько дней.
Между реками Витимом и Муей караван пересек два больших

горных хребта с бесчисленным количеством горных отрогов. По
именам рек первый хребет Кропоткин назвал Делюн-Уранским, а
второй — Северо-Муйским. Долина Муи казалась
путешественникам после всего пережитого земным раем. Особенно радовался
Поляков; он усердно охотился и набрал большую зоологическую
коллекцию. В ней были и птицы и звери.
Однако здесь, как повсюду в Восточной Сибири, прелести «рая»
отравлял гнус. Комары и мошки немилосердно жалили, и для
спасения от них приходилось днем и ночью жечь костры. Только в
дыму можно было спастись и людям и лошадям от гнуса.
Сам Кропоткин отдохнул быстро, и скоро его начала тяготить
вынужденная остановка. На третий день после прихода в долину
Муи он писал брату:
«Устье реки Муи, 6.IV.1866 г.
Ну, Саша, пишу тебе с устья Муи. Треть дороги уже сделана,
теперь осталось всего каких-нибудь сто верст, правда через очень
скверный хребет, и мы будем в таких местах, которые находятся в
удобном сообщении с забайкальскими приисками, а на этих
приисках бывал едущий с нами господин из Читы. Следовательно,
теперь я уже не теряю надежды быть в Чите. Шли сносно, скучно
иногда — нет ни обнажений, ничего интересного, тайга, знай только
глаза оберегай.
Сидя в Иркутске, трудно вам даже составить себе понятие о
таежных удовольствиях. Здесь, на Муе, такие несметные силы
комаров, что до сумасшествия (временного, утешься) можно дойти, и
тебя 30 раз вспомнишь с твоими проклятиями лету. Жара более
22 градусов, дымокур в палатке, следовательно угар — мерзость
порядочная. Два дня ничего не в состоянии был сделать, подумать не

в силах, в жаре среди мошки дураком валяешься, весь мокрый;

ждем не дождемся второй половины августа. Как все это

благодетельно должно действовать на мозговую деятельность. Пять-шесть

лет так провести —- хорошо отупеешь».

* * *

Когда через несколько дней караван двинулся в путь, встретили

на Муе первых людей. Это были восемь якутских семейств —

первые поселенцы на Муе, переселившиеся сюда три года назад с

верховьев реки Куянды. Жили они в юртах. Неожиданностью было

увидеть тут поле ячменя, засеянного якутами. У них было десять

коров и пять лошадей.

На южной стороне долины высился горный хребет. Кропоткин

назвал его Южно-Муйским. Экспедиции предстояло пересечь

широкую долину Муи и переправиться через этот хребет, за которым

лежала тоже совсем неведомая страна, на картах обозначенная

белым пятном. Берестяная карта, которой руководствовался

Кропоткин, ограничивалась Северо-Муйским хребтом. Теперь уже

приходилось итти без всякой карты.

31 июля караван Кропоткина подошел к Южно-Муйскому

горному хребту. Каждый раз, когда приходилось подниматься на

высокогорные перевалы, казалось, что они опять попадут в

непролазную, суровую тайгу или в тундру среди гранитных гольцов. Но

здесь, на Южно-Муйском хребте, природа была несравненно ласковей.

И все же подъем был нелегкий, и чем выше в горы забирался

караван, тем становилось труднее.

«Помнится мне, — писал Кропоткин, — как, измученные

подъемом, ждя лошадей в поводу среди кустарникового березняка и

кедрового стланца, мы с трудом поднялись на вершину и бросились

отдохнуть в мягкую подушку мохового покрова. Но вид,

который
представился моему взору, заставил забыть всю усталость и тотчас
же взяться за карандаш. Внизу, под нами, шла узкая падь горного
ручья Давакита, а далее расстилалась широкая, верст на 20 или 30,
долина реки Муи, которую мы только что пересекли. Светлая
зелень болотистых лугов в долине перемежалась с темной зеленью
сосновых боров. Среди лугов там и сям мелькали блестящие
поверхности небольших озер. Вдали, почти на самом горизонте,
поднимались резко очерченные цепи гор Северо-Муйского хребта».

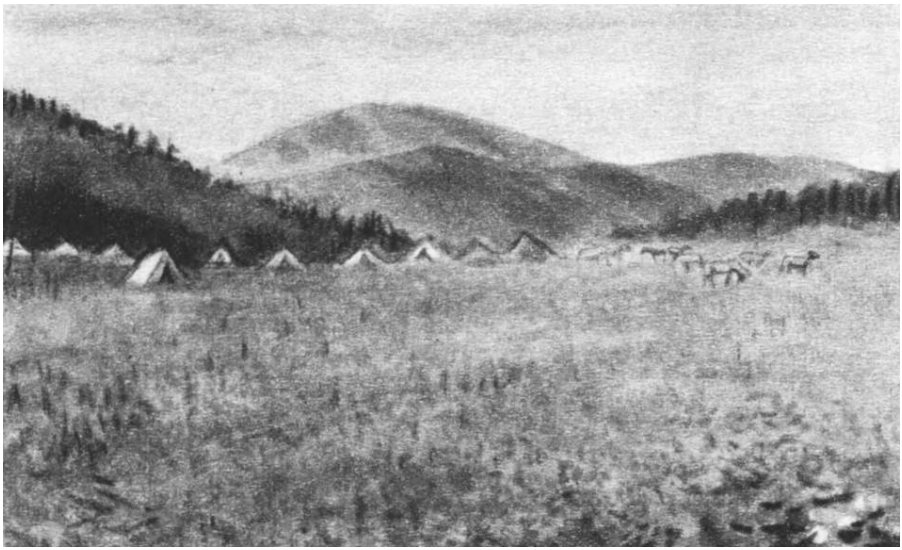
Кропоткин не расставался с походным альбомом и постоянно
делал в нем зарисовки, иногда на ходу быстрыми штрихами, а
когда было время, то создавал неплохие рисунки. Так он готовил
иллюстрации к своим научным отчетам. Впоследствии, в
Петербурге, когда печатались отчеты Кропоткина о путешествиях, по его
рисункам были сделаны гравюры.

С вершины Южно-Муйского хребта раскрывалась
величественная картина долины реки Муи. Кропоткин, любуясь красотой
окружающей природы, с волнением думал о том, что ждет их впереди
к югу, за Южно-Муйским хребтом.

Там оказалось обширное плоскогорье с невысокими холмами,
расположенными в верховьях Витима. Это плоскогорье Кропоткин
назвал Витимским. Его высота в самых нижних долинах оказалась
около тысячи метров.

На почти ровном Витимском плоскогорье виднелись темные
полосы лесов. Но эти леса были разнообразнее и богаче, чем в
долинах и падях Северо-Муйского хребта, где была одна лиственница
и только изредка попадались ель и сосна. На склонах
Южно-Муйского хребта росли лиственница, кедр, ель, сосна, пихта, береза,

тополь и ивы разных пород. За перевалом, на севере, тайга почти
безжизненна, а здесь, в лесной чаще, мелькали темные олени, косули, лоси, встречались волки и медведи.



Наблюдая расположение горных хребтов, окаймляющих Витим-
ское плоскогорье, а также и других горных хребтов
северо-восточной Азии, Кропоткин все более и более убеждался в ошибочности
прежних представлений большинства географов о строении гор
Восточной Азии.
Размышления об истории образования этих гор и
возвышенностей не давали покоя молодому исследователю. Во время этой
экспедиции его предположения сложились уже в стройную теорию. Он
предполагал, что горные хребты северо-восточной Азии
расположены вокруг грандиозного плоскогорья, которое тянется с юго-запада,
от Памира, на северо-восток — к Берингову проливу.
* * *
Уже два месяца экспедиция находилась в пути, но все еще
конец пути был далеко.
С Южно-Муйского хребта предстояло спуститься на Витимское

плоскогорье, пересечь его, подняться на Яблоновый хребет и оттуда спуститься в долину реки Читы. Но этот дальний путь по неизвестной стране, который потребовал еще целого месяца, теперь никого уже не смущал. По сравнению с пережитым ранее теперь путешествие казалось нетрудным. Всем было ясно, что караваи дойдет до цели, что бы ни случилось. Непролазная тайга и трудные теснины падей остались позади. Теперь попадались большие пространства топей и болот, но их можно было обходить. Лошади подкормились и окрепли за неделю пребывания на Муе. Хуже приходилось людям. Уже два месяца все питались только ржаными сухарями да сушеным мясом, которые запивали чаем. Все остальное продовольствие кончилось. Скоро пришлось сократить и порцию сухарей.

Когда спустились с гор на Витимское нагорье, леса и рощи стали перемежаться обширными лугами и сочной травой. Чем дальше караван двигался на юг, тем меньше становилось лесов, пейзаж стал принимать степной характер. И по мере продвижения к югу степи становились суше. Климат стал мягче, на открытых местах ветер отгонял комаров и мошек, на ночлегах люди хорошо отдыхали.

В лугах и степях было свое животное и птичье население. Тарбаганы, пищухи, полевки тысячами бегали в траве, а над ними носились в воздухе соколы, орлы, сычи, нападавшие сверху стрелой на свою добычу.

5 августа караван Кропоткина достиг реки Бомбуйко. Согласно общему направлению на юг, Кропоткин пошел вверх по берегу этой реки. Еще полмесяца пришлось итти по ненаселенным местам, и

19 августа экспедиция достигла золотого прииска Задорный в Баргузинском округе. Караван впервые достиг жилых мест, где
мог возобновить запасы и люди могли хорошо отдохнуть.
Дальше путь шел уже по торной дороге, проложенной от Читы на
прииск.
Через три дня караван был на втором прииске — Серафимовском.
30 августа подошли к верховьям Витима в том месте, где в него
впадает река Холоя.
Здесь переправились через Витим.
Еще через неделю ночевали на берегу большого Телембинского
озера и подошли к предгорьям Яблонового хребта,
представляющего южную окраину Витимского нагорья.
Перевалив через него по разработанной дороге, караван
спустился с Витимского нагорья и раскинул свой лагерь на берегу
реки Читы.
В ЧИТЕ
Под веселый мерный перезвон колокольчиков 8 октября караван
Кропоткина входил в город Читу.
Горожане высыпали на улицу смотреть на это необычное
зрелище. А когда узнавали, что караван прошел по дикой, нехоженой
тайге, горам и у!дельям тысячу двести километров, удивлению и
восхищению не было конца. Тысяча двести километров — это
расстояние по прямой по меридиану от Ленских приисков до Читы,
но в действительности проделанный караваном путь был намного
длиннее: сколько приходилось делать обходов, спусков и подъемов!
Кто бы узнал сейчас среди загорелых, закаленных
путешественников недавнего ученика аристократического пажеского корпуса,
каким был Кропоткин несколько лет назад!
Кропоткин был доволен и счастлив, пожалуй, больше всех.
Люди, которые доверили ему срои жизни, были здоровы и
закалились. Из пятидесяти лошадей сорок дошли до города

Читы.

Якутские лошади были нагружены, пожалуй, не меньше, чем в день выезда экспедиции. Правда, поклажа была другая: вместо запаса черных сухарей и другого продовольствия в мешках лежали камни с наклейками и другие коллекции, собранные Кропоткиным и Поляковым в пути.

Материалы экспедиции, собранные на многих гольцах трех горных систем — на Северо-Муйском, Южно-Муйском и Яблоновом хребтах — и на Витнмском нагорье, имели большую ценность для науки.

Как человек в высшей степени скромный, Кропоткин в своих отчетах Географическому обществу почти не упоминает о всех тех трудностях, лишениях и опасностях, которые пришлись на его долю.

Только в письмах к брату он признавался, что дошел до предцын-готного состояния: у него вылезли волосы до половины темени.

«Моя лысина твою догоняет», шутил он. Расшатались и жестоко болели зубы, но он надеялся, что в нормальных условиях это сразу пройдет.

«Отвечая на вопросы удивленных обывателей, что пришли с олекминских приисков, — писал Кропоткин, — мы замечали, что в этом городке, живущем на Иркутско-Амурском тракте с его иркут-ско-амурскими интересами, никто ясно даже не отдавал себе отчета, где это олекминские прииски».

В Чите Кропоткин и его спутники сами удивлялись, как это они одолели этот «непроходимый» путь.

Прошло немного дней. Кропоткин и его спутники быстро отдохнули и стали забывать о перенесенных муках путешествия. Кропот-кин радовался: он познал счастье больших теоретических обобщений. В его уме сложились новые, смелые

географические теории,

основывающиеся на большом научном материале, собранном им в

экспедициях.

* * *

Уже первый отчет об Олекминско-Витимской экспедиции вызвал

огромный интерес среди географов.

Когда в 1867 году в Петербурге Кропоткин сделал доклад в

Русском Географическом обществе, все тогдашние географы и

путешественники — члены общества — слушали его с захватывающим

интересом. Географическое общество присудило ему золотую

медаль за Олекминско-Витимскую экспедицию и избрало его

секретарем отделения физической географии.

Кропоткин позже опубликовал свои труды «О ледниковом

периоде» и «Об орографии Восточной Сибири», и они принесли ему

мировую славу.

Больше всего радовало Кропоткина, что он привлек внимание

ученых -- географов, геологов — и путешественников к далекому

сибирскому краю — к исследованию и изучению малоизвестной

окраины своей великой родины.

После Кропоткина основные черты рельефа Забайкалья

исследовали академик В. А. Обручев, профессор А. П. Герасимов и др.

По предложению академика В. А. Обручева, в честь первого ее

исследователя полоса гольцов, проходящих по Ленско-Витимской

горной стране, была названа хребтом Кропоткина. Это

название осталось в географической литературе и на картах.

Работа Кропоткина «Об орографии Восточной Сибири» была

долгое время настольной книгой для геологов и географов»

изучавших этот край.

Известный ученый Вознесенский, изучая Восточную Сибирь,

назвал именем Кропоткина голец в Становом хребте.

По ценности научных открытий и важности практических

результатов, по трудности и опасности, по проявленной Кропоткиным

предприимчивости и бесстрашию Олекминско-Вйтимская

экспедиция была самым значительным из всех его сибирских путешествий.

Кропоткин всегда был необычайно скромен в оценке своих научных подвигов. В отчете об Олекминско-Витимской экспедиции Географическому обществу он писал:

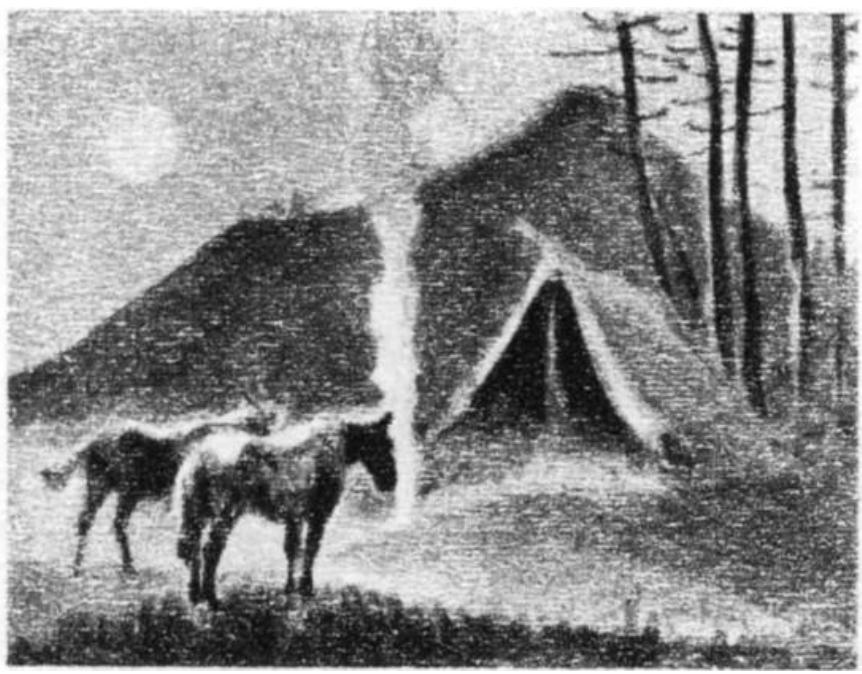
«Впрочем, кое-что, не лишенное интереса, удалось-таки собрать: важно уже то, что нам удалось заглянуть в неведомый край и пересечь это нагорье во всю его ширину».

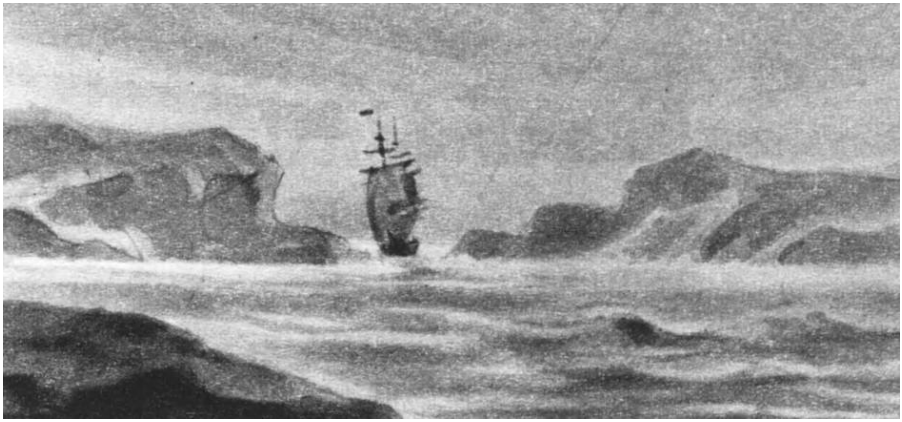
Дальше он дал отчет на шестистах восьмидесяти страницах, к своему отчету присоединяя и отчет своего друга И. С. Полякова.

«Читатель заметит, — писал Кропоткин, — что мы оба вовсе не говорим о человеке. Самая главная причина этого та, что мы людей почти вовсе не видали...

2—3 полуголодные семьи тунгусов попались нам на Витиме при устье Нерчи, то-есть в самом начале похода; 5—6 якутских и тунгусских семей попались лотом при устье Муи; 2—3 бурятских семьи — на Енгандине».

Огромный край, по которому путешествовал Кропоткин, был почти ненаселен.





ГЛАВА ПЯТАЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ

Кропоткин ясно понимал, что у него нет достаточных теоретических знаний, чтобы обосновать свои смелые географические гипотезы.

Военная служба связывала его: он оставался чиновником особых поручений по казачьим делам при иркутском генерал-губернаторе. Это отнимало много времени и отвлекало его от науки. Но расстаться со службой было не так просто: все-таки она давала средсгва к жизни. От доходов с имений своего отца Кропоткин сам давно отказался.

Еще в Сибири он начал литературную работу, посылал корреспонденции в газеты, перевел английскую книгу «Философия геологии» Педжа. Литературная работа давала небольшой заработок, но на нее тоже требовалось свободное время. Все же Кропоткин решил отказаться от офицерской службы, выйти в отставку, вернуться в Петербург и жить исключительно на литературный заработок. Петербург манил его как научный центр, где были универ-ситет, библиотеки и Географическое общество, в которое он уже

не раз посылал свои доклады.

Что более всего его смущало и мучило — это недостаток систематического образования.

В письмах к брату он с тоской говорил, что ничего не знает и поэтому ничего не сможет сделать в науке. Это, конечно, было преувеличением.

Кропоткин подал в отставку и весной 1867 года был уже в Петербурге.

Он решил поступить «на старости лет», как он говорил (ему шел двадцать шестой год), в университет, для того чтобы получить систематическое математическое образование. Он чувствовал, что только оно может дать ему положительные знания для обоснования волновавших его географических проблем. И Кропоткин стал студентом математического отделения физико-математического факультета.

Известный путешественник, человек с большим жизненным опытом, с бородой во всю грудь и уже начинающий лысеть сел на студенческую скамью, среди молодых, безусых первокурсников. Но это нисколько не смущало Кропоткина, да и некогда было думать об этом.

Кропоткин начал усердно заниматься математикой.

Жил он в это время на свой литературный заработок: писал статьи в газеты и журналы о своих путешествиях и делал переводы для научных изданий. Свободное время он отдавал своей излюбленной науке — географии, осмысливанию собранных в экспедициях материалов.

Радость научного творчества Кропоткин ощутил впервые, когда готовил отчет об Олекминско-Витимской экспедиции.

Еще во время путешествий по Восточной Сибири он убедился, что горные цепи, как они значились тогда на картах, нанесены совсем неверно.

Во время путешествия в Саянах, по Маньчжурии и особенно

во
время Олекминско-Витимской экспедиции Кропоткина поразило это
несоответствие карт тому, что он видел в действительности.
Тогда же у него невольно возникло стремление во что бы то ни
стало разъяснить основные черты в строении рельефа этой обширной страны.
«Так например, чертежники, — писал Кропоткин, — изобразили
восточную часть Станового хребта в виде громадного червя,
ползущего по карте на восток. Этого хребта в действительности не
существует».
Таких примеров он знал немало.
Кропоткин видел, что истоки рек, текущих с одной стороны в Ледовитый океан, а с другой — в Тихий океан, зарождаются в одних и тех же болотах.
«В воображении европейских топографов, — писал
Кропоткин, — самые высокие горные хребты должны находиться на
главных водоразделах, и вследствие этого тут изображали высокие
цели гор, которых нет в действительности. Много таких
-несуществующих хребтов бороздило карту северной Азии...»
Молодой географ видел, что материалы его опровергают все
старые представления о строении Восточной Сибири. И вот тут перед
ним встало серьезное препятствие, о котором он писал:
«Долгое время меня путали в моих изысканиях прежние
карты, а еще больше — обобщения Александра Гумбольдта, который
после продолжительного изучения китайских источников покрыл
Азию сетью хребтов, идущих по меридиану и параллельным кругам.
Но наконец я убедился, что даже смелые обобщения
Гумбольдта несогласны с действительностью».
Это ставило Кропоткина в особенно трудное положение.
Гумбольдт, известный естествоиспытатель, для самого Кропоткина был
несомненным авторитетом, и отбросить для самого себя обобщения
Гумбольдта было нелегко.

Кропоткин решил подвергнуть сомнению все те предположения,
которые у него у самого возникли во время путешествий, о
строении Восточной Азии и основываться исключительно на точно про
верейном фактическом материале. Он взял большую карту и на
нее нанес хребты и плоскогорья, на которых он побывал сам.
Затем он собрал все отметки высот, сделанные прежними
путешественниками.
На оснований опубликованных определений астрономических
пунктов он вычислил еще сотни высот. Добавил к этому и еще
семьсот своих собственных определений высот.
В результате этой работы Кропоткин имел в своем
распоряжении около трех тысяч точек высот в северной Азии.
«Затем последовали, — писал Кропоткин, ¦¦¦- месяцы упорной
мысли, чтобы разобраться в хаосе отдельных наблюдений».
Молодой ученый около трех лет бился над тем, чтобы понять и
обобщить установленные им факты и создать свое представление о
строении горных хребтов Азии.
И вот наступило блаженное мгновение, о котором Кропоткин
писал: «Наконец все разом внезапно осветилось и стало ясно и
понятно».
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ КРОПОТКИНА
Еще во время путешествий по Маньчжурии и в особенности
на Патомском нагорье и в Саянах Кропоткин пришел к
заключению, что Сибирь — совсем не обширная равнина, простирающаяся
от Урала до Тихого океана, какой в то время обычно
представляли ее, а громадное плоскогорье, повернутое своим узким концом
к Берингову проливу. Это плоскогорье, по мнению Кропоткина,
состоит из двух ступеней, одна из которых идет от Тибета до
границ Советского Союза, высотой от трех тысяч до трех тысяч
шестисот метров. Другая ступень занимает большую часть Восточной
Сибири и имеет высоту от девятисот шестидесяти до тысячи

пятисот метров.

По краям этого плоскогорья, поднимаются окраинные хребты, которые очень сильно увеличивают материк в ширину.

Кропоткин считал, что Азиатский материк образовался из древнего первичного массива, который, в свою очередь, представлял собой обломок еще более древнего околополярного материка.

Этот древний массив был вытянут по направлению с юго-запада на северо-восток, и вокруг него в последующие геологические периоды образовались складчатые горные хребты.

Они являются основными хребтами Азии и все идут с юго-запада на северо-восток, как и сам материк.

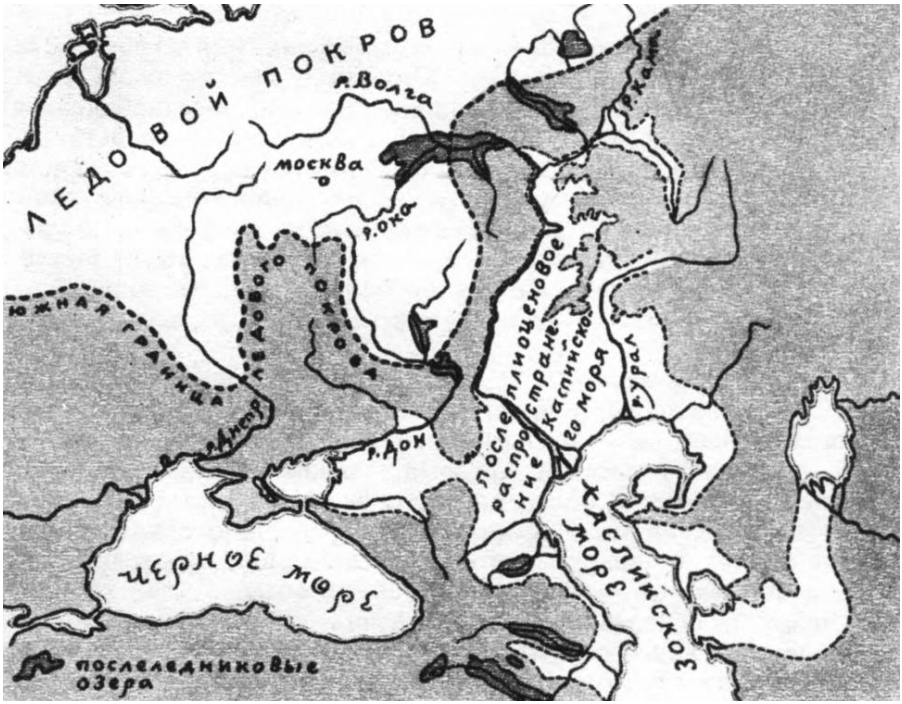
Не только талант исследователя, но и упорный труд и необыкновенная добросовестность привели Кропоткина к его замечательным обобщениям.

Кропоткин тогда же высказал мысль, что и остальные материки земного шара также возникли не сразу.

В последующее время, примерно в течение тридцати лет, эта теория была разработана европейскими геологами; а австрийский геолог Эдуард Зюсс применил ее ко воем материкам земного шара в своем капитальном труде «Лик Земли», где он нарисовал общую картину развития и строения всех материков Земли близко к той же схеме, по какой Кропоткин считал построенным материк Азии.

В своем изложении Зюсс многократно ссылается на Кропоткина и его исследования.

По схемам Зюсса, вся Восточная Сибирь, от реки Селенги до Ледовитого океана, представляла в глубокой древности первичный материк. Он был сложен из кристаллических пород. Зюсс назвал его Ангарским. Вокруг этого материка в последующие геологические эпохи, по Зюссу, откладывались пласты осадочных пород и поднимались высокие окраинные хребты. Направление этих хреб-



Карта ледниковых отложений (по Кропоткину).

тов определил первичный материк, вытянутый с юго-запада на

северо-восток.

Это утверждение Зюсса во многом совпадает с теорией

Кропоткина, созданной намного ранее.

Свои взгляды на строение Восточной Сибири Кропоткин

изложил и обосновал в работе «Об орографии Восточной Сибири».

«Эту работу я считаю моим главным вкладом в науку»,

писал он.

Очерк Кропоткина и приложенная к нему карта не только

объясняют главные физические черты Азиатского материка и его

геологическое строение, но в нем объяснено и распределение

климата, происхождение и распределение животного и растительного

миров.

Ценным вкладом в географическую науку была зародившаяся

во время путешествий по Сибири теория Кропоткина о ледниковом

периоде в истории Земли. Он опубликовал ее впервые в 1867 году.

Для полного фактического обоснования ее Кропоткин в 1871 году
отправился, по поручению Географического общества, изучать
ледниковые отложения Финляндии и Швеции.
Здесь он подтвердил свою теорию множеством новых фактов и
составил карту ледниковых отложений.
«И тенерь,— писал Кропоткин,—когда я всматривался в
холмы и озера Финляндии, у меня зарождались новые,
величественные обобщения. Я видел, как в отдаленном прошлом, на заре
человечества, в северных архипелагах, на Скандинавском
полуострове и в Финляндии скоплялись льды. Они покрыли всю северную
Европу и медленно расползались по ее центру. Жизнь тогда
исчезла в этой части Северного полушария и, жалкая и неверная,
отступала все дальше и дальше на юг перед мертвящим дыханием
громадных ледяных масс. Несчастный, слабый, темный дикарь с
великим трудом поддерживал непрочное существование.
Прошли многие тысячелетия, прежде чем началось таяние льдов
и наступил озерный период. Бесчисленные озера образовались
тогда во впадинах — жалкая субполярная растительность начала
робко показываться на безбрежных болотах, окружавших каждое
озеро, и прошли тысячелетия, прежде чем началось крайне медленное
высыхание болот и растительность стала надвигаться с юга... В то
время как вера в ледяной покров, достигавший Центральной
Европы, считалась непозволительной ересью, перед моими глазами
возникла величественная картина, и мне хотелось передать ее в
мельчайших подробностях, как я ее представлял себе. Мне
хотелось разработать теорию о ледниковом периоде, которая могла бы
дать кл»оч для понимания современного распространения

флоры и фауны и открыть новый горизонт для геологии и физической географии».

Кропоткин установил, что ледяной покров не менее тысячи метров толщиной некогда покрывал значительную часть Европейской России. Он шел сплошным потоком с гор Скандинавии. В послеледниковый период, как предполагал Кропоткин, наступил озерный период, когда в Северном полушарии появились тысячи больших и малых озер.

Доклад Кропоткина в Географическом обществе о ледниковой теории произвел огромное впечатление.

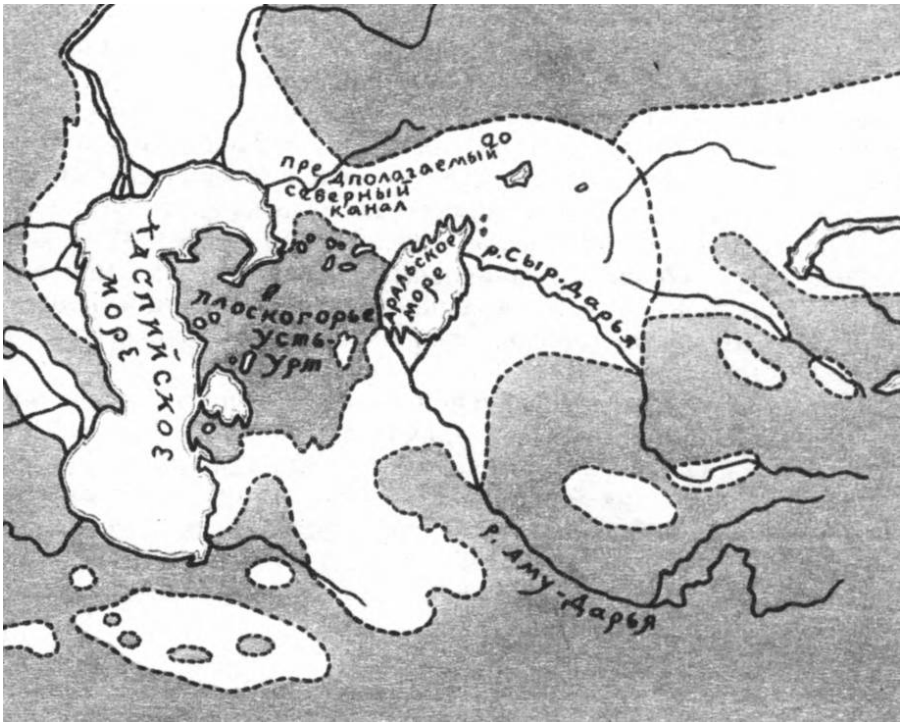
* * *

В 1876 году вышла в свет классическая работа Кропоткина «Исследование о ледниковом периоде». Это был объемистый том в семьсот с лишним страниц, со множеством карт, собственноручных рисунков Кропоткина и чертежей.

Теория о ледниковом периоде была так основательно разработана Кропоткиным, что вошла в обиход науки. Последующие исследования во многом дополнили теорию Кропоткина. В частности было установлено, что в послетретичное время было несколько оледенений.

* * *

Какой бы географический вопрос ни стоял перед Кропоткиным, его творческий ум, вооруженный обширными знаниями, почти всегда открывал что-нибудь новое. Так случилось и с его теоретическими исследованиями Арктики.



Карта озерного периода (по Кропоткину).

Кропоткин заинтересовался нашим Крайним Севером и вошел

в образованный при Географическом обществе Комитет Севера,

стал его секретарем и, как всегда, с увлечением занялся

делами Комитета. После путешествий по Сибири и Дальнему Востоку

его тянуло в новые экспедиции. В то время Комитету было дано

задание разработать план большой русской полярной экспедиции

и наметить научные работы, которые она должна была

выполнить.

Приближалось время снаряжать экспедицию, и тут оказалось,

что очень немногие из членов Комитета выполнили порученное им

дело.

«Как это часто случается, — вспоминал Кропоткин, — к сроку

готовы были только несколько отделов: по ботанике, зоологии и

метеорологии. Все остальное пришлось составить секретарю комитета,

то-есть мне».

Понятно, что положение Кропоткина было трудным. Но отстраняться, когда задача оставалась нерешенной, было не в его правилах, и он сделал все за всех.

«Некоторые вопросы, — писал Кропоткин, — как, например, зоология морских животных» приливы, наблюдения над маятником, земной магнетизм, были для меня совершенно новы. Но трудно себе представить, какое количество работы может выполнить в короткое время здоровый человек, если напряжет все свои силы и прямо пойдет к корню каждого вопроса. Я засел за работу и просидел над нею, выходя только обедать, две с половиной недели.

Я спал только часов 5—6 и поддерживал бодрость сперва чаем, а потом красным вином, которое я пил маленькими глотками по ночам, чтобы не заснуть за столом».

Доклад Кропоткина был готов к сроку и содержал обширную программу научных исследований.

Дело, конечно, не в том, что Кропоткин был здоровый человек.

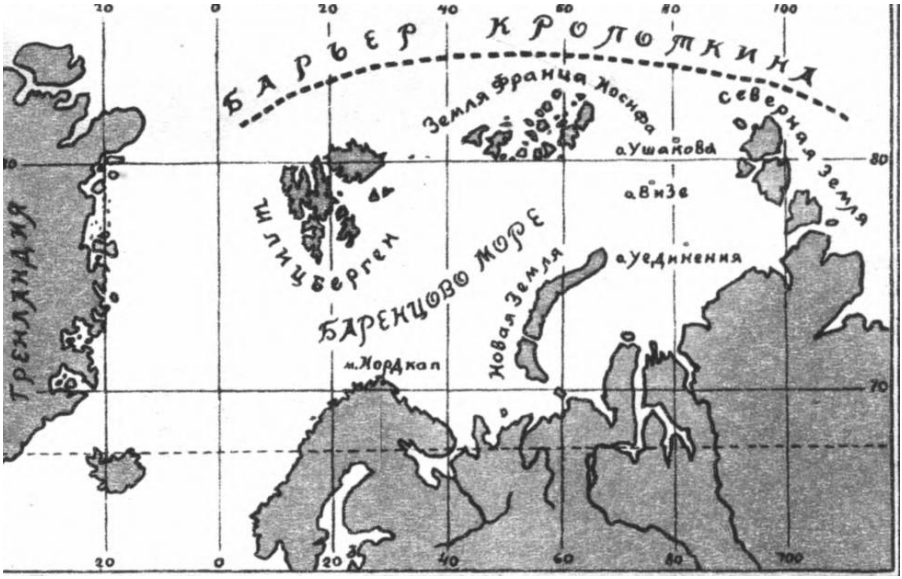
Он был необычайно талантлив и отличался исключительной трудоспособностью.

Ознакомившись со всеми материалами, какие только были в Географическом обществе и в литературе, Кропоткин пришел к неожиданному заключению.

«К северу от Новой Земли, — писал он, — должна существовать земля, лежащая под более высокой широтой, чем Шпицберген.

На это указывали: неподвижное состояние льда на северо-запад от Новой Земли, камни и грязь, находимые на плавающих здесь ледяных полях, и некоторые другие мелкие признаки».

Таким образом, он установил существование архипелага остро-



Земля, открытая теоретически Кропоткиным.

вов к северу от Новой Земли. Эту землю, открытую им теоретически, Кропоткин нанес на карту.

Географическое общество было увлечено этим открытием не меньше самого Кропоткина.

Решено было снарядить полярную экспедицию во главе с Кропоткиным.

Он с увлечением занялся подготовкой к полярному путешествию. Полгода неустанного труда затратил молодой исследователь на снаряжение экспедиции. Можно было уже отправляться в путь.

Для экспедиции была нанята норвежская шхуна. Но делу, подготовленному с таким талантом и энергией, не суждено было состояться. Министр финансов категорически отказался ассигновать сорок тысяч рублей на экспедицию.

В Географическом обществе эту землю, нанесенную Кропоткиным на карту, уже называли «барьером Кропоткина».

У всякого на месте Кропоткина срыв экспедиции мог надолго испортить настроение, но он не поддался чувству досады, не утратил своей энергии и вместо полярной экспедиции, по поручению Географического общества, отправился тогда в Финляндию и Шве-

цию собирать новые материалы для обоснования ледниковой теории.

Прошло два года, и по намеченному Кропоткиным пути отправилась австрийская полярная экспедиция под начальством двух морских офицеров — Пайера и Вейпрехта. В указанной Кропоткиным области экспедиция открыла архипелаг островов, который был назван именем австрийского императора — Землей Франца-Иосифа.

Можно представить себе состояние Кропоткина, когда он узнал эту новость! Большой архипелаг островов, находящийся в водах, омывающих берега России, получил имя одного из самых ничтожных императоров — Франца-Иосифа — и вошел в состав Австро-Венгерской империи, тогда как по справедливости он должен был принадлежать России. И только после Великой Октябрьской социалистической революции хозяином Земли Франца-Иосифа стал советский народ.

Мысль Кропоткина упорно продолжала работать над проблемами Арктики.

Как известно, в течение трех столетий многие путешественники и исследователи пытались разрешить задачу Северного морского пути. Кропоткин тоже занялся ею.

Во время путешествия по Швеции он познакомился с известным полярным исследователем Норденшельдом и развил перед ним свой план открытия этого пути. Кропоткин рассказал ему свои смелые гипотезы о движении полярных льдов и увлек своими планами Норденшельда.

И в 1878-1880 годах Норденшельд совершил путешествие по Северному морскому пути на пароходе «Вега».

* * *

Книга Кропоткина «Экспедиция для исследования русских северных морей» не утратила значения и теперь. Наши

моряки,

ученые и исследователи, осваивавшие Великий Северный морской

путь, тоже пользовались ею. У наших летчиков и

ученых-полярников имя Кропоткина как исследователя Арктики пользуется

большой популярностью.

В Географическом обществе через руки Кропоткина проходили

всевозможные ценные материалы относительно географии России.

Кропоткин изучал их, сопоставлял, и скоро у него образовались

исчерпывающие для того времени познания географии России.

«Я намеревался дать, — писал Кропоткин, — полное

географическое описание всей России... Я хотел очертить в этом описании

различные формы хозяйственной жизни, которые должны

господствовать в различных физических областях».

Свой план составления географии России Кропоткин предложил

Географическому обществу, и оно согласилось с ним.

Позже, уже находясь в эмиграции за границей, Кропоткин

принял участие в известном многотомном издании «Всеобщая

география», вышедшем под редакцией Элизе Реклю в Брюсселе. В

предисловии к «Всеобщей географии» говорится, что она составлена при

участии известных географов, в том числе указано и имя

Кропоткина. Но из этого заявления Реклю никак нельзя было догадаться,

что Кропоткин написал два объемистых тома — пятый и шестой,

посвященные географии Европейской России и Сибири.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кропоткин рано осознал, что наука в капиталистическом обществе служит средством порабощения трудящихся.

«Знание — могучая сила, — писал он, — но эта сила должна быть достоянием всех трудящихся; при капиталистическом строе это невозможно. При капитализме наука всегда будет достоянием только немногих состоятельных людей». Он считал, что нужна революция, чтобы в корне изменить порядок вещей. Кропоткин решил отодвинуть научную работу на второй план и отдаться революционной агитации и пропаганде.

Весной 1874 года он собирался итти в крестьянские массы, чтобы поднять их на борьбу с помещиками и царизмом. Он хорошо понимал, что ему грозит за это каторга, а может, и казнь.

21 марта 1874 года Кропоткин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Он бы там и погиб, если бы ему не удалось бежать в мае 1876 года из тюремного госпиталя, куда он был переведен из Петропавловской крепости.

В течение тридцати с лишним лет Кропоткин жил в

эмиграции.

Он писал научные статьи в журналах и делал ежегодные доклады

о достижениях географической науки в Лондонском географическом

обществе. Кроме того, он написал почти все географические статьи

о России для Британской энциклопедии.

Наряду с Бакуниным Кропоткин стал одним из руководителей

анархистского движения. АнархизхМ был реакционным политическим

течением, отражавшим протест мелкобуржуазных элементов города

и деревни против наступавшего и разорявшего их капитализма.

Социальной опорой своей анархисты считали мелкого крестьянин

на, ремесленника и рабочего. Они отрицали необходимость

централизованной, дисциплинированной организации пролетариата для

борьбы с капитализмом, тем самым обезоруживали его перед

классовым врагом. Они отрицали необходимость диктатуры

пролетариата. В самые острые периоды революционной борьбы анархисты

оказывались открытыми врагами и предателями рабочего класса.

Во время первой мировой войны 1914—1918 годов

анархисты перешли на сторону империалистической буржуазии. Они с

ненавистью встретили Великую Октябрьскую социалистическую

революцию в России.

В отличие от других главарей анархизма, Кропоткин признал

Великую Октябрьскую революцию, как освободительницу от ига

капитализма. Долгие годы, прожитые в эмиграции, Кропоткин

тосковал о родной стране. Уже семидесятишестилетним стариком

он вернулся на родину.

Последние годы жизни (с 1918 по 1921 год) Кропоткин провел

в городе Дмитрове Московской области. Здесь он написал

последний свой географический труд — «Очерк по геологии Дмитровского
уезда».

Эта его работа была использована, когда началось строительство канала имени Москвы.

Своей страстной любви к знанию Кропоткин никогда не изменял в течение всей жизни.

В дмитровской библиотеке сохранилась его регистрационная карточка.

Библиотекарь рассказывала о своей первой встрече с Кропоткиным.

После вопроса, как зовут, библиотекарь спросила:

— Сколько лет?

Кропоткин ответил:

— Семьдесят шесть.

— Где учился?

— В Петербургском университете.

Дальше в карточке стоял вопрос: «Где учится?» Библиотекарь быстро поставила черту: где может учиться человек семидесяти
шести лет, с окладистой седой бородой, живущий в маленьком
городке Дмитрове! Но Кропоткин сказал:

— Нет, нет! Дайте карточку.

И написал своей рукой:

«У себя дома и в жизни».

Это не было шуткой. Каждый день Кропоткин приобретал какие-нибудь новые познания.

Сколько сил и труда он истратил на путешествия, можно судить
хотя бы по тому, что общая длина его маршрутов составляет почти
два земных экватора — больше семидесяти тысяч километров, а в
его странствиях по горным странам он сам для определения барометром высот поднимался больше чем на семьсот вершин и
перевалов. При этом первые годы он путешествовал почти без средств
и без снаряжения. Только на втором году путешествий ему удалось приобрести себе палатку, и это было для него событием.

Петр Алексеевич Кропоткин умер 21 января 1922 года и похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Именем Кропоткина названа одна из улиц Москвы.